

**КЫРГЫЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА**

УДК: 43.22.(575.2)

Сарманова Бахтыгуль Осмонбековна

**СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Кыргызской Республики
Курманов Карпек Шамсединович

Бишкек – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	13
1.1. Общее понятие субъекта преступления и его обязательные признаки.....	13
1.2. Возрастные признаки субъекта преступления.....	31
1.3. Проблемы вменяемости и невменяемости в уголовном праве	52
1.4. Специальный субъект преступления	64
ГЛАВА II. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	77
2.1. Об ответственности юридических лиц	77
2.2. Ограниченная (усеченная) вменяемость	92
2.3. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.....	110
2.4. Соотношение социального и биологического факторов в личности преступника	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
ПРИЛОЖЕНИЕ	177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных условиях необходимость предметного изучения субъекта преступления обусловлена тем, что, не имея полного и ясного представления по вопросу о субъекте преступления, невозможно глубоко уяснить такие значимые проблемы уголовного права, как вменяемость, возраст уголовной ответственности, ограниченная вменяемость, специальный субъект преступления и ряд других вопросов, непосредственно связанных с правоприменительной практикой.

Важность теоретической разработки признаков субъекта преступления позволяет выявить их юридическую природу, раскрыть правовое содержание и сущность, показать не только их социальную, но и биологическую обусловленность, функциональное назначение и воздействие на негативные социальные процессы и явления, и таким образом способствовать решению задач уголовно-правовой политики.

Проблема нижней и верхней возрастных границ субъекта преступления, вменяемости-невменяемости, ограниченной вменяемости и другие вопросы, связанные с субъектом преступления, требуют комплексного научного осмысления на междисциплинарной основе, поскольку относятся к числу фундаментальных теоретических проблем правовой науки и юридической практики.

Актуальность исследования данной проблематики возрастает и в связи с назревшей необходимостью некоторых изменений и доработок Уголовного кодекса КР, связанных с вопросами субъекта преступления, применение которого показало недостаточную эффективность ряда действующих норм.

В доктринальном определении субъекта преступления неизменно подчеркивается, что оно, в отличие от понятия личности преступника, имеет не социальное, а исключительно уголовно-правовое содержание. Так, по определению Н.С. Лейкиной, понятие субъекта преступления означает, прежде всего, совокупность юридических признаков, на основании которых физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. Такими постоянными и всеобщими признаками являются вменяемость и достижение лицом

определенного возраста¹. В специальном исследовании, посвященном субъекту преступления В.Г. Павлов подчеркивает, что «субъект преступления, обладающий совокупностью признаков, предусмотренных в законе (физическое лицо, вменяемость, возраст), и являющийся одним из элементов состава преступления, наиболее тесно связан с уголовной ответственностью»². В приведенном определении справедливо констатируются два обстоятельства: во-первых, уголовно-правовая характеристика субъекта преступления (сочетание трех названных признаков); во-вторых, неразрывная связь субъекта с уголовной ответственностью, вне и без которой не существует субъекта преступления.

Итак, лицо (физическое) может быть субъектом преступления только при условии, что оно: 1) совершило деяние, предусмотренное Особенной частью УК; 2) достигло возраста, с которого по закону за данный вид преступления наступает уголовная ответственность; 3) совершило это деяние в состоянии вменяемости. Первое из указанных обстоятельств представляет собой условие наступления уголовной ответственности, а второе и третье – юридические признаки субъекта преступления. Оба они неразрывно связаны с виной как основой психологического содержания преступления, т.е. психофизиологическая зрелость и состояние психического здоровья лица являются необходимыми предпосылками осознания фактического характера и социального значения совершаемых лицом действий (бездействия, способности руководить ими с учетом интересов других лиц, общества и государства).

Анализ составов преступлений с более низким возрастным порогом уголовной ответственности позволяет определить некоторые критерии их выделения. В первую очередь это преступления достаточно высокой степени общественной опасности. Другим критерием является форма вины. Подростки в возрасте от 14 до 16 лет не привлекаются к уголовной ответственности за неосторожные преступления. Далее, в перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, включены такие деяния, общественная опасность которых доступна пониманию в данном возрасте.

Одной из фундаментальных правовых категорий является категория вменяемости (невменяемости), которая представляет собой исходный элемент

¹ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С. 37.

² Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб., 2001. – С. 68.

принципа субъективного вменения «вменяем – виновен – ответственен», субъективной предпосылки вины и уголовной ответственности. Выборочный анализ уголовных дел показал, что лишь незначительная часть несовершеннолетних преступников направляется на судебно-психиатрическую экспертизу (по некоторым данным, только 10 %). При проведении судебно-психиатрической экспертизы вменяемым лицам, совершившим преступление против личности, у 68,71 % обследованных было установлено наличие различных психических отклонений. Более всего распространено сумасшествие (17,7 %), повреждение центральной нервной системы в результате полученной травмы (18,66 %), хронический алкоголизм (16,06 %), и около половины диагнозов приходится на эпилепсию. Примерно у 25–30 % осужденных женщин встречается алкоголизм, сумасшествие, повреждение деятельности центральной нервной системы и прочие психические отклонения, не исключающие вменяемость.

Следующей законодательной новеллой является ст. 20 Уголовного кодекса КР («Уголовная ответственность лица в психическом расстройстве, не исключающим вменяемости»), которая ранее в национальном законодательстве не применялась по причине негативного отношения известных психиатров, правоведов и по причине ошибок, допущенных в 20-х годах при проведении судебно-психиатрических экспертиз, когда практически все обследованные правонарушители признавались вменяемыми или уменьшено вменяемыми и часто освобождались от уголовной ответственности, иногда без достаточно веских оснований. В результате ряда подобных ошибок и обостренной реакции на них со стороны властей само упоминание об ограниченной вменяемости вплоть до 60-х годов стало «крамольным» и недопустимым.

Современная трактовка нормы в указанном варианте, на наш взгляд, является не совсем удачной и требует некоторой коррекции и уточнения, чтобы яснее определить ее реальный правовой смысл.

Отдельно хочется отметить проработку вопросов, связанных со специальным субъектом преступления. Нередко на практике возникают сложности при квалификации преступлений со специальным субъектом, поэтому установление признаков специального субъекта преступления требует дальнейшего изучения и теоретического осмысления.

Причины конкретного преступления всегда следует искать в индивидуальных особенностях личности субъекта и конкретной ситуации, в которой он находится. Таким образом, причиной преступного поведения, образно говоря, всегда выступает личность, точнее, ее отличительные особенности. Неблагоприятные конкретные ситуации играют лишь роль условий. Вне психологической связи между личностью преступника и окружающими его условиями объяснить его действия невозможно¹.

Как справедливо отмечает И.И. Карпец, существование правового понятия «субъект преступления» для уголовного права не дает оснований для отказа от криминологического изучения самых различных преступников². Личность преступника всегда рассматривается в криминологии прежде всего как личность человека. Понятие же сущности личности человека как философской категории более емко и содержательно.

Криминологические исследования подтверждают, что личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина деформированностью внутренней нравственно-психологической сферы, и, когда отрицательные изменения моральных и нравственных качеств приобретают устойчивую форму, мы говорим о наличии у этого человека антиобщественной установки. Все вышесказанное позволило прийти к выводу, что значительное число преступников, совершающих грабежи и разбой, обладает однородными личностными особенностями, среди которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность в межличностных взаимоотношениях, отчужденность и плохая социальная приспособляемость. Тем самым был подтвержден вывод, что личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина устойчивыми психологическими чертами, сочетание которых на статистическом уровне имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников.

В данной работе были изложены положения Общей части уголовного права Кыргызской Республики относительно проблематики субъекта преступления, где рассматриваются ряд спорных вопросов, касающихся верхнего и нижнего возрастного порога субъекта преступления, привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, введения в УК КР определения понятия

¹ Антонян Ю.И. Антонян Ю.М. Причины преступного поведения. – М., 1992. – С. 43.

² Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М., 1985. – С. 146.

«вменяемость», делаются выводы и обсуждаются предложения по устранению имеющихся пробелов в действующем уголовном законодательстве страны.

Степень изученности проблемы. Теоретическая разработка отдельных вопросов проблемы субъекта преступления относится к числу важнейших направлений научных исследований. Различные аспекты изучаемой проблемы рассматривались в работах таких ведущих отечественных правоведов и ученых ближнего зарубежья, как: Т.Б. Асанов, З.О. Ашитов, Б.С. Бейсенов, Я.М. Брайнин, А.А. Герцензон, Ю.В. Джекебаев, А.М. Джоробекова, А.И. Долгова, Н.И. Загородников, И.И. Карпец, М.И. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.М. Мамутов, К.М. Осмоналиев, В. Г. Павлов, И.С. Сахаров, В.Г. Смирнов, С.М. Рахметов, А.Н. Трайнин, В.Ш. Табалдиева, М.И. Федоров, А.А. Пионтковский и многие другие ученые стран СНГ¹.

Фундаментальные проблемы, связанные с правовым статусом личности, отражались в трудах известных ученых А.Н. Агыбаева, Ю.И. Антоняна, З. О. Ашитова, К.А. Бодобаева, К.И. Джаянбаева, У.С. Джекебаева, Н.И. Загородникова, К.А. Исаевой, Е.И. Каиржанова, К.Ш. Курманова, О.Д. Кима, В.А. Кигишьяна, А.Х., Миндагулова, Р.Т. Нуртаева, Г.Р. Рустемовой, А.Ш. Шаршеналиева М.К. Саяковой, Л.Ч. Сыдыковой, и др.

Ценные исследования, посвященные изучению уголовно-релевантных состояний субъекта преступления, нашли отражение в трудах ученых психиатров, психологов, юристов: Ю.М. Антоняна, С.В. Бородина, Ю.С. Богомягкова, А.А. Жижиленко, И.А. Кудрявцева, Р.И. Михеева, Г. Мюнстерберга, С.Ф. Семенова, В. П. Сербского, О. Д. Ситковской, Д.В. Сирождинова, Г.В. Назаренко и др.

Вопросы специального субъекта преступления исследовались Р. Орымбаевым, В.В. Устименко и др.

Однако тщательное изучение литературы по уголовному праву, криминологии и смежным отраслям права привело к выводу, что целый ряд вопросов, касающихся верхнего и нижнего порога уголовной ответственности, категорий вменяемости, невменяемости, состояния опьянения, проблемы уголовной ответственности юридических лиц, все еще недостаточно исследованы. Многие из них продолжают оставаться дискуссионными, либо получили поточную трактовку. Отдельного

¹ Полный перечень и наименование трудов названных авторов даны в списке использованной литературы.

специального исследования, посвященного проблемам субъекта преступления, в национальном уголовном праве не проводилось, что еще раз подтверждает актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Объектом исследования является совокупность признаков, характеризующих лицо, совершившее преступление в качестве субъекта преступления, как самостоятельного структурного элемента состава преступления. **Предметом** исследования выступают уголовно-правовые и криминологические вопросы субъекта преступления как носителя основного и важнейшего звена всего механизма преступного поведения.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные теоретические положения, основанные на концептуальных положениях философии, истории, психологии, уголовной политики, уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права по исследуемой проблеме.

В целях получения достоверных результатов были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе: формально-логический, анализ понятийно-категорийного содержания субъекта преступления, представленного в общетеоретической и специальной литературе, историко-правовой и формально-юридический методы обобщения и анализа нормативно-правовых актов и иных источников по рассматриваемой проблеме, социологический метод изучения и обобщения статистических данных, анкетирования, изучение уголовных дел и др.

Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные Информационно-аналитического центра МВД КР за 1999–2008 гг., данные Судебного департамента КР и Национального статистического комитета КР, Госслужбы исполнения наказаний при Правительстве КР, выборочные исследования 100 архивных уголовных дел местных судов г. Бишкек, Чуйской и Ошской областей, результаты анкетирования 100 сотрудников правоохранительных органов и судей г. Бишкек. В работе использовались материалы научно-практических конференций, семинаров, опубликованные данные по практике Верховного суда СССР, РСФСР, Кирг. ССР, КР и РФ. Используются результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами.

Нормативную базу исследования составили Конституция КР, Уголовный кодекс КР и другие нормативные правовые акты по исследуемой теме.

Наряду с перечисленными использовались законодательства советского периода, уголовные кодексы стран СНГ.

Цель и задачи исследования. Основная цель диссертационного исследования – комплексное теоретическое изучение уголовно-правовых и криминологических аспектов субъекта преступления как самостоятельного учения в уголовном праве на базе действующего уголовного законодательства и практики его применения, а также разработка конкретных предложений по совершенствованию УК, регулиующего ответственность субъекта преступления.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть понятие субъекта преступления, его содержание, значение и место в системе элементов состава преступления на основе ретроспективного анализа национального и зарубежного уголовного законодательства;

2) определить роль и значение возрастного порога уголовной ответственности, его место в механизме уголовно-правового регулирования на основе критического анализа действующего законодательства и практики его применения;

3) рассмотреть правовые требования установления критериев «вменяемости», «невменяемости», «психических аномалий», имеющих большое значение при субъективном вменении;

4) исследовать виды состояний опьянения, их специфические особенности, как одно из оснований для применения принудительных мер медицинского характера и уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление;

5) рассмотреть возможность законодательного признания в действующем УК КР субъектом преступления юридических лиц на примере уголовного законодательства иностранных государств;

6) определить свойства внутренних (личностных) и внешних (социальных факторов), влияющих на поведение лиц, совершивших преступление;

7) на основе проведенного исследования разработать теоретические положения и рекомендации, направленные на совершенствование уголовного законодательства Кыргызской Республики, а также практики его применения.

Научная новизна исследования заключается в том, что работа представляет собой первую в Кыргызской Республике попытку комплексного уголовно-правового

анализа понятия субъекта преступления, в которой поставлен вопрос о необходимости пересмотра его характера и содержания, отдельных ключевых признаков в свете перспективы дальнейшей гуманизации и дифференциации уголовной ответственности.

Диссертация содержит конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию норм института субъекта преступления уголовного законодательства, регламентирующие вопросы верхнего возрастного порога, вменяемости, уменьшенной вменяемости, видов состояний опьянения лиц, совершивших преступление.

Научную новизну диссертационной работы определяют также **выносимые на защиту основные положения**:

1) Теоретический вывод о том, что правовые категории «преступное деяние», «субъект преступления» и «уголовная ответственность» находятся в диалектическом единстве как исторически изменчивые уголовно-правовые категории.

2) Обоснование необходимости установления критериев верхнего возрастного порога уголовной ответственности, целесообразности законодательного признания обстоятельством, смягчающим ответственность – пожилой возраст (для мужчин свыше 65 лет и для женщин свыше 60 лет) и соответствующего дополнения к ст. 54 УК КР.

3) Аргументирование необходимости устранения законодательного пробела в УК – закрепления понятия «вменяемости». Исходя из законодательной формулировки «невменяемости» предлагается следующая редакции: *«Вменяемость есть такой уровень психического здоровья лица в момент совершения уголовно-противоправного деяния, который позволял ему осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных действий (бездействия) и руководить ими»*.

4) Обоснование утверждения о необходимости совершенствования уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения в целях исключения возможности произвольного и искаженного толкования. В соответствии с чем ст. 21 УК изложить в следующей редакции:

«1. Лицо, совершившее преступление в состоянии любой степени опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других

одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях»;

«2. Совершение преступления в состоянии является основанием для установления нуждаемости лица в принудительном лечении от алкоголизма и наркомании наряду с отбыванием наказания.

5) Предложение о нецелесообразности введения ответственности юридических лиц на современном этапе с учетом принципов и институтов уголовного права КР.

6) Авторская позиция о необходимости учета объективного и субъективного в антиобщественном поведении субъекта преступления, а также социального и биологического в личности преступника в целях эффективной реализации принципов дифференциации и индивидуализации ответственности.

7) Теоретические предложения и рекомендации, направленные на совершенствование отдельных норм уголовного законодательства КР, регулирующего ответственность субъекта преступления.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что проведен историко-правовой и сравнительный анализ уголовно-правовых норм, в котором освещаются те или иные стороны понятия субъекта преступления и который позволил обогатить представление о становлении и развитии института субъекта преступления, что разрешило в определенной мере восполнить пробелы, существовавшие в науке уголовного права КР.

Изложенные в диссертационном исследовании положения, предложения и рекомендации могут быть использованы: в деятельности законодательных органов по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства; в учебном процессе при чтении курсов по уголовному праву, при подготовке учебной, научной и методической литературы, в научно-исследовательской работе при проведении дальнейшей разработки проблем уголовной ответственности субъекта преступления и личности преступника.

Апробация результатов исследования и внедрение их в практику. Результаты проведенного исследования, основанные на них выводы и рекомендации прошли апробацию в процессе обсуждения их на кафедрах уголовного права КГЮА и уголовного права Академии МВД КР им. Э.Алиева, при подготовке публикаций,

проведении семинарских и практических занятий по курсу «Уголовное право КР», «Теория и практика квалификации преступлений и назначения наказаний».

Структура диссертации. Диссертация выполнена в объеме, соответствующем требованиям, предъявляемым к такого рода работам, и состоит из введения, двух глав, включающих в себя 8 параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложения.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. Общее понятие субъекта преступления и его обязательные признаки

В условиях коренных социально-экономических и политических преобразований в республике, демократизации и гуманизации всей общественной жизни страна столкнулась с большими трудностями, которые вызвали неоднозначные изменения в обществе. На фоне снижения объемов производства резко выросла безработица, увеличилось количество людей, оставшихся за чертой бедности, сократился доступ к гарантированным услугам образования и здравоохранения. Все это привело к кардинальным изменениям в криминогенной обстановке в обществе. По данным В.В. Лунеева, уровень преступности в Кыргызстане в 1992 г. по сравнению с 1989 годом увеличился почти в 3,2 раза¹. Данная тенденция наблюдалась практически во всех постсоветских республиках, когда государство стало терять управление и на фоне бесконтрольности практически во всех сферах жизни стал процветать криминалитет. И если среднегодовые темпы роста уровня преступности в 1986-1992 гг. равнялись 21,3%, то в 1992 г. они достигли своего пика – 37,1%. В последующие годы изменение уровня преступности носило волнообразный характер, что в принципе соответствовало общемировым тенденциям, которые были исследованы и описаны многими криминологами, в том числе и известным немецким ученым Г.Й. Шнайдером².

Данные официальной статистики свидетельствует о том, что в Кыргызстане периоды подъема уровня преступности (1999-2001 гг.) чередовались с его снижением в 1998 г. и 2004 г. Именно в 1998 г. был зафиксирован рекордно низкий уровень преступности за все годы суверенитета, при этом коэффициент преступности на 100 тыс. населения составил 714,3. Второй этап снижения уровня преступности был отмечен в 2004 г., когда абсолютное число зарегистрированных преступлений было зафиксировано на отметке 32616, а коэффициент преступности на 100 тыс. населения составил 652,3. За ним последовал 2007 год с данными общего количества совершенных преступлений по республике в 29151 факта и коэффициентом преступности на 100 тыс. населения 561,7, что свидетельствовало о снижении на 7,1%

¹ См.: Лунеев В.В. преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 108

² Шнайдер Г.Й. Криминология. Пер.с нем / Под ред. Л.О. Иванова. – М.: Прогресс, 1994. – С. 155.

по сравнению с аналогичным показателем 2006 г.. В 2008 г. в целом по республике можно было наблюдать дальнейшее последовательное снижение уровня преступности, о чем свидетельствуют данные, приведенные в Приложении в таблицах 1, 1-а. Однако среди специалистов существует мнение, что позитивные изменения в рассматриваемой нами сфере объясняется отчасти массовым противозаконным сокрытием преступлений в форме их нерегистрации с целью искусственно «снизить» показатели преступности и «повысить» раскрываемость преступлений, по которой руководство страны и МВД оценивает деятельность милиции¹. При этом, по их мнению, «особую тревогу вызывает заниженный учет преступлений в некоторых странах Закавказья и Средней Азии, где, исходя из очень тяжелой экономической, политической, военной (для отдельных стран), а, следовательно, и криминологической обстановки, не могло быть большого реального снижения преступности»². Добавим от себя, что, какие бы «положительные» коэффициенты и результаты не указывались в статданных, для простых людей преступность – это, прежде всего, угроза их личной безопасности, источник страхов, тревог, бед и трагедий, которые они ощущают непосредственно, а не через официальные сводки.

Процесс формирования правового государства обязательно предполагает создание нового типа законодательства, в том числе уголовного, который должен отвечать тем изменениям, которые произошли и происходят в нашей стране, и который должен быть направлен во благо человека и личности, влечь переоценку прав и обязанностей человека, совершившего правонарушение, и всего механизма их обеспечения.

Современная юридическая мысль в теории уголовного права под субъектом преступления понимает лицо, виновное в совершении деяния, запрещенного под угрозой наказания. Причем лицо, совершившее преступление, должно быть физическим и способным нести ответственность, т.е. достигшим определенного возраста и вменяемым. Именно эти признаки позволяют говорить о субъекте преступления как об обязательном элементе состава преступления. Теоретическое абстрагирование объективных и субъективных элементов состава преступления

¹ О массовом незаконном сокрытия преступлений от регистрации имеется обширная российская литература. См. напр.: Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. – № 1; *Гилинский Я.И.* От «цивилизованности» – к «социальности»: Преступность в Санкт-Петербурге и безопасность населения // Версия. 1995. – № 1. – С. 93–96; *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 127–131; и др.

² *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 121.

делается искусственно, для более подробного и глубокого изучения их свойств, наличие которых является достаточным основанием для его привлечения к уголовной ответственности. Отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие преступления в целом¹. Признание состава преступления основанием уголовной ответственности создает условия для строгого соблюдения законности в борьбе с преступностью, недопущения субъективных оценок тех или иных деяний².

В современном определении преступления наряду с признаком запрета под угрозой наказания включен также признак виновного, совершившего злодеяние, который в ранние исторические эпохи вовсе не был обязательным, поскольку единичный человек в эти периоды истории вовсе не обладал качеством субъекта. В таком обществе наказание за совершенное преступление могло нести лицо «постороннее», т.е. не совершавшее преступления. Определенные исторические эпохи знают прецеденты привлечения к наказанию не человека, а, к примеру, животных за уничтожение ими имущества либо нападение на людей, а также лишение свободы вещей за «соучастие» в преступлении и т.д. Такая практика, соответственно, предоставляла возможность распространения понятия об уголовной ответственности и субъекте преступления не только на людей, но и животных и даже на вещи³.

Поступательное развитие уголовной теории и практики привело к тому, что субъектами преступления перестали признаваться животные, растения, предметы и т.д. В настоящее время ими могут быть только «вменяемые», т.е. осознающие причинную связь определенного поступка и его следствий, а равным образом отношение к нему соответствующих должных норм поведения⁴.

На протяжении всей древней, средневековой и отчасти Новой истории мера наказания напрямую зависела от имущественного (сословного) положения субъекта преступления. Так, в древнеиндийском памятнике права и эпоса Законах Ману преступность и наказуемость открыто связывались с кастовой принадлежностью субъекта преступления и потерпевшего⁵. Кодекс Юстиниана 834 г. «Об испорченном

¹ Курманов К.Ш. Уголовное право Кыргызской Республики. Общая часть. – Бишкек, 1997. – С. 28.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Скуратова И.Ю., Лебедева В.М. – М., 1999. – С. 6.

³ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. – М., 1961. – С. 252–253.

⁴ Молдабаев С.С. Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – С. 9.

⁵ См.: Законы Ману. – М., 1960.

рабе» признавал деление людей на свободных и рабов в качестве основы для их правовой дифференциации¹.

«Русская правда» (II век н.э.) оценивала убийство холопа как повреждение имущества. Размер пени (штрафа) четко дифференцировался за одинаковые преступления в зависимости от классово-сословного статуса субъекта преступления и потерпевшего. Например, за убийство представителей знати полагалось заплатить 80 гривен, смерда – 5 гривен².

Уголовное законодательство эпохи феодализма открыто, последовательно и со значительной долей суровости защищало интересы представителей королевских династий, знати, духовенства, состоятельных сословий, которых зачастую вообще не признавала субъектом преступления. Например, в соответствии с классическим источником уголовного права позднего феодализма («Каролина»)³ издание и применение норм к нетяжким и мелким преступлениям, совершаемым крестьянами и челядью, составляло прерогативу синьоров, феодалов, помещиков.

С давних времен у племен и народов, населявших Тянь-Шань, действовали две системы права: на севере – адат, на юге – преимущественно шариат. Адат – это система юридических норм, правил, обычаев, называемый еще обычным правом, которое было «основным источником киргизского права вообще»⁴. Он являлся инструментом регулирования отношений внутри социума. «Бии во всех случаях применяли гибкий адат – обычное право, – пишет К. Нурбеков, – которое изменялось не только во времени и месту, но и смотря по тому, к какой группе населения принадлежит виновный – манапству, бийству, духовенству или букаре, т.е. имело сословно – классовый характер»⁵. Положения адата трактовали бии – авторитеты из знати, старейшины рода. Они руководствовались обычным правом при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел. В своей основе обычное право было ничем иным, как кулачным правом. Как известно, «джигиты, находясь постоянно около манапа, являлись исполнителями манапской воли», а также «выполняли ряд административных и полицейских функций»⁶.

¹ См.: Дигесты Юстиниана. – М., 1984.

² См.: Законодательство Древней Руси. – Т. 1. – М., 1984.

³ См.: Каролина. – Алма-Ата: Наука, 1967.

⁴ Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Изд. второе. – Бишкек, 1999. – С. 61.

⁵ Там же. – С. 36.

⁶ Там же. – С. 37.

Бии не избегли в своей деятельности избирательного подхода. К примеру, букара (беднота) и карапай (чернь) не могли рассматриваться как равные баям и манапам, составлявшими высшее сословие. Дифференциация, а вернее, дискриминация производилась также по половому признаку. Так, размер так называемого «куна» (выкупа за кровь) зависел от того, был ли убитый мужчиной или женщиной (за последнюю выплачивали лишь половину куна). Кроме того, он ставился в зависимость от статуса жертвы. Кун за голову манапа увеличивался обычно в 9 раз. Например, когда в 1855 г. бугинцы убили сары-багышского феодала Ормон-хана, виновники вынуждены были «откупиться» 100 девушками на конях в полном убранстве.

С. Кожоналиев указывает на то, что «в нормах киргизского обычного права сохранились такие пережитки, как кровная месть, кун, барытма, калым, многоженство и т.д.»¹. К слову сказать, и по сей день сохранились такие пережитки, как похищение невест (в современном УК КР за это деяние предусмотрены наказания по ст.ст. 123, 125, 154 и 155); «барымта» – скотокрадство (ст. 165 УК КР), а также «калым» – выкуп за невесту.

Положения адата не фиксировались, а передавались из уст в уста в виде кратких изречений. Многие нормы были не известны обычному люду, а бии толковали их сообразно собственному пониманию. Характерно, что по адату практически всякое дело завершалось уплатой штрафа в пользу потерпевшей стороны. В сообществах, состоящих из людей, находившихся в той или иной степени взаимного родства, считалось, что нет особого прока от смертной казни виновника и лучше, если он возместит ущерб в кратном размере. К примеру, скотокрад за каждую похищенное животное должен был отдать 9 голов скота. За изнасилование – 25 голов. За смертоубийство – еще больше. Аналогичная система компенсации – так называемый айып – с некоторыми изменениями введена в современный Уголовный кодекс КР, и уплачивается штраф в тройном размере. Народные же суды биев в настоящее время называются судами аксакалов, которые имеются во всех семи областях и в столице Кыргызстана.

Шариат, регулировавший жизнь правоверного мусульманина от колыбели до могилы, переводится с арабского как «закон». Он представляет собой исламское

¹ Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек 2000. – С. 86.

законодательство на основе Корана и Сунны (совокупности изречений и замечаний Пророка Мохаммеда), состоящее из 8 разделов. В шариате право и религия слиты воедино, поэтому нарушение шариатских норм расценивалось и как вероотступничество. Шариат преобладал среди оседлого населения юга Кыргызстана. Здесь во главе судов стояли «казии» – юристы-богословы. Мусульманская юриспруденция рассматривала вопросы семьи и брака, выплаты налогов, хозяйствования, политических выборов, джихада, морального кодекса, соблюдения постулатов веры, уголовных деяний и т.д. Меры наказания по приговору казиев были жестче, чем по адату. Так, за прелюбодеяние холостяков наказывали 40 ударами палкой. Если же супружескую измену совершали люди, состоящие в браке, они наказывались смертной казнью, чаще – через побитие камнями. Шариат предусматривал также тюремное заключение в зиндане, конфискацию имущества, отсечение руки (при воровстве), штрафные санкции и даже амнистию. При назначении наказания по шариату также учитывалось сословное положение и пол виновного и потерпевшего¹.

Однако рабовладельческое и феодальное право, определяя преступные деяния и санкции, не определяло при этом понятия преступления (а, значит, и субъекта преступления), которое было выработано позднее буржуазным уголовным законодательством, первым из которого была Декларация прав человека и гражданина 1789 года во Франции.

Первые мнения, высказывания и концепции о субъекте преступления можно найти в учениях и теориях И. Канта, Г. Гегеля, А. Фейербаха, И. Фихте и др., посвященных раскрытию уголовно-правовых проблем. Впоследствии эти теории и учения оказали большое влияние на формирование современной правовой мысли².

В философии Канта (1724–1804 гг.) воля лица, совершившего преступление, полностью независима от определений чувственного мира, на котором и основывается понятие уголовной ответственности за действие, совершенное по решению человеческой воли³. По Канту, всякое преднамеренное нарушение связано с основанием того, что оно, нарушение, признается преступлением. При этом субъект

¹ Сатыбеков Э. По закону предков // Вечерний Бишкек от 7.03.2003 г. – №43 (8219). – С. 6.

² Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). – М., 1999. – С. 6.

³ Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и И. Фихте. – М., 1940. – С. 64.

преступления как физическое лицо обладает свободной волей, которая оценивается им как желание. Правовым же следствием провинности является наказание¹.

В уголовно-правовой теории Г. Гегеля (1770-1831 гг.) нашли отражение не только объективный идеализм его философии, но и вопросы методологии. Преступление, с точки зрения Гегеля, есть не что иное, как проявление воли отдельного лица, преступник же является не просто объектом карательной власти государства, а субъектом права и наказывается в соответствии с совершенным преступлением². В своей работе «Философия права» Гегель утверждает, что воля и мышление представляют собой нечто единое, так как воля есть не что иное, как мышление, превращающее себя в наличное бытие. При этом наличность разума и воли, по утверждению философа, является общим условием вменения. Вменяемость же, как свойство лица, совершившего преступное деяние, состоит в утверждении того, что субъект как мыслящее существо знал и хотел³.

Опираясь на философию И. Канта, выстроил свою уголовно-правовую теорию выдающийся немецкий криминалист А. Фейербах (1775–1833 гг.), автор знаменитого учебника по уголовному праву. Основные понятия и категории буржуазного уголовного права, такие как состав преступления, институты уголовной ответственности, наказания, соучастия и др., были разработаны А. Фейербахом, а в дальнейшем получили развитие в трудах выдающихся русских криминалистов – А.Ф. Кистяковского, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева и др.⁴

Следует сказать, что учение А. Фейербаха об уголовной ответственности в целом основывалось на критической философии. Согласно теории А. Фейербаха, преступление совершается на основе чувственных стремлений правонарушителя и в этом смысле оно является следствием произвола свободной воли. Являясь ярким представителем классической школы уголовного права, А. Фейербах, рассматривая преступление как результат действия свободной воли преступника, отстаивал в своей теории «психического принуждения» положение о необходимости применения к нему, наряду с физическим принуждением, которого явно недостаточно, и психического принуждения⁵.

¹ Кант И. Сочинения в шести томах. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965. – С. 120, 132, 137.

² Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). – М., 1999. – С. 7.

³ Гегель Г. Философия права. – М., 1990. – С. 89, 165.

⁴ Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). – М., 1999. – С. 8.

⁵ Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и И. Фихте. – М., 1940. – С. 159.

Противоположных взглядов на свободу воли, преступное деяние, самого преступника, а также вопросы уголовной ответственности и наказания придерживались представители антропологической школы уголовного права, возникшей в конце XIX в., основателями которой стали Ч. Ломброзо¹, Р. Гарофало, Э. Ферри и др. Представители этого направления выработали учение о преступном человеке, в котором практически полностью отрицалась волевая деятельность человека. Преступления, согласно их убеждению, совершаются в основном независимо от тех или иных общественных условий и в большинстве своем прирожденными преступниками. Исходя из концепции антропологической школы, прирожденный преступник представляет собой особый тип человека, который отличается врожденными сущностными физическими и нравственными особенностями и признаками, которые превращают его в фатального преступника.

Однако исследования французского ученого К. Раковского, английского тюремного врача Ч. Геринга и других исследователей на эмпирическом материале показали, что те же самые признаки, которые Ч. Ломброзо и его последователи приписывали «прирожденному преступнику», можно обнаружить, и примерно в тех же пропорциях, и у остального населения².

Значительный удар по поискам «материализованных знаков» преступной личности нанес французский ученый В. Легран, который указывал на то, что «невозможно выделить тип прирожденного преступника, поскольку само понятие преступления носит социальный характер: то, что преступно в одном государстве, не преступно в другом, то, что считалось нормой в древние времена, стало преступным теперь и наоборот»³.

В рамках биологической концепции преступности, однако гораздо позже, уже с возникновением научной генетики, зародилась теория генетической предрешенности преступного поведения. Однако и в этот раз решающий удар попыткам найти ген или атом (или иной биологический носитель) преступности был нанесен с совершенно неожиданной стороны. В 1947 г. в журнале «Пробация» (США) была опубликована статья И. Валерстайна и К. Вейла «Наши законопослушные правонарушители», в которой приводились данные анонимного опроса двух тысяч

¹ См.: Ломброзо Ч. Преступный человек. – М.-СПб., 2005.

² См.: Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микробиология). – М., 2001. – С. 112.

³ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 50.

жителей Нью-Йорка. Опрашиваемым был задан вопрос: не совершали ли они когда-нибудь преступления? Данные оказались действительно сенсационными: 91% опрошенных заявили, что им приходилось хотя бы раз в жизни совершать действия, относящиеся к разряду преступлений (таких как грабеж, разбой, кражи, в том числе автомобилей, и т. п.). Результаты, полученные Валерстайном и Вейлом, были в дальнейшем подтверждены многочисленными исследованиями во многих странах мира, в связи с чем возникал ряд правомерных вопросов, а именно: если все люди обладают этим даром совершать преступления, то стоит ли искать причину этого явления в каких-то исключительных качествах (биологических, генетических и прочих материальных страстях), определяющих свойства людей? Не является ли этим «свойством» просто всеобщая человеческая способность к деструкции?¹

Следует отметить, что методологический подход в учении о субъекте преступления, если рассматривать его через призму философских уголовно-правовых теорий, обнаруживает объединяющий их признак, который указывает, что любое деяние, в том числе и преступное, всегда совершается, как правило, физическим лицом, т.е. человеком, хотя принцип уголовной ответственности в различное время в науке уголовного права и различных законодательствах рассматривался гораздо шире, например, в отношении неодушевленных предметов, животных (о чем мы уже говорили) или юридических лиц. Не случайно один из видных представителей классической школы уголовного права русский криминалист Н.С. Таганцев в свое время писал, что субъектом преступления может быть только виновное физическое лицо².

Вместе с тем, проблема вменяемости и невменяемости лица, совершившего преступное деяние, решалась представителями различных школ неоднозначно и противоречиво, хотя она являлась одним из основных вопросов теории уголовного права в учении о субъекте преступления и вопросах уголовной ответственности и наказания.

Уже в Римском праве впервые встречаются указания на психические заболевания и душевную незрелость как на факторы, освобождающие от наказания за уголовные преступления.

¹ Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микрোকриминалогия). – М., 2001. – С. 155.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. – Т. 1. – М., 1994. – С. 144–145.

Европейское средневековое право было знакомо с понятиями «умысла» и «неосторожности», но непредсказуемость (а, следовательно, и ненаказуемость) проступков душевнобольных признавалась только в единичных случаях. Основная же масса душевных расстройств рассматривалась как «одержимость нечистой силой» в результате сознательного с ней «сговора», а «одержимые» подвергались самым жестоким наказаниям, нередко казни¹. Однако уже тогда отдельные ученые боролись против невежества и религиозных предрассудков.

Первый заслуживающий внимания научный трактат по судебной психиатрии был опубликован в XVI в., автором которого был римский врач и юрист Павел Заккиас (1584–1659 гг.), уже тогда обративший внимание при диагностике психических заболеваний на такие детали, как речь больного, его поведение, действия, выражение лица, особенности телосложения, необычности в характере одежды и т.д. Но и он, вполне в духе своего времени, отдавал дань колдовству и влиянию ведьм в качестве «причин» возникновения психических расстройств и совершения преступлений. В XVIII в. разгорелся спор в медицинских и философских факультетах ряда европейских университетов о том, кто должен изучать душевные заболевания. Реформа психиатрии позволила ей, наконец, перейти на естественнонаучные позиции. В 1793 г. французский врач Филипп Пинель снял цепи с «помешанных» и «бесноватых» в парижских психиатрических больницах Бесетр и Саль-Петриер, придав этим действиям им статус больных, т.е. людей, которых следует лечить, а не карать. С этого же времени клиническая психиатрия начинает применять накопленные знания к разбору судебных случаев, а в уголовном праве начинает постепенно выработываться понятие «вменяемость»².

В процессе своего развития судебная психиатрия подверглась и влиянию так называемой «криминальной психопатологии», разработчиком которой был Чезаре Ломброзо³, создавший учение о врожденной, конституционально-генетической предрасположенности преступника к преступлению, которое было вкратце рассмотрено нами выше. К концепциям, выводящим поведение человека из биологических его основ, относится и трактовка преступлений знаменитым австрийским психиатром и психологом Зигмундом Фрейдом (1856–1939 гг.),

¹ Волков В.Н. Судебная психиатрия. – М., 1998. – С. 10–11.

² См.: Морозов Г.В. Судебная психиатрия. Учебник. 4-е издание. – М., 1986.

³ См.: Ломброзо Ч. Преступный человек. – М.-СПб., 2005.

использовавшим психоанализ как метод исследования, с помощью которого психические проявления объяснялись якобы подавленными воспитанием инстинктами, среди которых главенствующая роль отводилась подсознательному влечению к половому удовлетворению и к смерти. Антисоциальное поведение (преступление) рассматривалось З. Фрейдом и его сторонниками лишь как один из аспектов проявления неврозов, которые представляют большую группу заболевших с не резко выраженными изменениями психики.

Совершенно иная трактовка криминального поведения человека нашла свое выражение в работах сторонников так называемой социологической школы, объяснявших причины преступного поведения почти исключительно социальными факторами – безработицей, проституцией, алкоголизмом, наркоманией и т.д. Так, считалось, что только неблагоприятные условия среды способствуют тому, что психически неустойчивые личности деградируют и превращаются в людей потенциально опасных, и общество должно принять меры по изоляции «социально опасных» типов для своей же безопасности¹.

Небезызвестная теория психиатра Гофмана, настаивавшего на поголовной стерилизации антисоциальных индивидуумов, также оставила заметный след в истории в связи с тем, что на ее основе в фашистской Германии были приняты закон «О стерилизации» от 14 июня 1933 г. и закон «Против опасных привычных преступников и мерах безопасности» от 24 ноября 1933 г.

В начале XX века в Европе и России в официальных кругах придерживались твердого мнения, что выявление помешательства не является компетенцией только врачей. Считалось, что мнение умудренного жизненным опытом судьи или свидетельство проникательного лица, способного сравнить настоящее умственное состояние подсудимого с прежним, может оказаться достовернее свидетельства врача, который видит больного в первый раз. Исходя из такого рассуждения, суд нередко отказывался от назначения экспертизы даже в случаях, когда для этого были серьезные основания. И все же с общественным мнением уже считались, и суды стали назначать экспертизу с целью создать хотя бы внешнюю видимость беспристрастности своих действий².

¹ Судебная психиатрия. Учебник под ред. Шостаковича Б.В. – М., 1997. – С. 30.

² Волков В.Н. Судебная психиатрия. – М., 1998. – С. 16–17.

Что же касается возраста преступника, как одного из главных признаков субъекта преступления, то исследования в этом направлении криминалистами и криминологами того времени сводились к различным классификациям преступных элементов или рассмотрению их возрастных особенностей с позиции изучения личностных особенностей преступника.

В настоящее время все вышерассмотренные уголовно-правовые взгляды на природу субъекта преступления существуют и развиваются, имея как сторонников, так и противников, и, обогащая право в целом, ложатся в основу или становятся частью современных научных воззрений на этот институт уголовного права.

В настоящее время из всех многочисленных свойств личности, имеющих уголовно-правовое значение, законодатель выделил два необходимых общих признака субъекта преступления: вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности (ст. 17 УК КР), отсюда применительно к деяниям малолетних или психически больных, какую бы высокую степень опасности они не представляли, не употребляются термины «преступное деяние», «преступление»¹.

Выделение признаков субъекта преступления в самостоятельную гл. 4 УК КР является одним из нововведений, связывающим уголовную ответственность со способностью человека осознавать свои действия и руководить ими. Отсюда и уголовно-правовое значение таких качеств личности, в которых выражается эта способность.

Однако в отдельных составах преступления предусматривается наличие дополнительных признаков субъекта преступления. Например, за взяточничество (ст.ст. 310–313 УК КР) может отвечать только должностное лицо, а за уклонения от исполнения обязанностей военной службы (ст.ст. 359–361 УК КР) – только военнослужащий и проч. Эти специальные признаки (должностное положение и статус военнослужащего) также включаются в число обязательных признаков, характеризующих субъекта конкретного состава преступления.

Необходимость установления в законе минимального возраста уголовной ответственности обусловлена прежде всего тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими. При установлении возрастного ценза законодателем учитывались данные множества

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжковой И.М. – М., 2002. – Т. 1. – С. 264.

наук (физиологии, психологии, педагогики и т.д.) о возрасте, начиная с которого у нормально развивающегося подростка формируются указанные выше способности, известный уровень правового сознания, способность оценивать не только фактическую сторону своих поступков, но и их социально-правовую значимость.

Исходя из вышеизложенного, законодателем в Уголовном кодексе, а именно в ст. 18 закреплено, что уголовной ответственности по общему правилу подлежит лицо, которому до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. За совершение умышленных преступлений, общественная опасность которых осознается в более раннем возрасте, ч. 2 той же статьи предусматривается пониженный возраст уголовной ответственности – с 14 лет (за посягательства на жизнь, здоровье, половую свободу, общественную безопасность и проч.).

Совершение в последнее время несовершеннолетними в возрасте до 14 лет умышленных убийств, нанесение тяжких телесных повреждений в отношении малолетних и т.д. заставляет задуматься как практических работников, так и ученых-юристов о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности за совершение особо тяжких насильственных преступлений до 13, а то и до 12 лет, как это было по УК РСФСР 1926 г. Решение этого вопроса, конечно же, возможно только законодательным путем и должны иметь психологическое обоснование и подкреплено соответствующим исследованием, которое позволило бы определить и обосновать исходные позиции для корректного с психологической точки зрения установления нижней границы уголовной ответственности. О чем более подробнее будет сказано ниже.

При расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел на органах расследования, прокуратуре и судах лежит обязанность установления возраста несовершеннолетнего, привлекаемого или привлеченного к уголовной ответственности. Чаще всего возраст устанавливается по документам: выписке из книги регистрации актов гражданского состояния, паспорту и т.п.

В тех случаях, когда документы о возрасте несовершеннолетнего отсутствуют, органы расследования или суд обязаны назначить для определения его возраста судебно-медицинскую экспертизу. При этом лицо считается достигшим

определенного возраста не в день рождения, а начиная со следующих суток¹. В случаях установления возраста судебно-медицинской экспертизой днем рождения подсудимого (обвиняемого) следует считать последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным количеством лет следует исходить из минимального возраста такого лица².

Вторым обязательным условием (признаком субъекта преступления), необходимым для наступления уголовной ответственности, является вменяемость человека, совершившего преступление. В науке уголовного права под вменяемостью понимается «прежде всего, способность сознавать совершаемое, понимать «свойство» и «значение» своих действий и предвидеть их последствия»³. Понятие вменяемости существует только в связи с конкретным актом преступного поведения и выражает волевою характеристику человека на свое поведение в момент совершения запрещенного законом деяния. Нарушение отражательной деятельности, психическая неадекватность, утрата или значительное ослабление отражательных способностей лицом, находящимся в состоянии психического расстройства во время совершения преступления, означает невменяемость лица, т.е. его неспособность действовать виновно⁴.

Согласно ст. 19 УК КР не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло отдавать отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Из данного определения видно, что состояние невменяемости характеризуется исходя из двух критерий. Один критерий определяет психическое состояние лица в сравнении с биологической нормой. Лицо может признаваться невменяемым только в том случае, если его психическое состояние характеризуется какой-либо патологией (хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство,

¹ Верховный Суд РСФСР по делу П. указал, что осужденный, совершивший преступление около 24 ч. 30 сентября 1964 года, в день своего восемнадцатилетия, не может нести ответственности как совершеннолетний. См.: Бюлл. ВС РСФСР, 1974. – № 12.

² См.: Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР. – М., 1995. – С. 148.

³ Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 26.

⁴ См.: Молдабаев С.С. Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – С. 47.

слабоумие, иное болезненное состояние психики). Этот критерий в науке уголовного права называют биологическим или медицинским.

Другой критерий характеризует состояние психики лица в момент совершения им общественно опасного деяния, т.е. уровень и состояние интеллекта, волевою сторону психики. Этот критерий называют психологическим или юридическим.

Для определения состояния невменяемости у лица, совершившего общественно опасное деяние, необходимо, в первую очередь, установление наличия одной из форм психического расстройства, указанных выше.

В науке уголовного права высказывались предложения предусмотреть в специальной статье УК особенности уголовной ответственности пожилых людей с учетом особенностей их психики¹. Мы придерживаемся мнения, что в этом предложении есть рациональное зерно, поскольку в связи с пожилым возрастом в законе уже установлены некоторые ограничения в применении отдельных видов наказания (ч. 4 ст. 9, ч. 5 ст. 53, ч. 3. ст. 59 УК КР), но это не имеет отношения к вопросу о вменяемости. Действительно, психологи вполне обоснованно обращают внимание на то, что у лиц старческого возраста вследствие физиологического одряхления, не связанного с психическими расстройствами, могут утрачиваться способности осознавать свои действия или руководить ими². Для обозначения такого состояния психики может быть использован термин, предложенный еще профессором В.П. Сербским, а именно «старческая невменяемость»³. Ее медицинский критерий должен быть обоснован представителями психиатрической и психологической науки и закреплен в уголовном законе.

Состояние вменяемости устанавливается следствием и судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, порядок проведения которой детально регламентируется в гл. 25 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года, Методическими указаниями по составлению акта (заключения) судебно-психиатрической экспертизы, утвержденными приказом Минздрава КР от 4 июля 2001 года №237 и Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Кыргызской Республике, утвержденной приказом Минздрава КР от 31 июля 2001 года №274.

¹ Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1993. – С. 8.

² Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М.: НОРМА, 1998. – С. 124.

³ Сербский В.П. Судебная психопатология. Избранные труды. – М., 2000. – С. 177.

Судебно-психиатрическая экспертиза должна, прежде всего, установить наличие психического расстройства у обследуемого. Только после установления расстройства по медицинскому критерию определяется наличие или отсутствие психологического отклонения по юридическому критерию.

Оценка по юридическому критерию позволяет экспертам сделать окончательный вывод о наличии или отсутствии невменяемости.

Для установления невменяемости по юридическому критерию достаточно наличия одного из его элементов: интеллектуального или волевого. Если лицо вследствие какого-либо заболевания (медицинский критерий) не могло отдавать отчет в своих действиях, т.е. понимать фактическую сторону своих действий или осознавать их общественную опасность (юридический критерий), оно должно признаваться невменяемым.

Ряд психических расстройств, связанных со зрительными или слуховыми галлюцинациями, бредовыми идеями, например манией преследования, не позволяют больному правильно воспринимать окружающую действительность. Так, при алкогольных психозах, белой горячке у лица возникают зрительные галлюцинации. Такое искаженное восприятие действительности может вызвать акты неожиданной агрессии, применение насилия к оказавшимся поблизости людям, совершение поджогов или иного истребления имущества¹.

Взрыв ревности или мания преследования, вызванное болезненным состоянием, может привести лицо к совершению тяжких насильственных преступлений. В этих случаях лицо неадекватно оценивает реальную действительность, а иногда и не понимает фактического характера своих действий, т.е. возможность причинения вреда кому-либо².

Ряд психических расстройств связан с поражением волевой сферы человеческой психики. В этих случаях лицо, понимая, что оно делает, и, осознавая, что его действия общественно опасны и являются преступлением, не имеет силы воздержаться от их совершения. Так, наркоман в состоянии наркотического голодания может совершить различные преступления (кражу, грабеж и т.п.) ради приобретения наркотиков. Лица, которые в силу болезненного состояния не могут

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики / Под ред. д.юр.н., проф. Курманова К.Ш. – Бишкек 2003. – С. 130–131.

² См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжковой И.М. – М., 2002. – С. 265.

руководить своими действиями, также признаются невменяемыми, поскольку в этих случаях налицо и медицинский, и юридический критерий невменяемости.

Данный аспект права более, чем актуален, для нашей молодой республики. Так, согласно проведенного Государственной комиссией при Правительстве КР по контролю наркотиков (ГККН) исследования в период с августа 2001 г. по февраль 2002 г. в Кыргызстане было зафиксировано в среднем от 80 до 100 тысяч лиц с наркотической зависимостью, при этом от 40 до 55 тысяч человек являлись представителями молодого поколения (лица до 35 лет), 10–11 тысяч человек являлись подростками, не достигшими совершеннолетия¹. При этом, по мнению специалистов-наркологов, реальная численность лиц, страдающих наркотической зависимостью в республике, выше официально-зарегистрированной в среднем в 4–5 раз.

По данным Национально-статистического комитета КР, стабильное первенство по количеству наркоманов, состоящих на учете в наркологических учреждениях, как среди женщин, так и мужчин занимает Чуйская область и г. Бишкек. Так, в г. Бишкек по состоянию на 2005 г. было зарегистрировано 3064 наркомана, из них 269 женщин и 2795 мужчин, эти же показатели в 2008 году составили 3934 чел., 341 и 3593 соответственно. Меньшее количество наркоманов было зафиксировано в Нарынской области. Так, в 2005 г. было поставлено на учет 14 мужчин, а в 2008 г. – 12² (см. приложение, таб. 2).

Известный русский психиатр В.П. Сербский отмечал, что человек «становится невменяемым не потому, что он болен, а потому, что болезнь лишает его свободы суждения, того или иного образа действия. Если же условия свободного действия сохранены, сохраняется, несмотря на существование болезни, и способность ко вменению»³.

К лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, по назначению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера (ч. 2 ст. 19 и гл.15 УК КР), которые осуществляются лечебными учреждениями органов Здравоохранения и регламентировано Положением о порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших

¹ Кондрашова О. Страна подседа на иглу // Аргументы и факты Кыргызстана, декабрь 2002 г. – № 49. – С. 3.

² Национальный статистический комитет. Женщины и мужчины Кыргызской Республики. Сборник гендерно-разделенной статистики. – Бишкек, 2009. – С. 38.

³ Сербский В.П. Судебная психопатология. Вып. 2. Переизд. – М., 1999. – С. 43.

общественно-опасные деяния, утвержденном приказом Министерства здравоохранения Кыргызской Республики от 29 апреля 2002 года №177, изданном на основе Закона Кыргызской Республики «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 17 июня 1999 г № 60.

Формулировки «деяние, совершенное в составе группы лиц», «группы лиц по предварительному сговору», «организованной группой» или «преступным сообществом (преступной организацией)» в уголовном законе рассматриваются как отягчающие обстоятельства (ст. 55 УК КР) и уголовную ответственность несет не банда, а ее участники, создатели или руководители, каждый за свое преступление. Поэтому нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что «уголовное право в своих нормах и уголовно-правовая наука в своих понятиях признают коллективный субъект преступления через институт соучастия, через понятия «банда», «группа лиц» и т.д.»¹. Формулировкой ст. 17 УК КР положен конец спорам о возможности уголовной ответственности юридических лиц и этот вопрос решен (на сегодняшний день) категорически в отрицательном смысле как в Уголовном, так и в Уголовно-исполнительном кодексе.

Отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц вполне согласуется с принципом персональной, личной ответственности каждого человека за совершенные им общественно опасные действия, что является одним из основных принципов уголовного права².

Возраст и вменяемость, подвергнутые нами соответствующему анализу, являются общими признаками, необходимыми для признания физического лица субъектом любого преступления, поэтому лицо, отвечающее этим требованиям, иногда называют «общим субъектом». Лицо же, отвечающее специальным признакам субъекта, предусмотренным соответствующей уголовно-правовой нормой, принято называть «специальным субъектом».

¹ Хачатуров Р.П., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти, 1995. – С. 98.

² Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – С. 99–100.

1.2. Возрастные признаки субъекта преступления

Субъект преступления, рассматриваемый как совокупность признаков, предусмотренных в законе (физическое лицо, вменяемость, возраст) и являющийся одним из элементов состава преступления, наиболее тесно связан с уголовной ответственностью. Условно говоря, общественно опасное деяние при определенных обстоятельствах может совершить любое лицо, но «субъектом преступления и ответственным в уголовном порядке за совершение общественно опасного деяния может быть признан лишь человек, вменяемый и достигший определенного возраста»¹.

Н.С. Лейкина под постоянными и всеобщими признаками субъекта преступления считала вменяемость и достижение лицом определенного возраста².

Характерно, что возраст, как признак, может быть подвижной величиной и изменяться законодателем (чаще всего изменениям подвергаются нижние возрастные границы) в зависимости от внутренних и внешних условий, в которых находится государство на определенных этапах своего развития (например, военное время или усиление уголовной ответственности за некоторые наиболее опасные преступления). Следовательно, возраст является неотъемлемым признаком вменяемого физического лица как субъекта преступления. Отсюда – попытки законодателей многих стран, начиная с XVII–XVIII вв., установить в качестве одной из гарантий принципа виновной ответственности – ее возрастные границы. Согласно исследованиям С.А. Гуревича, в России: Новоуказанные статьи Сысского приказа (1666 г.) установили порог ответственности в 7 лет; Воинские артикулы Петра I освобождали от наказания за воровство «младенцев», для которых достаточно родительского наказания лозами; Указы Сената при Екатерине II даже тяжкие деяния 14-летних подростков, как совершенные «от глупости и младоумия», а по Указу самой Екатерины II (1765 г.) был установлен порог возрастной невменяемости до 10 лет и ограниченной вменяемости до 17 лет³. Несовершеннолетие виновного признавалось обстоятельством, уменьшающим вину и наказание, еще в Уложении о наказаниях

¹ Курманов К.Ш. Уголовное право Кыргызской Республики. Часть Общая. – Бишкек, 2005. – С. 25.

² См.: Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С. 37.

³ См.: Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // В кн.: Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1912. – С. 9–11.

уголовных и исправительных (1845 г.) в редакции 1885 г. (ст. 142)¹. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет требовало от суда выяснения вопроса, действовали ли они с разумением или без разумения. Ст. 41 Уголовного уложения (1903 г.) устанавливала, что «вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками»². Как отмечал известный русский юрист И.Я. Фойницкий, несовершеннолетие оказывает «значительное влияние на понимание наказания и даже на изменение природы карательных мер»³. Исходя из чего, мы можем сделать вывод, что законодатели стремились исключить из сферы применения уголовно-правовых мер детей и подростков, типичный уровень возрастного развития которых порождает неустранимые сомнения в том, что они при совершении деяний, запрещенных уголовным законодательством, осознавали характер и значение своих действий либо руководили ими в ситуациях выбора⁴.

Известно, что до Октябрьской революции у кыргызов, как и у казахов, не было точно установленного возраста совершеннолетия.

Совершеннолетним у кыргызов считался мужчина, когда он был уже женат и мог управлять принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом, заключать сделки о купле-продаже, брать на себя обязательства и т.д. В большинстве случаев юноша считался совершеннолетним по достижении 15-летнего возраста, хотя совершеннолетними они могли считаться и раньше, если были женаты на вдовах своих умерших старших братьев⁵ (левиат), либо если в семье не было отца или близких старших родственников по мужской линии.

Кыргызское обычное право не определяло точно возраста уголовной ответственности. Но в соответствии с традицией этот возраст определялся в пределах 13–15 лет. В. Тронов в своей книге «Обычай и обычное право киргизов» указывал на то, что «малолетние, не достигшие 15 лет взысканию не подвергаются и не считаются преступниками»⁶.

¹ См. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. – Т. 6./ Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1998. – С. 201.

² Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 272.

³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – М., 2000. – С. 94.

⁴ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М.: НОРМА, 1998. – С. 48.

⁵ Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000. – С. 85.

⁶ См.: Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Изд. второе. – Бишкек, 1999. – С. 82.

У кыргызов, как и у казахов¹, за преступления совершеннолетних и несовершеннолетних детей, проживающих совместно с родителями, отвечали своим имуществом их отцы и старшие братья. Однако следует отметить, что в прошлом у кыргызов к преступлению юношей до 15 лет (и в особенности малолетних) относились достаточно снисходительно, назначая небольшие наказания. До вхождения в состав России, как указывает С.А. Кожоналиев, если юноша приговаривался судом биев к наказанию, то он и подвергался ему, а после вхождения за такое преступление сажали в тюрьму².

Что касается уголовной ответственности женщин, то интересен и немаловажен тот факт, который неоднократно отмечался исследователями того времени, что кыргызки до Советской власти не могли быть субъектами преступления. За их преступные действия или бездействия ответ держали близкие, а при невозможности либо их отсутствии – дальние родственники (отцы, мужья, братья, дяди и др.). Данный факт подтверждает, в частности, И.И. Гродеков, писавший: «Мужья ответственны за преступления своих жен, жены же за мужей не отвечают»³. Об этом пишет и Г. Загряжский: «Равным образом уплачивают штраф мужья за жен своих. Как мужья и родственники отвечали за неправомерные действия своих детей и жен, так же за все действия раба отвечал его хозяин, который уплатил, если находил нужным штраф или же отдавал потерпевшему самого виновного»⁴.

Здесь мы наблюдаем некоторую схожесть с казахским обычным правом, когда малолетние преступники в возрасте до 15 лет также не привлекались к суду, а с наступлением 15-летнего возраста, который считался возрастом как гражданского, так и брачного совершеннолетия, молодой казах мог уже быть выделен отцом. В этом случае перед судом предстал собственник, способный отвечать за преступления, т.е. способный нести уголовную ответственность за свои действия. Поясняя данную ситуацию, профессор С.Л. Фукс писал, что «полное освобождение детей до 15-летнего возраста от уголовной ответственности по менее важным, чем убийство и кража, преступлениям, объясняется не признанием их неспособности отдавать отчет в

¹ См. Материалы по казахскому обычному праву / Под общей ред. С.В. Юшкова. – Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1948.

² Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. Бишкек 2000. – С.86.

³ Гродеков Н.И. Киргизы, Кара-киргизы Сыр-Дарьинской обл. (Юридический быт). – Т. 1. – Ташкент, 1989. – С. 141.

⁴ См.: Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Изд. второе. – Бишкек, 1999. – С. 81.

своих действиях, а их неспособностью платить айпы (штрафы), к взысканию которых сводилось в большинстве случаев всякое наказание»¹.

Некоторые колебания как в сторону снижения возраста уголовной ответственности преступника, так и в сторону ее увеличения можно наблюдать и в советском уголовном законодательстве. Однако наибольшим изменениям подвергались нижние границы уголовной ответственности, которые колебались в первых уголовных законах в пределах от 14 до 16 лет. Так, Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» определял возраст уголовной ответственности с 17 лет. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 год снизили возраст до 14 лет. Причем лица с 14 до 18 лет подлежали уголовной ответственности, если действовали с «разумением». Если без него, то к ним применялись меры воспитательного характера. «Действовать с разумением» означало действовать, отдавая отчет в своих действиях, т.е. умышленно. По УК РСФСР 1922 г., к уголовной ответственности привлекались лица, достигшие 16 лет, но в отдельных случаях комиссия по делам несовершеннолетних могла передать дело подростков от 14 до 16 лет в суд. Основные положения ст. 8 УК РСФСР по решению вопроса об установлении возраста уголовной ответственности, в 1924 г. были представлены законодательствам союзных республик. Соответствующая статья УК РСФСР 1926 г. установила возможность наступления уголовной ответственности с 14 лет, причем наказание несовершеннолетнего от 14 до 16 смягчалась на половину, от 16 до 18 – на треть. Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. устранило возможность уголовной ответственности с 14 до 16 лет.

В дальнейшем, в период общего ужесточения законодательства и усиления репрессий, не был оставлен без внимания и нижний возрастной порог уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» было указано, что несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, должны привлекаться к суду с применением всех мер

¹ Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII. – Алма-Ата, 1981. – С.76.

уголовного наказания¹. Данный закон был издан в целях борьбы и быстрой ликвидацией преступности среди несовершеннолетних. Он охранял детей и подростков от посягательств на них со стороны преступных элементов, и вместе с тем не допускал безнаказанности тех несовершеннолетних, которые совершили преступление из числа поименованных в законе от 7 апреля 1935 года. 10 декабря 1940 г. перечень этих преступлений был дополнен указанием на совершение действий, могущих вызвать крушение поезда. 31 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР возраст уголовной ответственности за все прочие преступления был определен с 14-летнего возраста².

Уголовный кодекс Киргизской ССР 1960 г., следуя общей тенденции уголовной политики Советского государства и с учетом возросших возможностей профилактики подростковой преступности, повысил возраст уголовной ответственности. Субъектом преступления признавались лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 16 лет. Лишь за некоторые преступления, непосредственно перечисленные в ч. 2 ст. 10 УК Кирг. ССР, лица, достигшие 14 лет, несли уголовную ответственность «за убийство, умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбойное нападение, грабеж, кражу, злостное или особо злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, хищение наркотических веществ, а также за умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда».

Если обратиться к прошлым уголовным законодательствам различных государств и сравнить нижние границы наступления уголовной ответственности, можно увидеть достаточно большие различия между ними. На разный возрастной ценз в законодательствах, устанавливающих границу уголовной ответственности, указал, в частности, С.А. Гуревич, а именно: в возрасте 9 лет – в Италии, Испании; до 10 лет – в Австрии, Болгарии, Голландии, Дании, России; до 12 лет – в Германии,

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 273.

² См.: Сб. Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 – июнь 1944. – М., 1944.

Венгрии, Румынии, Сербии, Швейцарии; до 13 лет – в Турции, до 16 лет – в Норвегии¹.

А некоторых современных государствах, а именно в Ирландии, Ливане, Ираке, Иране, Египте и др. уже в возрасте 7 лет допускается наступление уголовной ответственности².

Ряд государств определяют минимальный возраст уголовной ответственности с 13 лет за особо тяжкие преступления. К ним относятся некоторые Штаты США (Огайо, Нью-Орлеан, Техас и др.), Франция, Узбекистан, Турция и др. С 14 лет – в Болгарии, КНДР, Норвегии, Румынии, ФРГ, Японии, некоторых странах СНГ³.

В различных штатах США применяются разные верхние возрастные границы, устанавливающие возраст несовершеннолетних (обычно от 16 до 19 лет). Однако во всех штатах несовершеннолетних рассматривают как лиц, не способных оценивать последствия своих действий таким же образом, как их оценивают взрослые люди. Детей, нарушивших закон, обычно не считают преступниками. Напротив, совершивших правонарушение несовершеннолетних рассматривают как лиц, нуждающихся в защите, уходе и воспитании⁴. Как правило, заседания судов по делам несовершеннолетних носят неформальный характер и проводятся за закрытыми дверями, хотя обычно несовершеннолетние обладают такими же правами, как взрослые (кроме суда присяжных). Имена детей и подростков, вовлеченных в правовой процесс, не могут быть названы в прессе. Согласно законодательству ряда штатов, к смертной казни могут быть приговариваться лица моложе 16 лет, а в некоторых штатах (Алабама, Флорида) и подростки 10–12 лет⁵.

В Швеции, Норвегии, а также в Дании, Финляндии, Эстонии общий возраст привлечения к уголовной ответственности предусмотрен с 15 лет⁶. В УК Эстонской

¹ См.: *Гуревич С.А.* Ответственность юных преступников по русскому законодательству // В кн.: Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1912. – С. 7.

² *Решетников Ф.М.* Правовые системы стран мира: Справочник. – М., 1993. – С. 82–87.

³ См.: *Павлов В.Г.* Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение, 1996. – №3. – С. 171–172.

⁴ См.: *Чечель Г.И.* Индивидуализация наказания несовершеннолетних. – М., 1968.; *Гаверов Г., Моисеенко Г.* Применением исправительных работ к несовершеннолетним // Советская юстиция, 1971. – №22.; *Исакова Н.* Эффективность условного осуждения несовершеннолетних правонарушителей // Социалистическая законность, 1975. – №10; *Орлов А.* Задачи судов РСФСР по дальнейшему улучшению качества судебной деятельности // Советская юстиция, 1976. – №11; *Шубин В.В.* Учитывать личность виновного при назначении наказания – обязанность суда // Социалистическая законность, 1976. – № 4.

⁵ См.: *Малиновский А.А.* Уголовное право зарубежных государств. – М., 1998. – С. 27.

⁶ См.: *Павлов В.Г.* Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии // Тезисы докладов международной XIII Конференции по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М.-Петрозаводск, 1997. – С. 264–265.

Республики за ряд преступлений (например, умышленное убийство, умышленное причинение особо тяжкого повреждения, кражу, грабеж) уголовная ответственность наступает с 13 лет (ст. 10)¹.

Следует сказать, что в подавляющем большинстве государств мира уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, предусматривается с 16 лет.

Необходимо отметить, что ни Конвенция ООН о правах ребенка, ни Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, ни Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) не содержат никаких конкретных указаний относительно минимального возраста уголовной ответственности².

Характерно, что в одном из вариантов проекта Уголовного кодекса, подготовленного в 1994 г. Министерством Юстиции РФ и Государственно-правовым управлением Президента РФ, предлагалось, «учитывая криминологические показатели этой категории преступности и результаты исследования возрастной психологии специалистами»³, установить единый возраст уголовной ответственности за все преступления с 14 лет. Однако в ходе обсуждения проекта это предложение не получило поддержки и было снято разработчиками в согласительной комиссии. Тем более, были отвергнуты и наиболее крайние предложения снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет, что обосновывалось тяжелой криминологической ситуацией в стране и ссылками на особенности возрастной психологии.

В теории уголовного права России, ссылаясь на эмпирические данные и сложную криминогенную ситуацию в стране, не стихают дискуссии о возможности снижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Так, по мнению В.Г. Павлова, «данное предложение отвечает криминогенной обстановке в стране по данной категории преступлений, учитывает возрастные особенности подростков и не противоречит в этом отношении зарубежной законодательной практике»⁴.

¹ См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В.В. Запелова. – СПб., 2001. – С. 43–44.

² Рекомендация 2 Комитета ООН по правам ребенка /www.umn.edu.

³ Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 272.

⁴ Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. – М.-СПб, 2000. – С. 35.

В Кыргызстане криминогенная ситуация в связи с подростковой преступностью в целом мало, чем отличается от ситуации в России. Так, эмпирические исследования показывают, что в группе неработающих и не учащихся подростков темпы роста числа правонарушений чрезвычайно высоки. Одной из причин такого положения вещей является то, что среди населения нашей республики в возрасте 7 лет и старше 1,2% являются неграмотными, из них 16,7% – живут в бедных семьях и не могут посещать школу. Особую тревогу вызывает коэффициент охвата обучением детей в старших классах, т.к. отмечается снижение числа детей в возрасте 16–17 лет, посещающих школу. Это обусловлено увеличением числа молодежи, вынужденной по материальным соображениям получать специальность и трудовые навыки в более раннем возрасте. Согласно официальной статистики, около 55% детей в возрасте до 17 лет проживают в бедных семьях¹.

Казахский правовед С.С. Молдабаев, опираясь на статистику, свидетельствующую об увеличении общественно опасных деяний, совершаемых подростками в Республике Казахстан, в том числе и теми, кто на сегодня не достиг возраста уголовной ответственности, а также определенные исследования по психологии, придерживается мнения, что именно к 13-летнему возрасту человек становится способным понимать не только характер своих действий, их общественную опасность и вредность, а также принимать продуманные волевые решения. Формирование неформальных подростковых групп приходится в среднем на 12-ти и 14-летний возраст, и именно в этот период несовершеннолетним свойственна потребность в общении и друзьях, в том числе как способ времяпровождения в асоциальных целях².

Л.В. Боровых пошел дальше и предложил снизить возраст уголовной ответственности за тяжкие преступления против личности до 12 лет³, обосновывая это тем, что в современных уголовных законодательствах некоторых стран признают субъектом преступления за совершение тяжких преступлений с более низкого возрастного порога.

¹ См.: Национальная стратегия сокращения бедности на 2003–2005 годы, утвержденная Постановлением Правительства КР от 8 мая 2003 года №269.

² Молдабаев С.С. Субъект преступления по Уголовному праву Республики Казахстан. – Алматы, 2001. – С. 21.

³ См.: Боровых Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно – правового регулирования: Авторефер. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб.-Екатеринбург, 1993. – С. 13.

Однако предложения о снижении нижнего порога возрастной границы встречают серьезные возражения со стороны ученых-оппонентов. Так, по мнению О.А. Мясникова, «не стоит распространять уголовную репрессию в отношении молодых правонарушителей... Это не означает, что государство и общество должны безучастно наблюдать за противоправным поведением своих юных граждан и не применять к ним мер воспитательного и предупредительного воздействия»¹. При этом О.А. Мясников предлагает применять не только весь арсенал уголовного законодательства, но и весь арсенал правовых средств, предусмотренных в других отраслях законодательства.

Среди ученых юристов, социологов, психологов до сих пор нет единого и однозначного мнения о возрасте лица и способности его нести уголовную ответственность в связи с совершенным им преступлением. Л.В. Боровых в своем исследовании определяет возраст через количественное понятие, хотя за количеством прожитых лет, как правило, указывает он, кроется качественная наполняемость этих периодов, а это дает возможность предположить само сущностное определение категории «возраст» как периода в развитии любого человека². Данную позицию поддерживает М.М. Коченов, считающий, что «понятие возраста употребляется в законе только в одном смысле – как указание на количество прожитого человеком времени – и основаниями уголовной ответственности являются физический возраст и способность в момент или период совершения противоправных действий сознательно регулировать свое поведение»³. В целом мы полностью разделяем этот подход к изучению данной проблемы, который осуществляется на уровне тесного взаимодействия медицины, психологии, педагогики и других наук. Действительно, как показывает практика, уголовно-правовое регулирование возрастного порога ответственности исходит из того (другое дело – целенаправленно или полусознательно), что этот порог для законодателя является своего рода формальным указателем достижения лицом уровня интеллектуальной, волевой, личностной зрелости в сфере отношений, регулируемых уголовным правом.

¹ Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательной и судебной практике. – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 52.

² См.: Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб.-Екатеринбург, 1993. – С. 3.

³ Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Автореф. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 34.

Интересную позицию в этом вопросе занимает Р.И. Михеев, определяющий возраст как в широком, так и в узком смысле слова. В первом случае он подразумевает под возрастом календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, во втором же случае – указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения¹. Взгляд Р.И. Михеева еще раз подтверждает необходимость тесного взаимодействия науки уголовного права с медициной, психологией, педагогикой и другими науками для точного определения способности несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, нести уголовную ответственность.

Общеизвестно, что подростковый возраст – это возраст, когда человек отказывается от роли ребенка, контролируемого родителями, когда идеалы и ценности начинают искаться и находятся вне семьи, во взрослом мире, когда перед индивидом открываются возможности созидания и любви, и при это мудрости и опыта понять, что человек живет в мире возможного, но негарантированного, еще нет. Вот почему в этом возрасте ограничения часто воспринимаются как оскорбление, как посягательство на личную свободу, и ответом на них нередко является бунт, агрессия, равно выражающаяся и в суициде, и в насилии. Судьба Ромео и Джульетты, по мнению Л.В. Кондратюк², не только образец чистойшей любви, но и пример высочайшего неповиновения, когда они соединяются ценой собственной жизни.

Противостояние несовершеннолетнего взрослому миру вызывается не только характеристиками самого общества, но присущей психике несовершеннолетних особенностью создавать защитные механизмы и завоевывать статус средствами, несоответствующими государственным нормам.

Закономерно, что подросток из низших слоев общества приобретает адекватный статус и образ мыслей, вращаясь в общественной среде, исповедующей пониженные нормы и статусные критерии. Данную мысль подтверждает, в частности, известный криминолог Я.И. Гилинский, утверждая, что «классовая принадлежность определяет судьбу человека не жестко, не фатально, а вероятно», тем самым, по его

¹ См.: Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. – М., 1995. – С. 17.

² Кондратюк Л.В. Антропология преступления. (микркриминология). – М.: Норма, 2001. – С. 147.

мнению, детям представителей высших страт значительно легче получить элитарное образование, престижную профессию, сделать карьеру, нежели выходцам из «низов». Он справедливо считает, что «есть печальные основания полагать, что социальная поляризация в современном мире не сокращается, а возрастает, принимая глобальный характер»¹.

Еще в начале XX в. известный российский ученый Коротнев А.Д. называл главные факторы формирования личности несовершеннолетнего преступника:

- пренебрежение нравственным и умственным воспитанием детей;
- нищета и неудовлетворение самых насущных жизненных потребностей;
- развращенность родителей значительного числа преступных детей;
- невежество в широком смысле этого слова;
- тюремное заключение, которое для ребенка делается весьма благоприятной школой разврата и развития преступных наклонностей.

Далее он утверждал, что для детей, выросших в такой обстановке, невозможна нравственная оценка поступка².

Современник и соотечественник Коротнева А.Д. Маковский А.Н. считал особенно значительными факторами, детерминирующими преступное поведение несовершеннолетних, неустойчивое экономическое положение и окружающую житейскую обстановку³.

Известный современный российский криминолог, президент криминологической ассоциации Долгова А.И. в качестве важнейшей детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника называет неблагоприятную социальную среду, в структуре которой особо выделяет семейное неблагополучие и концентрированное отрицательное влияние различных групп лиц, характеризующихся антиобщественным поведением, при недостатках воспитательного воздействия со стороны социализирующих институтов, неэффективности преодоления последними отрицательных влияний⁴.

В структуре криминогенных факторов профессор Кузнецова Н.Ф. отдает предпочтение негативным сдвигам в сознании и психике личности, вызывающим

¹ См.: *Гилинский Я.И.* Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб., 2002. – С. 84–88.

² См.: *Коротнев А.Д.* Малолетние и несовершеннолетние преступники. – СПб., 1903. – С. 48–49.

³ См.: *Маковский А.Н.* Социально-экономические факторы детской преступности в Москве. – М., 1912.

⁴ См.: *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. – М., 1981. – С. 48.

преступное поведение, за что оппоненты упрекают ее в излишней психологизации криминогенной причинности¹.

Все вышесказанное свидетельствует об отсутствии или в лучшем случае относительном единстве мнений о концептуальной сущности криминогенной причинности.

Применительно к реалиям современной действительности мы предлагаем выделить основные причины криминализации несовершеннолетних, поместив в их ряд не только существенные факторы, которые указывались ранее, ибо значительный темп и специфика современной жизни продуцирует все новые и новые причины, влияющие на увеличение уровня преступности среди несовершеннолетних:

- массовое семейное неблагополучие;
- негативное влияние ближайшего бытового окружения вне семьи (неформальных групп и связей), включая вовлечение в преступную деятельность со стороны взрослых преступников и несовершеннолетних, имеющих преступный опыт;
- кризис системы школьного и профессионального образования;
- отсутствие надлежащего правового воспитания;
- длительная трудовая безработица подростков как следствие тотальной безработицы;
- неорганизованность досуга несовершеннолетних и в первую очередь по месту жительства;
- ослабление социального контроля со стороны государственных и общественных организаций, правоохранительных органов, включая различные недостатки и упущения в их деятельности;
- десоциализирующее влияние массовой культуры на личность несовершеннолетнего посредством массмедиа, как следствие все возрастающего социокультурного кризиса;
- неуклонный рост таких социально-негативных явлений среди подростков и их родителей или лиц, их заменяющих, как: пьянство, наркотизм, токсикомания, социальный паразитизм, половая деморализация;

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984.

- глобальные социальные процессы, связанные с увеличением плотности, миграцией, урбанизацией, НТР, экономическими, национальными и этническими проблемами, влекущие резкий рост стрессовых и конфликтных ситуаций;
- обостренные критическими фазами развития личности биологические изменения, происходящие в организме подростка, т.е. связанные с акселерацией;
- подростковая эмансипация, выраженная в потребности самоутверждения;
- факторы, обусловленные психической депривацией;
- феномен психологического отчуждения и психологической установки личности на совершение правонарушения.

Идея, лежащая на основе законодательных попыток определить возрастной порог уголовной ответственности, связана не только с осознанием субъектом преступления характера поведения, но и с управлением в ситуации выбора. Этот подход психологически обоснован, что, к сожалению, нельзя сказать о реализации.

М.М. Коченов справедливо полагает, что нельзя судить о возрастном пороге уголовной ответственности, если отсутствуют данные о типичном для отдельных возрастных контингентов понимании и о реально присутствующем у конкретного лица «правильном понимании ситуации правонарушения, в частности, ее альтернативности,... целей своих действий, предвидении... результатов поступков, оценке собственного поведения с точки зрения действующих правовых норм и общепринятой морали... произвольной мобилизации внутренних усилий, произвольном сохранении или изменении направленности поведения»¹.

Другими словами, для характеристики возможностей волевой регуляции поведения достаточная «зрелость воли» в необходимой мере предполагает способность (возможность) подчинить свое поведение определенным целям и требованиям, сознательно регулировать свое поведение, преодолевать трудности для достижения цели.

Современное состояние преступности в республике свидетельствует о наметившейся тенденции роста количества несовершеннолетних преступников. Так, по данным МВД КР, в 2004 году их удельный вес в общей массе лиц, совершивших преступления, в целом по республике составил 6,5%, в 2005 г. – 7,4%, в 2006 г. – 7%,

¹ Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1991. – С. 35.

2007 г. – 8,4% и 2008 г. – 8,5%¹. На фоне роста общего количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, наблюдается и рост количества лиц женского пола. Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 137 девушек, совершивших правонарушение, против 1576 несовершеннолетних лиц мужского пола, то в 2008 г. указанный показатель составил 105 против 1175 соответственно (см. приложение, таб. 3, 4).

Приведенная статистика свидетельствует о стабильно высоком уровне преступности в среде несовершеннолетних, который во многом обусловлен ростом безнадзорности и беспризорности подростков вследствие минувших кризисов.

Здесь уместно вспомнить мысль известного криминолога В.В. Лунеева о том, что «особую тревогу вызывает заниженный учет преступлений в некоторых странах Закавказья и Средней Азии, где, исходя из очень тяжелой экономической, политической, военной (для отдельных стран), а, следовательно, и криминологической обстановки, не могло быть большого реального снижения преступности»².

По мнению многих специалистов, столь массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации объясняется стремлением искусственно «снизить» показатели преступности и «повысить» раскрываемость преступлений, по которой руководство страны и МВД оценивает деятельность милиции³. Наиболее вероятно, что данное негативное явление распространяется и на показатели преступности несовершеннолетних.

Можно вполне согласиться с мнением, что преступность несовершеннолетних – это одновременно проблема социального неблагополучия и проблема возрастного формирования личности и что она не может быть разрешена по принципу преступление – наказание⁴. Однако до сих пор остаются открытыми вопросы о необходимости заложения правовых основ поведения в воспитании несовершеннолетних и профилактики преступлений, ресоциализации

¹ См.: ИАУ ГШ МВД Кыргызской Республики.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 121.

³ О массовом незаконном сокрытии преступлений от регистрации имеется обширная российская литература. См. напр.: Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. – № 1; Гилинский Я.И. От «цивилизованности» – к «социальности»: Преступность в Санкт-Петербурге и безопасность населения // Версия, 1995. – № 1. – С. 93–96; Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 127–131; и др.

⁴ См.: Ефименко Л. Профилактика преступлений и других правонарушений несовершеннолетних // Фемида, 2005. – №11. – С. 33.

несовершеннолетних правонарушителей¹, а также защищенности детей перед законом, недопущения ущемления их прав, свобод и законных интересов. Все чаще учеными, практическими работниками ставится вопрос о введении ювенальной юстиции в Кыргызской Республике и создании системы специального образования будущих судей в данном направлении. Конечно, это потребует от государства дополнительных затрат. Данные факторы обуславливают необходимость более широкого вовлечения в уголовный процесс социальных служб и общественных организаций, призванных оказывать воздействие на подрастающее поколение, а также определения их роли, процессуального и правового статуса в уголовном судопроизводстве и отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних.

Отсутствие в Кыргызстане ювенальных судов и высокий уровень преступной активности среди несовершеннолетних диктуют необходимость обращения большего внимания проблемам профилактики преступности в этой среде, а также системе правосудия в целом.

В 2008 г. в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, 49,5 % составили лица в возрасте до 30 лет, и 8,4% – несовершеннолетние. В числе лиц, совершивших преступления, 5,5% имели высшее образование, и 9,4% – полное и неполное среднее образование. При этом значительно количество лиц, нигде не работающих и нигде не учащихся, их доля в общей массе составляла в 2000 г. 55,5% (950 человек), в 2005 г. – 52,0% (659 человек), в 2006 г. – 59,9% (620 человек), в 2007 г. – 51,7% (670 человек), в 2008 г. – 50,3% (643 человек).

Число несовершеннолетних девочек и девушек несовершеннолетнего возраста, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось и в 2008 г., составив 105 человек, против 120 зафиксированных в 2007 г. Доля девочек в общем числе несовершеннолетних, совершивших преступления, составила 8,2% (см. приложение, таб. 7).

Необходимо отметить, что в Кыргызстане еще не ратифицированы Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 10 декабря 1985 г., поэтому в настоящее время для нашей республики они носят рекомендательный характер и

¹ См.: Панкратов В.В. Молодежь, преступность, правосудие. – М., 1985. – С. 12.

определяют приоритетные направления в совершенствовании правосудия в отношении несовершеннолетних, опираясь на опыт международного сообщества.

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого в Кыргызстане производится по общим нормам уголовно-процессуального законодательства. В то же время, когда решается вопрос о заключении под стражу в качестве меры пресечения несовершеннолетнего, закон предусматривает более строгие основания для принятия такого решения. В частности, такая мера пресечения к несовершеннолетнему обвиняемому может быть применена при неоднократном совершении им уголовно-наказуемых деяний, квалифицируемых как тяжкие преступления, или обвинении в совершении особо тяжкого преступления. За последние полтора года следственными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства задержано всего 703 несовершеннолетних, из которых взято под стражу 428. При этом по 112 уголовным делам, по которым несовершеннолетние были привлечены к уголовной ответственности, были нарушены установленные сроки следствия¹. Тогда как, согласно Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, содержание несовершеннолетних «под стражей до суда применяются лишь в качестве крайней меры и в течении кратчайшего периода времени (правила 13.1). Аналогично решен вопрос в Конвенции о правах ребенка (ст. 37) и в ряде других международных норм.

Особенностям правового статуса несовершеннолетних правонарушителей посвящен ряд международно-правовых актов. Так, в ст. 2 принятых резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеей ООН от 14 декабря 1990 г. Правил Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, закреплено следующее положение: «Тюремное заключение несовершеннолетних должно применяться в качестве крайней меры воздействия в течение минимально необходимого периода времени и должно ограничиваться исключительными случаями»². Аналогичное положение содержится в ст. 19 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся

¹ Права человека и прокурорский надзор в Кыргызской Республике. Учебно-практическое пособие для сотрудников прокуратуры / Под ред. Шагивалиева А.К. – Бишкек, 2007. – С. 169.

² Цит. по: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учебное пособие. – М., 2000. – С. 255.

отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил), принятых революцией 40/33 Генеральной Ассамблеей ООН от 29 ноября 1985 г.¹

Проблема формирования личности подрастающего поколения вышла за национальные рамки одного государства. В Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года, утверждается, что «ребенок», в виду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»².

Исследование структуры осужденных несовершеннолетнего возраста показало, что наибольшее количество осужденных приходится на лиц 16–17-летнего возраста – в среднем 75,6%; на несовершеннолетних лиц 14–15 лет – около 21,1%. (см. приложение, таб. 6) В составе осужденных несовершеннолетние лица составляли в 2003 г. 6,2% и в 2008 г. – 7,0%.

В юридической литературе предлагалось включить в уголовный закон совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте от 14 до 16 лет как особое смягчающее ответственность обстоятельство³, что несколько противоречит законодательной технике, так как в перечень смягчающих обстоятельств не должны включаться обстоятельства, производные от уже предусмотренных в нем.

Кроме всего прочего, при установлении нижнего порога уголовной ответственности законодателю пришлось учесть наблюдения и исследования ученых-психологов. Профессор Г.И. Чечель, опираясь на знания психологии несовершеннолетних, справедливо считал, что в юношеском возрасте бурные эмоциональные реакции обусловлены повышенной обидчивостью, ранимостью в отношении оценок окружающими их качеств, достоинств и недостатков; особенно тяжело переживаются обиды, насмешки, оскорбления⁴, что также может выступать в качестве детонатора преступления.

Необходимо отметить, что в последнее время все чаще учеными остро ставится вопрос об эмоциональной неустойчивости, свойственной людям пожилого и престарелого возрастов. В этот период жизни ослабление деятельности эндокринных желез, физиологическая слабость приводят к специфическим характерным

¹ См.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учебное пособие. – М., 2000. – С. 238.

² Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов. – М., 1990. – С. 399.

³ См., например: Чечель Г.И. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. – М., 1968. – С. 27.

⁴ См.: Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. – М., 2001. – С. 20.

изменениям в организме, психике, проявляющимся в повышенной возбудимости и раздражительности, неустойчивости по отношению к эмоциональным переживаниям, что может способствовать возникновению достаточно частых состояний, достигших и не достигших состояния аффекта. В данном вопросе вполне можно положиться на исследования, проведенные известным психологом О.Д. Ситковской¹, которые показали, что в эмоциональной сфере этих лиц нередко констатируется формирование и проявление плохо контролируемых склонностей к враждебности и агрессивности в отношении к окружающим, скупости, эгоцентризма, обидчивости и неадекватности реакциям в отношении обидчика, срывам при повышенных эмоциональных нагрузках и т.д. На фоне всех этих явлений, ключевыми, по ее мнению, и с этим можно вполне согласиться, представляются данные о нарушениях в волевой сфере. Речь идет об утрате возможностей осмысливать определенные ситуации в целом, прогнозировать последствия своих и чужих поступков, несмотря на сохранение формально правильной ориентировки в других конкретных ситуациях.

Наконец, некоторые авторы, включая Крафт-Эбинга, обращают внимание на присущие многим людям старческого возраста ослабление или деформацию «руководящих нравственных принципов»², приводящих к неспособности давать адекватную оценку соответствующего поступка, исходя из нравственных критериев.

Опрошенные нами респонденты назвали старческим возрастом для мужчин 60, а для женщин 55 лет, совпавший с возрастом выхода их на пенсию, при достижении которого они становятся формально нетрудоспособными.

Еще в свое время профессор М.Н. Гернет в своей монографии относил к старикам лиц старше 60 лет. Он писал: «Старость (50–60 лет) имеет наибольшую склонность к взяткам, разрушению или повреждению чужой собственности и к растлению детей, состоящих под опекой, надзором или отеческой властью старика. Дряхлость (65 лет и выше) чаще всего как период разложения и упадка всех сил организма не имеет никаких свойственных ей преступлений: как силы этого возраста упали до наименьшей величины, так и склонности к преступлениям достигли в нем своего минимума»³. Проведя исследование статистических данных преступности в России за 1897–1903 гг., он указал на то, что «из стариков крадут чаще всего

¹ См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998. – С. 115.

² Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. – М., 1991. – С. 34.

³ Гернет М.Н. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). – М., 1992. – С. 127.

холостые: у женатых и вдовых, надо думать, есть поддержка в их семье. Холостые же старики находятся в более тяжелых материальных условиях: 27,2% из них оказываются осужденными за нищенство, бродяжничество и т.п., между тем как семейные старики дают лишь 2,2% осужденных. За эти преступления. Укрывательство и покупка краденного, истребление и повреждение имущества – также старческие преступления»¹.

По данным современных исследователей, наиболее частая психическая патология у лиц пожилого и старческого возраста, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, почти в 75% случаев определяется заболеваниями сосудов головного и мозга или представлена психозами позднего возраста. В последние годы эти заболевания стали предметом интенсивного изучения геронтологической науки, в том числе геронтологической психиатрии. Это связано, с одной стороны, с увеличением средней продолжительности жизни и увеличением процентного числа пожилых людей, с другой – с изменением условий жизни человека под воздействием экономических затруднений, загрязнения окружающей среды и т.д. Врачи, психиатры, психологи в большинстве своем отмечают увеличение среди населения соматических, нервных и психических нарушений и ряда заболеваний, проявляющихся у лиц старческого возраста. Следует, однако, отметить, что инволюционные процессы старения человека в определенной степени заложены в генетическом механизме и гормональных изменениях, которые неизбежно происходят в процессе жизни человека. Тем не менее, на его жизнедеятельность прямо или косвенно влияют социальные и бытовые условия, многочисленные внешние и внутренние факторы, которые нередко в условиях реальной жизни способствуют появлению психических нарушений. Эти расстройства, по мнению В. Н. Волкова, «влияют на поведенческие реакции пожилых людей, обуславливая определенные действия, которые в ряде случаев вступают в противоречие с законодательными актами»².

По нашему мнению следует обратить внимание на тот факт, что достижение определенного возраста в старости само по себе не означает физиологического одряхления, а протекание последнего не сразу и не в одинаковой степени влечет дефекты управляемости поведением в случаях, которые существенны для уголовного

¹ Гернет М.Н. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). – М., 1992. – С. 132.

² Волков В.Н. Судебная психиатрия. Курс лекций. – М., 1998. – С. 314.

закон. «Нельзя рассматривать биологическое одряхление, как жестко связанное с личностными изменениями. Нередко можно видеть людей, которые, несмотря на свой преклонный возраст, мало отмечены психологическим старением»¹. Поэтому при решении рассматриваемой проблемы необходимо принимать во внимание совокупность трех составляющих: календарный возраст, физиологическое и психическое состояние субъекта.

Опрос респондентов по вопросу о необходимости признания пожилого возраста смягчающим обстоятельством показал, что практически 80% согласны с указанным нововведением, 10 % были против, 10% затруднились при ответе.

Сказанное приводит к выводу, что жесткое регулирование верхнего возрастного порога было бы психологически неверно. В отличие от нижнего возрастного порога зафиксировать его на «все случаи жизни» невозможно, поэтому в диссертации предлагается следующее концептуальное решение данной проблемы: пожилой возраст, то есть для мужчин свыше 65 лет и для женщин 60 лет, законодательно признать обстоятельством, смягчающим ответственность и внести соответствующее дополнение в ст.54 УК КР.

Следует отметить, что и в настоящее время среди лиц старческого возраста преобладают совершение ими ненасильственных преступлений, в основе своей корыстных, сексуальных и дезадаптивных (бродяжничество, попрошайничество).

С. Молдобаев, описывая характер преступности среди пожилых лиц, указывает на следующие факторы:

- физическую невозможность совершения преступлений вследствие болезни, недостатка физических сил и т.д.;
- достижение определенного уровня сознания в силу значительного жизненного опыта, большую рассудительность и осторожность, обусловленные возрастом;
- более низкий коэффициент «выживаемости» бывших преступников;
- снижение психологических, в частности интеллектуальных, способностей пожилых людей, что особенно характерно для многократно судимых рецидивистов, часто страдающих алкоголизмом;

¹ Грановская Р.М. Элементы практической психологии. – Л., 1988. – С.387.

– относительно быстрая раскрываемость преступлений (за исключением крупных хищений), совершенных лицами данного возраста, влекущая привлечение виновных к ответственности и лишение возможности совершения ими новых преступлений;

– «усталость» многих преступников пожилого возраста от совершенных преступлений и связанный с ними образ жизни, часто приводящий к длительному пребыванию в местах лишения свободы¹.

Нарушения психической деятельности, возникающие, развивающиеся и проявляющиеся в старческом возрасте, могут существенно нарушить или даже полностью свести на нет управляемость поведением в конкретных обстоятельствах. При этом в большинстве случаев речь идет о «психологической патологии» при отсутствии четко выраженной психиатрической ее основы.

В настоящее время в наиболее экономически развитых странах, России, а также Китае наблюдается процесс интенсивного старения населения, что создает определенные угрозы экономического, нравственного, психологического, социального, политического, нравственного, правового характера, и, следовательно, есть основания для опасения роста преступности, связанной с пожилым возрастом. Данный процесс со временем, очевидно, начнется и в нашей республике, исходя из чего можно сделать вывод, что уже в обозримом будущем перед обществом могут встать проблемы, связанные с особенностями привлечения к уголовной ответственности пожилых людей, регулированием исполнения наказания, дифференциацией и индивидуализацией исполнения уголовного наказания. Имея в виду данное обстоятельство, предлагаем: пожилой возраст (для мужчин – свыше 65 лет, для женщин – свыше 60 лет) законодательно признать обстоятельством, смягчающим ответственность, и соответственно дополнить ст. 54 УК КР в следующей редакции:

«... пожилой возраст, то есть свыше 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин».

¹ Молдабаев С. Субъект преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – С. 38-39.

1.3. Проблемы вменяемости и невменяемости в уголовном праве

Вменяемость, согласно УК КР, наряду с достижением установленного возраста выступает в качестве условия уголовной ответственности и является одним из общих и обязательных признаков субъекта преступления. Большинство поступков, осуществляемых субъектами в сфере права, считает В.Н. Кудрявцев, «является реализацией выбора, подконтрольны, произвольны и обладают достаточно развернутой внутренней структурой. При этом сознательная волевая регуляция сопровождает все этапы внешнего повеления, вплоть до наступления результата...»¹, и как существенное обстоятельство, продолжает В.Н. Кудрявцев, выступает то, что «в отношении юридически значимых поступков, подпадающих под действие норм правового регулирования, их осознанность и подконтрольность являются необходимым условием для применения к субъекту санкций, предусмотренных законодательством. Противоправными могут быть признаны только такие действия, которые находятся под актуальным или потенциальным контролем сознания»².

Являясь одной из фундаментальных правовых категорий, вменяемость (невменяемость) представляет собой исходный элемент принципа субъективного вменения «вменяем – виновен – ответственен», т.е. субъективную предпосылку вины и уголовной ответственности. Содержательная же характеристика понятий вменяемость, невменяемость однозначно основана на таких базовых понятиях психологии, как интеллект и воля³. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что речь идет об осознанно волевом поведении, т.е. способности к волевой регуляции поведения, которая непосредственно связана с потребностно-мотивационной сферой человека. Бедность потребностей, по словам психиатра Иванникова В.А., и «слабость» мотивов приводят к снижению волевой активности, неспособности к волевым усилиям при необходимости принятия решений для выхода из сложных ситуаций⁴. В специализированной литературе особо подчеркивается значение общего развития личности для регуляции произвольного поведения.

Категории вменяемости, невменяемости являются базовой конструкцией, основой оценки субъективной стороны криминального деяния, необходимым

¹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение. Норма и патология. – М., 1982. – С. 83.

² Там же. – С. 87.

³ Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М., 1991. – С. 279.

⁴ Там же. – С. 281.

условием для его квалификации как совершенного виновно, ответственно, осознанно и произвольно, в силу чего методологические принципы решения этого кардинального вопроса определяют и подходы к проблеме индивидуализации ответственности, установления ее меры и степени.

Прежде чем приступить к анализу соотношения категории невменяемость по действующему уголовному законодательству КР рассмотрим данную проблему в исторической ретроспективе.

До Октябрьской революции вопросы об ответственности невменяемых, т.е. психических больных, и их опекунов по обычному праву казахов¹, народов Северного Кавказа² и кыргызов решались сравнительно одинаково. Так, кыргызы разделяли невменяемость на «кутурган», «ачылуу» (депрессивные) и на «кулкулуу», «жинди» (маниакальные формы сумасшествия). Ч. Валиханов указывал на то, что для маниакальных, как не особо опасных психически больных, никаких запретов не существовало, а если кто-то их беспричинно обижал, то виновному делали замечания или наказывали телесно. Душевнобольной виновный, как правило, также платил кун за беспричинное убийство, но в меньшем размере. Не последнюю роль в разрешении конфликта играло имущественное состояние родственников потерпевшего и ответчиков. Депрессивные «ачылуу», «кутурган» запирались или привязывались к юрте. Если этого нельзя было сделать, то дом, где имелся буйный больной, должен был находиться отдельно от основного аила.

Как указывает С.К. Кожоналиева, «если же, несмотря на старания родственников, больной по причине, не зависящей от них, освобождался и совершал какое-либо преступление, то в большинстве случаев ни родственники, ни больной перед потерпевшим не отвечали»³. На то же самое указывает Г. Заряжский: «Лица, совершившие преступление в безумии и сумасшествии, а также находясь в беспамятстве во время болезни, освобождаются от наказания»⁴. Однако в то же время позволялось потерпевшему или его родственникам в состоянии необходимой обороны убить душевнобольного, если он мог совершить убийство, покалечить или угрожал кому-либо гибелью. По обычному праву кыргызов, потерпевшие за убийство

¹ См.: *Культелев Г.М.* Уголовное обычное право казахов. – Алма-Ата, 1955. – С. 124.

² См.: *Тахтарев К.М.* Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. – Ч. 1. Переизданное. – Л., 1964. – С. 180.

³ *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000. – С. 88.

⁴ *Заряжский Г.* Кара-киргизы (Этнографический очерк) // Туркестанские ведомости. – 1874. – № 45.

сумасшедшего в состоянии необходимой обороны никакой ответственности не несли. В ереже 1893 г. указывается: «Не полагается куна за сумасшедшего... убитого во время хищничества... если будет доказано удостоверением четырех почетных лиц»¹.

Кроме того, согласно обычному праву кыргызов, за преступное действие душевнобольного в зависимости от обстоятельств или никто не нес ответственности, или были ответственны его отец, братья и другие родственники.

Дореволюционные российские авторы при рассмотрении проблемы вменяемости-невменяемости, особо выделяли специфические состояния психики, связанные с глухонемой, дряхлостью, просоночным состоянием, а также с «умоисступлением», «беспамятством» психически здоровых людей под влиянием, например, беременности, «аффектов разного рода, достигших высшей степени»².

Мы согласны с тем, что, поскольку для решения практически всех вопросов, связанных с судебно-психологической оценкой вменяемости-невменяемости, необходимо знать специфику механизмов саморегуляции и формы их деформации, ведущих к снижению способности лиц к осознанному руководству своими действиями в рамках вменяемости. Представляется целесообразным в самом общем виде остановиться на основном круге проблем, связанных с различными подходами к вопросу об установлении и определении вменяемости-невменяемости. Это позволит наиболее полно раскрыть тот смысловой контекст, систему категорий и ориентиров, в границах которых решается проблема оценки способности к саморегуляции поведения, значимого для права.

Видный психолог О.Д. Ситковская справедливо считает, что проблема вменяемости-невменяемости носит комплексный характер и «имеет взаимосвязанные психологические, психиатрические и правовые аспекты»³.

Вменяемость (от слова «вменять», в смысле «вменять в вину», засчитывать) – в широком, общеупотребительском значении этого слова означает субъективную способность лица нести ответственность перед законом за свои действия, другими словами это «способность психики человека, при котором он в момент совершения общественно-опасного деяния был способен осознавать характер своего поведения и

¹ См.: *Заряжский Г.* Кара-киргизы (Этнографический очерк) // Туркестанские ведомости. – 1874. – № 45. – С. 35.

² См., например: *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. – СПб., 1908. – С. 227–228.

³ *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. – М., 1999. – С. 20.

руководить им»¹. В уголовном праве данное понятие употребляется в более узком, специальном смысле, как антитеза понятию «невменяемость», но в то же время можно дать ей разностороннюю характеристику: как субъективную и юридическую предпосылку юридической ответственности и уголовной ответственности; как один из общих юридических признаков состава преступления, характеризующий субъекта уголовной ответственности; как показатель преступного и наказуемого; как один из показателей признаков личности преступника; как критерий отграничения виновного и преступного поведения от совершенных без вины деяний невменяемого и т.д. Требования уголовного закона непосредственно обращены только к тем лицам, которые в состоянии правильно воспринимать и оценивать окружающую действительность и способны руководить своими действиями², т.е. проблема привлечения к уголовной ответственности и уголовно-правовой квалификации общественно опасных действий (бездействия) возникает только в отношении вменяемых лиц, совершивших такого рода деяния. Следовательно, одним из неперемных условий, выдвигаемых уголовным законом для признания лица субъектом преступления, (помимо возраста уголовной ответственности) является вменяемость данного лица.

Уголовный закон раскрывает понятие вменяемости негативным путем: все те лица, которые не подпадают под признаки ст.19 УК КР, в которой содержится понятие невменяемости лица, совершившего общественно опасные действия в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость, т.е. новый УК КР в настоящее время признает возможность совершения лицом преступления и в полувменяемом состоянии.

В методологическом плане внутренние (психические) детерминанты противоправного поведения субъекта могут быть рассмотрены в свете концепции «свободы воли», которая в классической и неоклассической школах уголовного права применительно к психическим состояниям субъекта преступления служат для обоснования ответственности при наличии свободы воли либо ограниченной ответственности – в случае ограничения свободы воли.

¹ Бодобаев К.А. Уголовное право Кыргызской Республики. – Бишкек, 2005. – С. 125.

² См.: Курманов К.Ш. Квалификация преступлений: теория и практика. – Бишкек, 2000. – С. 77.

Большинство юристов признают свободу воли наряду с детерминированностью поведения¹, но в последние годы в юридической литературе вновь появилась тенденция, ведущая к отрицанию свободы воли. Американский ученый Д. Уолд считает, что свобода воли является целиком детерминированной, но до известной степени непредсказуемой. С позиций диалектического материализма субъект преступления имеет возможность выбора из различных вариантов поведения и в этом проявляется свобода его воли. В.Н. Кудрявцев придерживается мнения, что поступки человека обязательно проходят через его сознание и волю². А.В. Наумов расширил данный взгляд, считая, что человек детерминирован психически (изнутри) и объективными обстоятельствами (снаружи), т.е. реально связан в двойным детерминизмом – внутренним и внешним³. В противоположность ему Н.Г. Иванов отрицает наличие свободы воли, указывая на то, что «воля есть определенное ограниченное, благодаря которому блокируются все степени свободы... Следовательно, воля не может быть свободна, ибо сама стремится к сужению свободы»⁴. Исходя из этого, автор делает вывод, что человеческое поведение фатально предопределено⁵.

Выдающийся немецкий философ, основатель психотехники Г. Мюнстерберг отмечает, что необходимо постоянно иметь в виду, что человеческое бытие требует «двойного понимания личности», так как, с одной стороны, существует свободная воля, с другой – детерминистическое понимание поведения⁶. Он считает свободным такое волевое действие, которое является следствием нормального функционирования психически здоровой личности, и, напротив, к несвободным действиям относит поступки психически больных лиц⁷.

¹ См.: Волков Б.С. Проблемы вины и уголовная ответственность. – Казань, 1965. – С. 134; Лурия А.Р. Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация // Вопросы психологии, 1969. – №5. – С. 14; Шагородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение, 1968. – №11. – С. 42; Санталов А.И. Уголовная ответственность и «свобода воли» // Вестн. Ленингр. ун-та, 1968. – №5; Кареева М.П. Марксистско-ленинское понимание личности и ее свободы // Личность, общество, государство. – М., 1966. – С. 30; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С. 24; Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. – М., 1968. – С. 42; и др.

² См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт теоретического моделирования. Учебн. пособие. – М., 1998. – С. 156.

³ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М., 1998. – С. 136.

⁴ Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности Учеб. пособие для вузов. – М., 1998. – С. 92–93.

⁵ Там же. – С. 93.

⁶ См.: Мюнстерберг Г. Основы психотехники. В 2 т. – СПб., 1996. – Т. 2. – Ч. III–IV. – С. 93.

⁷ Там же. – С. 88–89.

В уголовном праве свобода воли фактически отождествляется со способностью субъекта к осознанно-волевому поведению, т.е. с вменяемостью¹, ограниченная свобода воли – с неполной вменяемостью, ресурс которой ограничен психическими аномалиями², а несвобода воли приравнивается к невменяемости, когда свобода воли и невменяемость уничтожаются психическими расстройствами, лишаящими возможности действовать осознанно и волимо³. Другими словами, речь идет об «осознанно-волевом поведении на всех этапах поведенческого акта, регулируемого правом, – от постановки цели и выбора способа действий до прогноза и оценки возможных последствий»⁴.

И.А. Кудрявцев отмечает, что «субъект может и должен отвечать за свои деяния, поскольку и настолько его поведение и действия определялись его свободными и волевыми решениями», а к числу обстоятельств, которые «не исключают, но существенно ограничивают меру сознания и свободу волеизъявления» и тем самым смягчают вину, относит состояние выраженного эмоционального возбуждения (напряжения) и состояние аффекта⁵.

С учетом всех имеющихся мнений о наличии либо отсутствии «свободы воли» полагаем, что наиболее верно мнение Г.В. Назаренко, считающего, что понятия «свобода воли», «свобода волеизъявления», «самоопределяемость» не могут быть отброшены по соображениям их спорности, так как в научной литературе уголовного права они играют роль фундаментальных методологических категорий, дающих возможность обосновать субъективное вменение, степень виновности субъекта и справедливость применения тех или иных мер уголовно-правового воздействия⁶. В эмоционально нейтральных состояниях поведение субъекта в юридически значимых ситуациях осуществляется на основании осознанно волевого выбора и является ответственным, произвольным.

В то же время следует иметь в виду, что вменяемость вовсе не предполагает абсолютного психического здоровья. Вменяемым может быть признан и человек с какими-либо психическими отклонениями, которые, тем не менее, не лишают его

¹ См.: Назаренко Г.В. Невменяемость. – М., 2002. – С. 32.

² См.: Сирожидинов Д.В. Уменьшенная (ограниченная) вменяемость: история вопроса и его современное понимание // Российский юридический журнал, 1997. – №2. – С. 91–93.

³ См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998. – С. 157.

⁴ Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. – М., 2001. – С. 113.

⁵ См.: Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1988. – С. 175.

⁶ См.: Назаренко Г.В. Указ. соч. – С. 34.

способности осознавать фактический характер и социальное значение совершаемых действий и руководить ими. По мнению профессора Д.В. Сирожидинова, «вменяемость» – это уголовно-правовое понятие, которое служит для отграничения лиц, не способных понимать значение своих действий и руководить ими при совершении общественно опасных деяний¹.

Необходимо уточнить, что вменяемость не предвдвряет вину, а свидетельствует лишь о наличии по этому признаку субъекта преступления. Вменяемость связана с виной только через состав преступления, через субъект и субъективную сторону, которые в совокупности обеспечивают действие принципа субъективного вменения в уголовном праве.

Каждое лицо считается вменяемым, пока не доказано обратное, другими словами, в уголовном праве действует презумпция вменяемости². «Несмотря на отсутствие законодательного закрепления данной презумпции из нее исходят суды в своей практике»³, – указывает Р.И. Михеев. Кроме того, о презумпции вменяемости говорит и международный стандарт ООН в области защиты прав человека (ст. 16 Международного Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г.)⁴.

Законодателем в обобщенном виде дан исчерпывающий перечень различных форм болезненных расстройств психической деятельности, которые могут сопровождаться утратой способности лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими: хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие, иное болезненное состояние психики⁵.

Вопрос же о невменяемости был решен в ст. 11 УК Кирг. ССР 1960 г. (ст. 11 Основ уголовного законодательства) следующим образом: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния». В действующем УК КР 1998 г. формула

¹ См.: Сирожидинов Д.В. Уменьшенная (ограниченная) вменяемость: история вопроса и его современное понимание // Российский юридический журнал, 1997. – №2. – С. 95.

² См.: Трахтеров В.С. Юридические критерии вменяемости // Ученые записки Ленинградского юрид. института. Вып. 4. – Л., 1947. – С. 122; Курс советского уголовного права. – Т. 1. – Л., 1968. – С. 369.

³ Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в современном уголовном праве. – Владивосток, 1983. – С. 76.

⁴ См.: Сборник стандартов ООН в области предупреждения преступности и правосудии. Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1992. – С. 29.

⁵ См.: Первомайский В.Б. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Государство и право, 1991. – №5. – С. 73.

невменяемости имеет более точное определение. Это относится в первую очередь к критериям невменяемости, которые определяют ее сущность. В ч. 1 ст. 19 действующего УК КР дана более четкая формулировка юридического критерия, связанная с тем, что лицо «не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими» вместо «не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий)». Считаем, что в более позднем варианте более верно употреблена и медицинская терминология: устаревшее понятие «душевная болезнь» заменено более современным, соответствующим международным стандартам «психическое расстройство». В то же время в действующем УК сохранено упоминание о «состоянии невменяемости», что, по нашему мнению, не совсем правильно, поскольку речь идет не о состоянии лица, а о его отношении к совершенному им общественно опасному деянию.

Необходимо отметить, что вопрос невменяемости – сложная и многогранная проблема, которая занимает особое место в уголовном праве, так как невменяемость тесно связана с категориями «вменяемость», «ограниченная вменяемость» и с исключением уголовной ответственности в отношении невменяемых лиц, возможностью назначения и применения принудительных мер медицинского характера к таким лицам. Невменяемость относится к числу до конца не изученных и во многом дискуссионных проблем, от решения которого зависит не только понимание связанных с ней категорий, но и должное осмысление целого ряда уголовно-релевантных психических состояний, которые получили закрепление в УК КР 1998 г.

Известный психиатр Г.К. Ушаков считал, что невменяемость, как уголовно-релевантное обстоятельство, может быть более точно описана именно в терминах и понятиях психологии. Невменяемость, по его мнению, – это психическое состояние, характеризуемое неспособностью к осознанно-волевому поведению в конкретном случае¹.

Казалось бы, если ставить вопрос о невменяемости самого лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, т.е. физического исполнителя такого деяния, то здесь нет никакой уголовно-правовой проблемы: нет субъекта преступления, а, значит, нет и самого преступления. Настоящие же

¹ См.: Руководство по психиатрии. В 2-х т. / Под ред. А.В. Снежневского. – Т. 1. – М., 1983. – С. 78.

проблемы уголовно-правовой оценки, по справедливому мнению А.И. Рарога, возникают только тогда, когда лицом, способным нести уголовную ответственность, совершается общественно-опасное деяние (предусмотренное уголовным кодексом), в котором в той или иной форме принимает участие лицо, в момент совершения деяния находящееся в состоянии невменяемости¹.

Можно согласиться с Г.В. Назаренко, который пишет, что определение уголовно-правового понятия невменяемости должно опираться на юридический фундамент и прежде всего на такие базовые категории уголовного права, как вина и вменение². Показателем неспособности к совершению виновных действий, по мнению Богомягкова Ю.С., являются «интеллектуальный и волевой признаки психической недостаточности лица, находящегося в состоянии психического расстройства, т.е. со знанием дела и по своему усмотрению»³.

Н.Ф. Кузнецова верно полагает, что «невменяемый не может нести уголовную ответственность за свои объективно опасные для общества поступки прежде всего потому, что в них не участвовали его сознания и или воля»⁴.

Известный криминолог Ю.М. Антонян доказал, что понять поведение человека с психическими аномалиями вне его личности невозможно. В том случае, если психические аномалии изменяют личность, от личности зависит степень этих изменений. Если психическое расстройство полностью подчиняет личность, такое лицо не может нести уголовной ответственности за свои общественно опасные действия, поскольку оно является невменяемым⁵.

Таким образом, можно сделать некоторые предварительные выводы при решении вопроса о вменяемости или невменяемости лица, совершившего преступление. Во-первых, невменяемость не есть постоянное состояние человека. Как и любое другое заболевание, психическое расстройство может по разным причинам качественно и количественно меняться в различные периоды своего течения⁶. Как

¹ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 260.

² См.: Назаренко Г.В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1993. – №3. – С. 66.

³ Богомягков Ю.С. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1989. – №4. – С. 105.

⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 279.

⁵ См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1991. – С. 48.

⁶ Ряд болезненных расстройств «возникают и прекращаются внезапно, длятся очень короткое время; такие скоропроходящие расстройства душевной деятельности являются как бы исключением по отношению к обычному психическому состоянию субъекта. (Веденский И.Н. Проблемы исключительных состояний в судебно-психиатрической клинике // В кн. Проблемы судебной психиатрии. – М., 1947. – С. 331).

известно, не все психические заболевания поддаются полному излечению. Например, психиатры считают весьма проблематичным возможность излечения шизофрении. Большинство психиатров считают, что благоприятный исход заболеваний (исход в ремиссию, т.е. частичное или полное исчезновение признаков заболевания) возможен в 30–40% случаев. Между тем, среди лиц, признаваемых невменяемыми, около 50% больных шизофренией¹. По данным, которыми мы располагаем, этот показатель составляет по нашей республике 35%. Это означает, что среди психически больных, к которым были применены принудительные меры медицинского характера, преобладают больные с диагнозом шизофрения, умственная отсталость и алкогольные психозы. Так, в отношении лиц, совершивших преступление, Республиканским центром психического здоровья г. Бишкек были применены принудительные меры медицинского характера в период 2001–2007 гг.: к больным с диагнозом шизофрения в отношении 146 человек (43,1%), алкогольные психозы – 93 человека (21,5%), другие психозы – 9 человек (2,7%), непсихические расстройства – 15 человек (4,4%), умственная отсталость – 96 человек (28,3%)². Поэтому, учитывая все вышесказанное, для уголовно-правовой оценки деяния, совершенного психически нездоровым человеком, необходимо установить его психическое состояние в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, т.е. определить, мог ли он осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий именно в момент их совершения и руководить ими.

Во-вторых, состояние психического нездоровья в зависимости от характера и глубины поражения психики может в разной мере ограничивать интеллектуальные и волевые способности лица. Болезненное состояние психики может быть таким, что больной осознает общественно опасный характер одних своих действий, но не понимает социальной вредности других. Поэтому судебно-психиатрической экспертизой должен исследоваться вопрос не вообще о способности осознавать характер своих действий и руководить ими, а о способности осознавать фактический характер и общественную опасность именно совершенных действий, предусмотренных уголовным законом. Иначе говоря, невменяемость должна быть установлена в отношении всех общественно опасных деяний, совершенных данным лицом.

¹ См.: Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. – М., 1987. – С. 210–211.

² Источники: Министерство здравоохранения Кыргызской Республики.

В отношении лиц, психически больных, совершивших общественно опасные деяния, согласно ст. 90 УК КР могут быть назначены судом принудительные меры медицинского характера с целью лечения и предупреждения со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний.

Условия и порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определены уголовно-исполнительным законодательством и Законом Кыргызской Республики «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 17 июня 1999 г.¹ Содержание и лечение психически больных в Кыргызской Республике осуществляют Республиканский центр психического здоровья (РЦПЗ), психиатрическая больница села Чым-Коргон Кеминского района Чуйской области, амбулаторно-стационарная психиатрическая больница г. Ош и психиатрическая больница поселка Кызыл-Жар Джалалабадской области.

Мы согласны с В.С. Орловым и Р.И. Михеевым в том, что вменяемость является необходимой предпосылкой для установления виновности субъекта, начальным звеном общей цепи: вменяемость, затем вина, потом ответственность²; и поддерживаем мнение Ю.М. Антоняна и С.В. Бородина, что вменяемость, являясь признаком субъекта преступления, непосредственно связана с виной и, находясь в составе преступления, вместе с ней обеспечивает в уголовном праве действие основополагающего принципа субъективного вменения³.

Понятие вменяемости используется в теории уголовного права, а в законодательстве почему-то не получило своего закрепления. Оно отсутствовало как в УК Кирг. ССР 1960 г., так и в действующем УК КР. Новый Уголовный закон оперирует антитезой вменяемости-невменяемости. Итак, с учетом данного пробела в законодательстве и исходя из законодательной формулировки невменяемости и ее признаков, считаем возможным предложить следующее определение вменяемости.

Вменяемость есть такой уровень психического здоровья лица в момент совершения уголовно противоправного деяния, который позволял ему осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных действий (бездействия) и руководить ими.

¹ См.: Эркин-Тоо, 1999. 26 июня.

² См.: Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 27; Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика). Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1995. – С. 3.

³ См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М., 1987. – С. 122.

Из этой формулировки можно заключить, что вменяемость – это такое состояние психики, при котором человек в момент совершения общественно опасного деяния может осознавать значение своих действий и руководить ими и потому способен быть ответственным за свои действия.

1.4. Специальный субъект преступления

В УК КР не дается определения специального субъекта преступления, однако в науке уголовного права под ним понимается лицо, обладающее наряду с общими признаками субъекта (достижение возраста уголовной ответственности и вменяемости) также дополнительными признаками, обязательными для конкретного состава преступления.

Признаки, характеризующие общий субъект преступления, не упоминаются в диспозициях норм Особенной части УК КР, так как присущи всем составам преступления. Дополнительные же признаки субъекта конкретного преступления либо прямо названы (или описаны) в диспозиции соответствующей нормы, либо устанавливаются путем толкования. Иногда признаки специального субъекта указываются в особой норме. Например, понятия должностного лица и должностного лица, занимающего ответственное положение, даны в примечании к ст. 304 УК КР, а в ст. 354 УК КР перечислены те категории лиц, которые могут нести ответственность за преступления против порядка прохождения военной службы.

Иногда признаки специального субъекта преступления называют факультативными, что требует уточнения. Данные признаки факультативны не для состава преступления, а для общего понятия субъекта. В конкретном составе преступления, где признаки указаны, они являются строго обязательными и не должны рассматриваться как второстепенные, вспомогательные. Напротив, в логическом процессе квалификации преступления признак специального субъекта иногда выявляется прежде, чем возраст и вменяемость¹.

Отсутствие признаков специального субъекта, предусмотренных конкретным составом преступления, исключает уголовную ответственность за это преступление даже при наличии общих признаков субъекта преступления. В одних случаях это означает отсутствие преступления вообще, в других – ответственность наступает по другим нормам. Например, неисполнение либо ненадлежащее выполнение своих обязанностей лицом, не являющимся должностным, исключает уголовную ответственность за халатность, так как субъектом этого преступления может быть только должностное лицо (ст. 316 УК КР).

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжковой И.М. – Т. 1. – М., 2002. – С. 291–292.

По своему содержанию признаки специального субъекта очень разнообразны. Они могут касаться различных свойств личности. Эти свойства настолько существенны, что их наличие, с точки зрения уголовного закона, либо делает деяние общественно опасным, либо резко меняет характер и степень его общественной опасности. В новом Уголовном кодексе Кыргызской Республики 1998 г. содержится множество норм со специальным субъектом. И поскольку введение в состав преступления дополнительных признаков ограничивает круг ответственных лиц, увеличение количества норм, в которых указывается специальный субъект, является выражением тенденции, направленной на сужение уголовной репрессии.

В ранее действовавшем уголовном законодательстве понятие специального субъекта связывалось почти исключительно с характером деятельности лица. В связи с увеличением количества составов со специальным субъектом расширилось и представление о дополнительных признаках субъекта и возникла потребность в их классификации.

В современной теории уголовного права предлагаются достаточно много вариантов классификации признаков специального субъекта преступления¹. Думается, что наиболее приемлема следующая классификация признаков специального субъекта преступления, предложенная Г.Н. Борзенковым и поддержанная многими учеными-юристами: 1) признаки, характеризующие социальную роль и правовое положение субъекта; 2) физические свойства субъекта; 3) взаимоотношение субъекта с потерпевшим². С другой стороны, данная классификация признаков специального субъекта преступления, разумеется, как и все другие, достаточно условна и не бесспорна.

Наиболее многочисленной является первая группа. Сюда входят следующие подгруппы признаков: гражданство, должностное положение лица, профессия, род деятельности, характер выполняемой работы, отношение к военной службе, участие в судебном процессе, судимость.

Вторую группу составляют признаки, относящиеся к возрасту, полу, состоянию здоровья и трудоспособности.

¹ См.: *Орымбаев Р.* Специальный субъект преступления. – Алма-Ата, 1977. – С. 49–59.

² См.: *Курманов К.Ш., Сыдыкова Л.Ч., Джаянбаев К.И., Джакупова Г.К.* О преступлении. – Бишкек, 1997. – С. 93.

К третьей группе относятся признаки, характеризующие либо родственные отношения субъекта с потерпевшим и другими лицами, либо иные отношения (лицо, от которого потерпевший зависит материально; опекун).

Относительно определения общих признаков специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе до сих пор нет единого мнения. Одни авторы специальным субъектом считают лицо, не только обладающее свойствами общего субъекта, но и наделенного дополнительными, только ему присущими качествами¹.

Вместе с тем, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в диспозициях некоторых статей уголовного закона характеристика специального субъекта дается косвенно, путем указания на способ совершения преступления, место его совершения и другие объективные признаки, которые предполагают, что не всякое физическое вменяемое лицо может совершить это преступление. Например, часто встречающееся в новом УК КР упоминание о совершении преступления «с использованием служебного положения» предполагает, что субъектом данного преступления (обычно квалифицированного вида) может быть только лицо, обладающее соответствующим служебным положением.

Ст. 219 УК КР устанавливает ответственность за обман потребителей «в организациях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению». Здесь указание на место совершения преступления одновременно означает, что специальным субъектом этого преступления может быть только работник соответствующей организации.

Независимо от того, названы ли признаки специального субъекта в самом тексте закона (статье или примечании к ней), или они выводятся путем толкования, их наличие обязательно для данного состава преступления.

Анализ норм уголовного закона и правоприменительной практики позволяет заключить, что наиболее распространенными (и интересными с точки зрения исследования) специальными субъектами преступления являются должностные лица, как государственные служащие, и военнослужащие, как особая категория государственных служащих. Особое положение и первых, и вторых связано с их

¹ См.: Лазарев А.М. Субъект преступления. – М., 1981. – С. 9; Борзенков Г.Н. Специальный субъект преступления. В кн.: Курс уголовного права. Общая часть. Учебник для юрид. вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 1999. – С. 284; и др.

правовым статусом, выполняемой трудовой функцией, построенной на властных управленческих началах.

Для уяснения данного вопроса остановимся на раскрытии содержания понятия должностного лица. Здесь необходимо отметить, что изменения в социальной жизни, коренная перестройка экономической и политической систем общества, процессы демократизации делают актуальной, наряду с другими, проблему частичного пересмотра сложившихся понятий должностного положения, должностного преступления и должностного лица.

В советском уголовном законодательстве впервые круг лиц, ответственных за такое должностное преступление, как получение взятки, был определен в Декрете СНК РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г. Причем он был значительно шире, чем в дореволюционном законодательстве. К таким лицам относились те, кто состоял на государственной или общественной службе: должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и подобных учреждений и организаций или служащие в таковых.

Исходя из законодательных формулировок, представители правовой науки в 20-е годы почти единодушно полагали, что должностным лицом следует признавать, прежде всего, любого служащего государственного учреждения или предприятия независимо от занимаемой им должности. «Так как по самому духу советского строя всякий служащий, занимая определенное место, выполняет определенные задачи общегосударственного характера, то, с точки зрения современного строя, всякий служащий является в то же время должностным лицом, как бы ни была незначительна его функция в общей системе управления»¹.

Дискуссионным оказался вопрос о признании должностным лицам работников других, негосударственных, объединений и организаций. Новая экономическая политика способствовала появлению многочисленных кооперативов и товариществ, акционерных обществ, частных магазинов, предприятий с участием иностранного и частного капитала.

¹ См.: *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления. Изд. 2-е. – М., 1924. – С. 46; *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Часть Особенная. Изд. 2-е. – М., 1927. – С. 217; *Кожевников М., Латовиер Н.* Должностные преступления и борьба с ними. – М., 1936. – С. 41; *Гюнтер А.* Должностные преступления. – Харьков, 1928. – С. 34.

Служащие негосударственных организаций рассматривались как должностные лица, если на данные организации возлагалось выполнение различных общегосударственных задач. Так, должностными лицами в смысле применения к ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.) предлагалось считать должностных лиц жилищных товариществ, кооперативных организаций (члены комитетов, президиумов, правлений, ревизионных комиссий и т.д.). В то же время служба в организациях и объединениях, не преследующих общегосударственных задач, как полагал А.А. Жижиленко, с точки зрения уголовного закона, не представляла собой интерес, нуждавшийся в особой правовой охране. Поэтому руководители любой артели (например, артели инвалидов) не являлись должностными лицами, так как артель не была уполномочена государством выполнять его функции¹.

К организациям и объединениям, выполняющим общегосударственные задачи, А.Н. Трайнин относил хозрасчетные предприятия, работавшие на широкий рынок, хозяйственное строительство, осуществлявшемуся по твердому и регулируемому государственной властью плану. Однако уже в 20-е годы в исследованиях проблемы ответственности должностных лиц произошли существенные изменения. Сказывались формирование командно-административной системы и влияние навязываемого официальной идеологией представления о коренном отличии советского государственного аппарата от аппарата управления буржуазного государства. В первом издании учебника «Уголовное право РСФСР» 1925 г. А.Н. Трайнин писал, что в число должностных лиц входят субъекты, занимающие любую должность в любом государственном органе или органе, выполняющем возложенную законом государственную функцию. Он полагал, что, по общему правилу, должностными лицами не являются служащие кооперации, граждане, принадлежащие к профсоюзному аппарату, и т.д. Они становятся должностными лицами лишь в те моменты, когда исполняют определенную публично-правовую функцию по поручению государства (например, кооперация производит порученные государством хлебозаготовительные операции, член месткома осуществляет надзор за исполнением законов о труде и т.д.)². В следующем издании учебника А.Н. Трайнин сформулировал эту позицию не столь резко, но все же он утверждал: «Лишь в той

¹ См.: Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. Изд. 2-е. – М., 1924. – № 9. – С. 7–8.

² См.: Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. – Л., 1925. – С. 148–151.

мере, в какой та или иная общественная организация является носителем публично-правовых функций, и в те моменты, когда она эти функции конкретно исполняет, ее органы являются должностными лицами...»¹

Уголовное законодательство не могло не отреагировать на «огосударствление» всех предприятий, учреждений и организаций. В республиканских уголовных кодексах, принятых в период с 1959 по 1962 гг., в определениях должностного лица как субъекта должностных преступлений уже без всяких оговорок указывалось, что таковым является, в частности, лицо, занимающее в любом государственном или любом общественном предприятии, учреждении, организации должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных работ или административно-хозяйственных обязанностей². Таким образом, нетрудно сделать вывод, что все служащие, независимо от выполняемых ими функций, должны были быть признаны должностными лицами. Определение понятия должностного лица в судебно-следственной практике вызывало трудности при разграничении служащих и рядовых работников государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций и тем самым создавало условия для ошибочного привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления рядовых работников, не являющихся служащими государственного или общественного аппарата. Доходило до того, что осуждались как должностные лица кочегар, помощник чабана, газовщик, повар, слесарь, рядовой водитель.

Тенденция к ограничению круга лиц, признаваемых должностными, была законодательно закреплена в уголовных законах республик СССР лишь в начале 90-х годов. Должностными лицами стали признаваться лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти либо руководителей государственных, общественных учреждений, организаций и предприятий, занимающие должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей или выполняющие такие обязанности по специальному полномочию³.

Новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики в примечании ст. 304 закрепляет следующее определение: «Должностными лицами признаются лица,

¹ *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Часть Особенная. Изд. 2-е. – М., 1927. – С. 219.

² См.: Государственная дисциплина и ответственность / Под ред. Антоновой Л.И., Кожохина Б.И. – Л., 1990. – С. 17.

³ См.: *Молдабаев С.С.* Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – С. 74.

постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, контрольно-ревизионные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и иных воинских формированиях». В ч. 2 примечания дается определение должностных лиц, занимающих ответственное положение (как разновидность в качестве квалифицирующего признака); ими «признаются лица, занимающие государственные должности, установленные Конституцией Кыргызской Республики, конституционными законами Кыргызской Республики для непосредственного исполнения полномочий государственных органов».

Должностным преступлениям в УК КР посвящена гл. 30 с одноименным названием, содержащая перечень 14 уголовно-наказуемых деяний (ст.ст. 303–316 УК КР). Среди них такие, как «Злоупотребление должностным положением», «Превышение должностных полномочий», «Незаконное использование бюджетных средств», «Взятка-вознаграждение», «Служебный подлог», «Халатность» и проч. Также имеются отдельные составы преступлений в других главах уголовного закона, субъектом которых может быть только должностное лицо.

Коренные преобразования во всех сферах жизнедеятельности нашего общества в условиях кризисных явлений, несовершенство, а порой и противоречивость законодательства заставляют по-новому взглянуть и на вопросы уголовной ответственности военнослужащих. Вместе с тем обеспечение законности воинской дисциплины Вооруженных Сил Кыргызской Республики, установление четких прав и обязанностей военнослужащих, их правовая и социальная защищенность настойчиво диктует необходимость совершенствования не только военного, но и уголовного законодательства по его правильному применению в современных условиях.

В свою очередь сложная криминогенная обстановка в стране негативным образом сказывается и на Вооруженных Силах Кыргызской Республики, которые наиболее уязвимы из государственных институтов. Сопоставляя данные о преступности в стране и преступности среди военнослужащих, можно утверждать, что они тесно взаимосвязаны, как и причины преступности военнослужащих тесным образом связаны с причинами преступности в стране.

К военнослужащим, как особой категории государственных служащих, должностных лиц, в случае совершения преступлений против установленного порядка прохождения военной службы применяется уголовная ответственность, предусмотренная гл. 33 УК КР. В ней сохранились основные составы преступлений, известных прежнему уголовному законодательству – Закону 1958 г., который текстуально воспроизводился в виде отдельной главы в уголовных кодексах союзных республик бывшего СССР, в том числе и в УК Киргизской ССР. Вместе с тем введены новые составы, декриминализованы деяния, не отвечающие требованиям времени, уточнены многие нормы и признаки.

Проведенный анализ уголовно-правовых норм Особенной части УК КР показал, что преступления против военной службы (гл. 33) составляют 8% от общего количества преступлений со специальным субъектом. Субъектами 18 видов воинских преступлений могут быть только «граждане Кыргызстана, состоящие на военной службе в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и СНГ, Службы национальной безопасности Кыргызской Республики, внутренних войсках Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, других созданных в соответствии с законодательством Кыргызской Республики воинских формированиях, находящиеся на сборах военнообязанные, а также граждане СНГ, проходящие военную службу в Кыргызской Республике» (ст. 2 Закона Кыргызской Республики «О статусе военнослужащих» № 930-ХІІ от 1 июля 1992 г.). Отмеченная особенность воинских преступлений не вносит каких-либо изменений и дополнений в общее понятие преступления, а указывает лишь на специальный объект и на специальный субъект рассматриваемых деяний.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики» от 16 декабря 1992 г. граждане, состоящие на военной службе, именуется военнослужащими, а состоящие в запасе – военнообязанными.

В соответствии со ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих» к военнослужащим относятся лица офицерского состава, прапорщики и мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы, курсанты военно-учебных заведений, солдаты, матросы, сержанты и старшины срочной службы, а также военнослужащие женщины.

Считаем, что указанной статьей не совсем удачно определены категории военнослужащих. По смыслу получается, что военнослужащие женщины не могут быть офицерами, прапорщиками либо солдатами.

Между тем, в соответствии со ст. 16 Закона «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики» на женщин, принятых в добровольном порядке на действительную военную службу в качестве солдат, сержантов и старшин, распространяются права и обязанности, установленные для военнослужащих сверхсрочной службы. Ну а женщины-офицеры наравне с офицерами-мужчинами проходят службу в соответствии с Положениями о порядке прохождения службы офицерским составом Вооруженных Сил Кыргызской Республики (утверждено постановлением Правительства 1 июля 1993 г.).

Статус военнослужащего граждане Кыргызской Республики приобретают со дня призыва (поступления в добровольном порядке и по контракту) на военную службу или призыва на сборы и утрачивают с увольнением с военной службы (со дня исключения из списков воинской части) или окончания сборов в порядке, установленном законодательством республики.

Порядок прохождения военной службы устанавливается Конституцией Кыргызской Республики, Законами Кыргызской № 1068–XII, отдельными категориями военнослужащих, утвержденных постановлениями Правительства Кыргызской Республики и введенные в действие приказами Министра обороны Кыргызской Республики, Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Кыргызской Республики и другими правовыми актами. Установленный ими порядок является родовым объектом всех воинских преступлений и одним из основополагающих их отличительных признаков.

По данным ИАЦ МВД КР, в общей структуре зарегистрированных преступлений воинские преступления составили в 2003 г. – 0,6%, в 2004 г. – 0,3%, в 2005 г. – 0,3%, в 2006 г. – 0,4%, в 2007 г. – 0,4%, в 2008 г. – 0,3%¹. Таким образом, динамика совершения воинских преступлений свидетельствует о достаточно стабильном низком уровне, хотя этот вопрос можно считать спорным, поскольку не секрет, что воинские преступления отличаются высокой латентностью.

¹ Данные Национального статистического комитета. Статистический ежегодник Кыргызской Республики. – Бишкек, 2008. – С. 171.

Профессор В.В. Лунев в своем фундаментальном исследовании «Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР» выделил следующие характерные черты для правонарушителей-военнослужащих: 1) скудность духовных потребностей и интересов; 2) пренебрежительное отношение к военной службе, уставным требованиям и уголовно-правовым запретам; 3) неполнота, искаженность или дефективность правосознания; 4) доминирование примитивно-бытовых побуждений извращенного характера; 5) легкость мотивации при неглубокой критической оценке жизненной ситуации, в которой совершается правонарушение или преступление; 6) слабая развитость предвидения последствий своих действий; 7) эмоциональная неустойчивость¹. В этой связи представляются интересными результаты исследований личности преступника, совершившего тяжкие насильственные преступления, поскольку эти результаты во многом соответствуют результатам исследований, проводимых среди правонарушителей-военнослужащих срочной службы. В общей структуре преступности удельный вес воинских преступлений составляет примерно 0,7–1%. Однако данный показатель не может быть постоянным и меняется в зависимости от количества личного состава Вооруженных сил, полноты учета и регистрации совершенных деяний. Нельзя сбрасывать со счетов латентность преступлений и качество расследуемых деяний, а также количество прекращаемых дел данной категории. Так, у субъектов, совершающих тяжкие насильственные преступления, преобладают следующие стремления: 1) к насилию над другими людьми – 42%; 2) к самоутверждению – 25%; 3) к превосходству над окружающими – 10%; 4) к власти – 7%; 5) эгоцентризм – 6%. При этом 68% случаев насильственного действия преступников объяснялись стремлением к установлению авторитарной власти (подчинения, превосходства и страха)².

Стоит остановить свое внимание на объекте данных преступлений. Воинские преступления на всех этапах развития нашего государства всегда представляли большую общественную опасность, так как совершались военнослужащими и другими лицами, наделенными специальными правами и обязанностями перед Отечеством. Порядок прохождения военной службы в широком смысле слова

¹ См.: *Лунев В.В.* Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. – М., 1986. – С. 175.

² См.: *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. – М.: Политиздат, 1989. – С. 224.

включает в себя всю совокупность воинских правоотношений, охраняемых уголовным законом: порядок подчиненности и уставных взаимоотношений (ст.ст. 355–358 УК КР); порядок прохождения воинской службы в узком смысле слова, т.е. тот, который нарушается уклонениями от военной службы (ст.ст. 359–361 УК КР); порядок несения специальных служб (ст.ст. 362–366 УК КР); порядок обращения с оружием, боеприпасами, другим военным имуществом, управления и эксплуатации военной техники (ст.ст. 367–372 УК КР).

По закону Кыргызской Республики «О статусе военнослужащих» (ст. 3), начальным моментом военной службы считается день зачисления гражданина в список личного состава войсковой части (военного учреждения). Окончанием военной службы считается день истечения срока военной службы по призыву (либо срока контракта). Аналогичным образом эти моменты начала и конца службы определяются и для военнообязанных, проходящих военные сборы, т.е. первым и последним днем их прохождения.

Лица, не являющиеся субъектами преступлений против военной службы, но участвующие в их совершении, несут уголовную ответственность по статьям главы в качестве организаторов, подстрекателей и пособников, но не исполнителей.

Следует отметить, что гл. 33 УК КР не содержит составов преступлений, совершаемых в военное время и в боевой обстановке. Уголовная ответственность за них определяется законодательством КР военного времени (ч. 3 ст. 354 УК КР).

Достаточно спорным в уголовно-правовой литературе является вопрос об отнесении или не отнесении военных строителей к специальному субъекту воинских преступлений. Так, например, А.А. Тер-Акопов и Х.М. Ахметшин считают, что военные строители не могут являться субъектами преступлений против военной службы, но эти лица приравниваются к военнослужащим по уголовной ответственности. Вместе с тем, служба, которую они несут, не является военной, поскольку она не связана с вооруженной деятельностью¹. Противоположной точки зрения на этот счет придерживаются Ф.С. Бражник², В.В. Лунев¹ и В.И. Мархотин², считающие субъектами воинских преступлений и военных строителей.

¹ См.: Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х т. – Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 1999. – С. 750.

² См.: Бражник Ф.С. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998.

Мы присоединяемся к позиции тех авторов, которые считают, что военных строителей следует считать специальными субъектами воинских преступлений, предусмотренных гл. 33 УК КР. Во-первых, военные строители военно-строительных отрядов приравниваются к военнослужащим и на них полностью распространяются положения воинских уставов и других военно-нормативных актов со всеми вытекающими из них последствиями. Во-вторых, служба военных строителей приравнивается к воинским и засчитывается им как таковая. В-третьих, в соответствии с ч. 2. ст. 354 УК КР на военных строителей также распространяется уголовная ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 УК КР.

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что военные строители являются специальными субъектами преступлений против военной службы, наряду с военнослужащими и гражданами, находящимися в запасе, во время прохождения ими военных сборов. В этой связи считаем нужным исключить ч. 2. ст. 354 УК КР «Понятие воинского преступления» во избежание повторов, а ч. 1 данной статьи изложить в следующей редакции: «Воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящим Кодексом общественно-опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы, являющимися субъектами этих преступлений».

Кроме того, считаем нужным дополнить гл. 33 УК КР новой статьей «Понятие субъекта воинских преступлений» в следующей редакции: «Субъектом воинских преступлений признаются совершеннолетние лица-военнослужащие, военные строители, проходящие военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Кыргызской Республики, министерств и ведомств Кыргызской Республики, а также граждане, находящиеся в запасе, но проходящие военные сборы, совершившие общественно-опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы».

На практике имеет большое значение правильное определение признаков специального субъекта преступления. «При отсутствии признаков специального субъекта возникает несколько иное положение: в отдельных случаях отсутствие этих признаков полностью исключает уголовную ответственность лица, в других –

¹ См.: *Лунев В.В.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996. – С. 760.

² См.: *Мархотин В.И.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 655.

имеется лишь квалификация преступления»¹. Вот почему суды должны тщательно проверять все данные личности виновного, его положение на работе и т.д.

Таким образом, признаки специального субъекта – это дополнительные признаки состава преступления. Их специфика, как и факультативных признаков, характеризующих другие элементы состава преступления (объективную и субъективную стороны преступления), выражается в том, что они:

– могут выступать конструктивными признаками состава преступления, без которых данный состав отсутствует; например, субъектом преступления, посягающим на порядок предоставления финансовых льгот (ст. 215 УК КР), может быть лишь сотрудник налоговых либо таможенных органов КР; если же эти действия совершены иными служащими, данный состав преступления отсутствует;

– могут выступать квалифицирующим признаком, образующим состав преступления при отягчающих обстоятельствах; например, обман потребителей совершается лицом, ранее судимым за обман потребителей;

– могут иметь значение для индивидуализации наказания, выступая в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего его.

¹ Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., 1976. – С. 179.

ГЛАВА II. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. Об ответственности юридических лиц

В период реформы кыргызского уголовного законодательства, особенно с принятием многочисленных изменений и дополнений в УК КР, возросла потребность в новых идеях и эффективных законодательных решениях, способных изменить уголовное законодательство, направленное на предупреждение роста преступности. В этих условиях неудивителен интерес ученых и практиков к «вечным» дискуссионным вопросам уголовного права, в частности, к проблеме определения круга субъектов преступления и уголовной ответственности.

Современное уголовное право Кыргызской Республики, рассматривая преступление как социальное явление, последовательно проводит традиционную для отечественного законодательства позицию, что субъектом преступления может быть только человек. Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц призван положить конец статье 17 УК КР формулировкой, гласящей, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, совершившее преступление и достигшее возраста, установленного настоящим кодексом.

Проблема уголовной ответственности юридических лиц для науки и практики уголовного права не нова и в достаточной мере носит дискуссионный характер, что объясняется относительно быстрым развитием рыночных отношений, предполагающими многообразие форм собственности, возрождение предпринимательства. Она относится к числу наиболее сложных и спорных проблем как зарубежного, так и отечественного уголовного права¹.

В уголовно-правовой теории вопрос об уголовной ответственности юридических лиц является одним из «древнейших» (пожалуй, только дискуссия о смертной казни является более давней и «горячей»). Интересно, что одна из наиболее известных цивилистических теорий юридического лица – «теория фикции» – была сформулирована папой римским Иннокентием IV в 1245 г. в связи с вопросом об ответственности юридических лиц за преступления против церкви: «Юридическое

¹ См., например: *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М., 2002; *Тарпасова Ю.В.* Может ли юридическое лицо стать субъектом преступления // Юридический консультант, 2003. – №7. – С. 28–30; *Ситковский Ю.* Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве // Уголовное право, 2002. – №4. – С. 42–44; и др.

лицо существует лишь в понятии и благодаря фикции, оно не одарено телом, а значит, не обладает волей. Действовать могут только те члены, но не сама корпорация, поэтому корпорация не может ни совершить преступление, ни быть отлученной от церкви»¹.

Уголовная ответственность юридических лиц в зарубежном уголовном праве предусматривается и в настоящее время. С учетом этого обстоятельства и в связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц в УК КР проанализируем сначала данный институт в зарубежном уголовном праве, а затем рассмотрим его применительно к ситуации в Кыргызской Республике.

Уголовная ответственность юридического лица как субъекта преступления предусматривается в странах общего права (Великобритания, США и др.). Например, английское уголовное законодательство допускает применение к юридическим лицам штрафов как меры уголовного наказания, но к ним не могут применяться уголовные наказания, которые назначаются физическому лицу за совершенное преступление. В указанном случае юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности и осуждены к наказанию в виде штрафа не только за «пасквиль» (ляйбель), но также и за «причинение вреда» или за проявленное бездействие, или злоупотребление властью, нарушение тех или иных обязанностей, возложенных на них законом². Однако уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных граждан за те же действия³.

По уголовному законодательству США – как по федеральному, так и по законодательству многих штатов – корпорации при определенных условиях могут нести уголовную ответственность наряду с физическими лицами, либо самостоятельно⁴. Основным наказанием, общим для юридических лиц как на уровне штатов, так и на федеральном уровне, является, как правило, штраф, размер которого может достигать 300 тыс. долларов. Однако уголовное наказание, налагаемое на юридическое лицо в виде штрафа за различные преступления, не исключает возможность применения к нему гражданских санкций. Следовательно, по уголовному законодательству США наказуемыми считаются не только физические,

¹ Цит. по: *Козлова Н.В.* Юридическое лицо субъект точки зрения закона и правовой науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право, 2002. – №5. – С. 33.

² См.: *Кенни К.* Основы уголовного права. – М.: Госюриздат, 1949. – С. 71.

³ См.: *Никифоров А.С.* Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. Сборник статей / Под ред. С. Келиной, А.В. Наумова. – М., 1994. – С. 42.

⁴ Примерный Уголовный кодекс США. – М., 1969. – С. 56–57.

но и юридические лица, ответственность которых зачастую используется в интересах государства. По уголовному законодательству Италии 1930 г., юридические лица также могут преследоваться за преступления, совершенные их представителями или другими лицами, с применением уголовного наказания в виде штрафа к предприятиям, учреждениям¹.

В уголовных законодательствах Норвегии, Нидерландов, Финляндии, Бельгии, Румынии также предусмотрена ответственность юридических лиц, но со своими характерными особенностями.

В КНР традиционный подход привлечения в качестве субъекта преступления физического лица (УК КНР 1979 г.) был пересмотрен в дальнейшем в Постановлении ВСНП КНР от 21 января 1988 г. в связи с борьбой с коррупцией, взяточничеством и контрабандой, в котором впервые была установлена уголовная ответственность юридических лиц за совершенные ими экономические преступления. Уголовная ответственность коллективов в Китае реализуется в двух формах: непосредственно виновным лицам назначается обычное уголовное наказание (лишение свободы), а весь коллектив подвергается наказанию в виде денежного штрафа, который возлагается на одного работника и может быть ничтожным, чисто символическим по размеру, но моральная ответственность неизмеримо больше².

Что же касается законодательств бывших стран Варшавского договора и республик бывшего СССР, то согласно принципу персональной личной ответственности каждого человека за совершенные им общественно опасные действия однозначно исключалась уголовная ответственность юридических лиц (предприятий, учреждений, организаций и т.п.).

В теории уголовного права предложения о возможности признания юридического лица субъектом преступления стали всерьез обсуждаться с 1991 г.³ Положительно этот вопрос был решен в предварительных проектах Уголовного кодекса, в которых, не исключая ответственность физического лица, возможность

¹ См.: Итальянский уголовный кодекс 1930 г. – М., 1940. – С. 47.

² См.: Иمامов Э.З. Уголовное право КНР. – М., 1990. – С. 49–50.

³ См.: Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // СГП, 1991. – №2. – С. 35; Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // СЮ, 1992. – №17/18. – С. 3; Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи (под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова). – М., 1994. – С. 50–60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи, 1994. – С. 43–49; Жекебаев У. Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия национальной академии наук Республики Казахстан, 1993. – №6. – С. 76; Молдабаев С.С. Субъект преступления по уголовному праву Республики Казахстан. – Алматы, 2001. – С. 45–54.

признания юридического лица субъектом преступления была положена в основу нового УК Российской Федерации¹, Украины и Республики Казахстан. В России при обсуждении и голосовании проекта в первом чтении в Государственной Думе данное предложение не прошло, и новый Уголовный кодекс в этом отношении остался на прежних позициях.

Проект нового УК РК предусматривал следующие виды наказания для юридических лиц: 1) в качестве дополнительных наказаний предусматривалось запрещение заниматься определенной деятельностью и конфискация имущества; 2) в качестве основных наказаний предусматривалось применение штрафа, запрещение заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица. Однако в результате недостаточной проработанности данного института и многочисленных трудностей в его реализации данная новелла не нашла своего законодательного оформления как в Кыргызстане, так и в законодательствах ряда стран СНГ.

В период острых дискуссий в уголовно-правовой науке, ряд видных ученых-криминалистов – сторонников уголовной ответственности юридических лиц, в частности А.В. Наумов, С.Г. Келина, Б.В. Волженкин, А.С. Никифоров, Р.И. Михеев, А.П. Козлов, М.Г. Миненок, Д.М. Миненок и др., акцентировали свое внимание на значительном вреде, который причиняется при совершении экологических преступлений, подчеркивая неэффективность санкций гражданского и административного законодательств, в связи с чем ставили вопрос о решении данной проблемы в рамках уголовного законодательства².

Среди ярких оппонентов данной точки зрения следует назвать таких ученых, как Н.Ф. Кузнецова, Г.Н. Борзенков, В.Г. Павлов, С.Ф. Милоков, Б.А. Спасенников³.

Были предприняты робкие попытки внедрения в проект УК КР уголовной ответственности юридических лиц, что также не нашло своего отражения в новом УК

¹ См.: Преступление и наказание. Комментарии к проекту Уголовного кодекса России // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. – М., 1993. – С. 297–301; *Келина С.Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи: Сб. ст. – М., 1994.

² См.: *Наумов А.В.* Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция, 1992. – №№17–18. – С. 3; *Келина С.Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи. Сб. статей. – М., 1994. – С. 51–52, *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998; *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М., 2002; *Михеев Р.И.*, *Корчагин А.Г.*, *Шевченко А.С.* Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. – Владивосток, 1999; *Козлов А.П.* Понятие преступления. – СПб., 2004. – С. 393–404.

³ См.: *Кузнецова Н.Ф.* О проекте Общей части Российского Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция, 1994. – №7. – С. 27; Курс уголовного права. – Т. 1. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 2001. – С. 266–269; *Павлов В.Г.* Субъект преступления. – СПб., 2001. – С. 256–267; *Милоков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. – С. 51–53; *Спасенников Б.А.* Правовая антропология. – Архангельск, 2001. – С. 21–30.

КР. В свое время «патриарх» уголовно-правовой науки Н.С. Таганцев высказал в своем курсе лекций мнение о том, что данный вопрос «решен навсегда, притом отрицательно»¹. Пожалуй, прав профессор Б.В. Волженкин отметивший в конце своей брошюры, посвященной освещаемой проблеме: «Дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц в российском праве не завершена, поэтому по окончании настоящей работы следует ставить не точку, а многоточие...»²

По мнению Никифорова А.С. – сторонника уголовной ответственности юридических лиц – преступление признается совершенным юридическим лицом в том случае, если оно совершено непосредственно или с помощью других лиц, а также лицом или лицами, которые контролируют осуществление данным субъектом его прав и действуют для выполнения этих прав³. Далее он пишет, что за все преступления, которые подготовлены, совершены или укрыты участниками (членами) преступной организации, последняя несет уголовную ответственность непосредственно. Вместе с тем это не исключает, а предполагает уголовную ответственность участников преступной организации за преступления, лично совершенные по плану организации⁴. По мнению сторонников уголовной ответственности юридических лиц, «признание юридических лиц субъектами преступления не означает отступления от классического принципа личной ответственности физического лица за совершение преступления»⁵, поскольку «ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его»⁶. Аналогичной точки зрения в этом вопросе придерживается и С.Г. Келина⁷.

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц в качестве основных наказаний предлагали применять в виде основных наказаний штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, а также ликвидацию юридического лица. В качестве дополнительных наказаний в отношении данных субъектов преступления были определены запрещение заниматься определенной деятельностью и

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. – Т. 1. – Тула, 2001. – С. 308–316.

² Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 309.

³ См.: Никифоров А.С. Организация как субъект преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. Тезисы конференции. – М., 1994. – С. 60.

⁴ Там же. – С. 61.

⁵ Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. – М., 2001. – С. 131.

⁶ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М., 1998. – С. 488.

⁷ Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи (под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова). – М., 1994. – С. 56–59.

конфискация имущества. Сам же порядок наказания должен был определяться уголовно-исполнительным законодательством. Например, Б.В. Волженкин в опубликованном в 1994 г. Проекте Общей части УК РФ допускал запрещение заниматься определенной деятельностью и, как дополнительное наказание, применение конфискации как всего, так и части имущества юридического лица¹. Некоторые авторы проекта УК РФ считали, что «признание юридического лица субъектом преступления дает возможность применять, предварительно дополнив систему наказаний, такие виды наказания, как ликвидация юридического лица, ограничение территории деятельности. Эффективными могут быть и ныне существующие виды наказания – штраф, конфискация имущества, лишение права заниматься определенной деятельностью»².

Следует признать, что в настоящее время позиции сторонников уголовной ответственности юридических лиц представляются более весомыми. Идея, по образному выражению, «овладевает массами». В защищенных в последние годы кандидатских диссертациях по данной проблеме почти все соискатели единодушно выносили на защиту тезис о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц³. Кроме того, нельзя не обойти вниманием и Санкт-Петербургскую представительную научную конференцию, прошедшую в июле 2006 г. под названием «Российское уголовное право: традиции, современность, будущее», на которой тезис об уголовной ответственности юридических лиц как перспективном направлении развития российского права присутствовал во многих докладах и практически «не встречал особого сопротивления», но и не имел и всеобщей поддержки как среди ученых-юристов, так и практических работников. Да и в настоящее время у сторонников непризнания уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления имеется достаточно много различных аргументов против закрепления этого института в уголовном законодательстве. Однако нельзя забывать, что отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц вполне согласуется с принципом персональной, личной ответственности каждого человека за

¹ См.: Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 8.

² Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. – М., 2001. – С. 131.

³ См.: Антонова Е.Ю. Юридическое лицо как субъект преступления. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 1998; Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000; Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.; Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.

совершенные им общественной опасные действия – одним из основных принципов уголовного права¹. Незыблемость и приоритет этих принципов, тесно связанных с другими принципами и различными институтами уголовного права, вряд ли может иметь место при уголовной ответственности юридических лиц. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А.В. Наумова, что принцип личной виновной ответственности вполне может сосуществовать с принципом ответственности юридических лиц, дополняя последний новым и важным содержанием².

Проблема включения в национальные законодательства уголовной ответственности юридических лиц в целом рассматривается на международных юридических форумах. Впервые данный вопрос был вынесен и обсужден на 6 Международном Конгрессе по уголовному праву, прошедшем в Риме в 1953 г., где высказывалась мысль о допустимости уголовной ответственности юридических лиц и возможности применения в отношении их карательных санкций³. В виде особого пожелания о необходимости включения в национальное законодательство положений об ответственности юридических лиц было высказано мнение и на 7 Конгрессе ООН по предупреждению преступности в 1985 году. По мнению экспертов ООН, следует уделять больше внимания недопущению нарушений со стороны таких юридических лиц, как международные и другие корпорации, и наказанию их в случае таких нарушений. Как подчеркивалось на Конгрессе, отдельные исполнители часто оказываются вне сферы действий национальных юрисдикций, и в этом случае трудно установить персональную ответственность. Утверждалось также, что деятельность юридических лиц сопряжена с повышенной опасностью для правоохраняемых интересов, может наносить существенный вред экономическим интересам общества, здоровью граждан и окружающей среде. С целью повышения правовой охраны данных объектов необходимо введение уголовной ответственности юридических лиц. С приведенными аргументами сложно спорить. Достаточно вспомнить Барскоунскую трагедию, имевшую место в 1999 г. по вине компании «Кумтор». Практика показывает, что хозяйственная деятельность – а именно она обладает максимальным правонарушительным потенциалом – осуществляется главным образом юридическими лицами. Однако социально-нормативной основой хозяйственной

¹ См.: *Келина С.Г., Кудрявцев В.Н.* Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – С. 99–100.

² См.: *Наумов А.В.* Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция, 1992. – №№17–18. – С. 3.

³ См.: *Курс советского уголовного права.* – Т. 2. – М., 1970. – С. 215.

сферы являются прежде всего регулятивные отрасли права, гражданское законодательство. По справедливому мнению Г.И. Богуш, нормы уголовного права – это «лишь крайнее средство воздействия на отклоняющееся поведение в сфере экономики, и оно должно применяться с осторожностью»¹. Реалии правоохранительной практики показывают, что криминализация отклоняющегося экономического поведения в УК КР 1997 г. оказалась излишней, не соответствующей возможностям государства и правосознания населения. В настоящее время перед законодателями стоит вопрос о декриминализации ряда составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Возвращаясь к трагедии, которая произошла на речке Барскоун и была непосредственно связана с деятельностью предприятия «Кумтор», можно задать ряд вопросов. Что мешает привлечь виновных лиц к уголовной ответственности, оштрафовать предприятие и его прекратить деятельность в соответствии с нормами экологического и административного права, а потерпевшим возместить вред здоровью в соответствии с положениями ГК КР? Может ли признание проступка золоторудного комбината преступным дать какой-то результат? Разве станет легче жертвам преступной халатности руководителей комбината? В чем виноваты рядовые работники комбината, которые будут уволены в связи с ликвидацией предприятия?

Э.Н. Жевлаков, поддерживая идею о введении уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления, указывает на то, что на практике часто невозможно привлечь организацию к гражданско-правовой ответственности, ибо вред природе не всегда поддается денежной оценке. «Невозможно и некому предъявить иск в суде от имени населения к заводам, выпускающим экологически несовершенные автомобили или иную вредную продукцию»², – пишет Э.Н. Жевлаков. По нашему мнению, он, как и многие другие авторы, подменяет в данном случае вопрос о неэффективности гражданско-правовых и административных механизмов защиты экологических прав граждан и общества в целом, бездействия прокурорского надзора надуманной проблемой уголовной безответственности соответствующих предприятий. При такой неэффективности природоохранительных структур введение уголовной ответственности юридических лиц, на наш взгляд, вряд

¹ *Богуш Г.И.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право*, 2005. – №4. – С. 22.

² *Жевалаков Э.К.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // *Уголовное право*, 2002. – №1. – С. 11.

ли улучшит ситуацию с правовой охраной социально значимых объектов. Установление такой ответственности за экономические, экологические преступления вопреки ожиданиям ее сторонников может только усугубить криминальную ситуацию в данных сферах общественной жизни, оказаться «подарком» для терроризирующих бизнес коррумпированных чиновников, нечестных адвокатов, способствовать уходу от ответственности конкретных виновников – деятелей криминального рынка.

Сомнителен и тезис о том, что введение ответственности юридических лиц по УК КР даст возможность подвергать конфискации имущество предприятий, осуществлявших преступную деятельность, тем самым гарантируя возмещение хотя бы части убытков жертвам преступлений. В данной ситуации целесообразнее было бы рассмотреть возможность использования гражданско-правовых процедур возмещения ущерба, повышения их эффективности.

По мнению сторонников уголовной ответственности юридических лиц, санкции иных отраслей права (в данном случае речь идет о гражданском и административном праве) явно не адекватны наносимому ущербу¹. Так, И.В. Ситковский пишет: «Санкции, предусмотренные в отраслях, устанавливающих ответственность юридических лиц, совершенно неадекватны причиненному ущербу, а масштабы подобной преступной деятельности в России ясно свидетельствуют о необходимости восстановления социальной справедливости и ужесточения ответственности организаций, в том числе посредством уголовного наказания»².

На наш взгляд, отличия в санкциях между административным, гражданским и уголовным правом не количественные, а качественные. Правоограничения, связанные с уголовной ответственностью, качественно отличаются от подобных в гражданском и административном праве, они ориентированы на личность виновного, немислимы без моральных и нравственных компонентов и поэтому неприменимы к юридическим лицам. Специфика уголовной ответственности состоит в карательном элементе, выражающемся в вынесении государством в соответствии со вступившим в законную силу приговором суда гражданину упрека, признании его преступником. «Стигматизирующий» элемент уголовной ответственности в отношении юридических

¹ См.: Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 5.

² Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 16.

лиц бессмыслен, нецелесообразен и даже вреден, поскольку неизбежно сопряжен с объективным мнением. Отрицательными последствиями уголовного наказания юридических лиц могут также стать паралич хозяйственной деятельности предприятий и организаций и использование уголовной юстиции в конкурентной борьбе.

Известно, что Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Такая рекомендация уже реализована в законодательстве ряда европейских стран (например, Англии и Франции). Необходимо отметить, что на эти рекомендации уже откликнулось административное право России. Такие административно-правовые санкции, как штрафы, могут налагаться не только на должностных лиц и отдельных граждан, но и непосредственно на предприятия и организации, виновные в совершении экологических правонарушений.

Думается, что будет правомерным решение данного вопроса в уголовном законодательстве Кыргызской Республики уже в обозримом будущем, возможно, что в будущем Уголовном кодексе. Следует согласиться с мнением С.С. Молдабаева, что «включение в национальное законодательство положения об уголовной ответственности юридических лиц – это проблема не столько законодательной техники, сколько теории права»¹.

По мнению У.С. Джекебаева, уголовная ответственность юридических лиц должна наступать лишь за определенные преступления или за определенную группу преступлений, при этом оно должно быть как бы «трансформацией» уголовной ответственности физических лиц².

Действительно, нельзя категорично отвергать вопрос включения в национальное законодательство уголовной ответственности юридических лиц в обозримом будущем, так как увеличение числа юридических лиц, явившееся результатом приватизации, развития рыночных отношений, возможно, приведут нас и к привлечению к ответственности корпораций за их хозяйственно-экономические преступления. Считаю, что в этом вопросе заслуживает внимания опыт Японии, где

¹ Молдабаев С.С., Рахметов С.М. Субъект преступления по уголовному праву Республики Казахстан. – Алматы: Данекер, 2001. – С. 49.

² См.: Джекебаев У.С. Об уголовной ответственности юридических лиц. Известия национальной академии наук РК. 1993. – №6. – С. 76.

в области хозяйственных преступлений применяются параллельно административная ответственность организаций и уголовное наказание физических лиц – представителей этих организаций.

Несмотря на наличие достаточно оригинальных идей и предложений об уголовной ответственности юридических лиц¹, невольно задаешься вопросами: как же быть с классическими принципами уголовного права, целями наказаний, неужели нужно поступиться ими?

В настоящее время у противников уголовной ответственности юридических лиц имеются свои веские аргументы против закрепления данного института в уголовном законодательстве, в частности, незыблемость и приоритет принципов личной и виновной ответственности физических лиц, которые являются основополагающими и тесно связанными с другими принципами и различными институтами отечественного уголовного законодательства, которые вряд ли могут иметь место при уголовной ответственности юридических лиц. Вот почему такие предложения не могут иметь под собой ни фактических, ни юридических оснований². Данной позиции придерживаются, в частности, Келина С.Г. и В.Н. Кудрявцев, которые справедливо считают, что отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц вполне согласуется с принципом персональной личной ответственности каждого человека за совершенные им общественно опасные действия. Каждое лицо отвечает только за то, что совершено его собственными действиями³.

Отсутствие в уголовном законодательстве КР ответственности юридических лиц не освобождает от уголовной ответственности конкретных физических лиц, виновных в совершении какого-либо преступления в момент, когда они выступали от имени юридического лица. В этом случае в соответствии с принципами личной и виновной ответственности следует говорить об индивидуальной вине каждого субъекта преступления, являющегося членом юридического лица, но не о вине последнего, в то время как при юридической ответственности лица речь уже пойдет о коллективной, но не индивидуальной ответственности. Следует согласиться с В.Д. Сорокиным в том, что уголовная, административная и дисциплинарная

¹ См.: Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – С. 179–183.; Российское уголовное право. Общая часть. Учебник. – М.: Спарк, 1997. – С. 119.

² См.: Каиржанов Е. Уголовное право. Общая часть. – Алматы, 2002. – С. 86.

³ См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – С. 99–100.

ответственность наступает исключительно за виновные деяния, которые по сути могут применяться только в отношении физических лиц¹.

Уголовное законодательство никогда не привлекало к ответственности юридических лиц. Его важнейшие институты и понятия (преступление, вина, ответственность, цели наказания, общие начала назначения наказания и др.) разрабатывались в расчете на применение их только к физическим лицам. Противники предлагавшегося нововведения правильно указывают на то, что оно не просто бесполезно, но и вредно. По мнению Кузнецовой Н.Ф., «установление уголовной ответственности юридических лиц способно оградить «псевдонаказанием» конкретных виновников – лжебанкиров, дутых предпринимателей, мошенников-акционеров, которым при криминальном рынке «несть числа»².

Мы считаем справедливым замечание Б.В. Волженкина о том, что установление уголовной ответственности юридических лиц потребовал бы от законодателя коренную переработку многих его институтов, особенно связанных с понятием преступления и наказания³, а это в дальнейшем повлечет необходимость проведения соответствующей выборки определенных преступлений или групп преступлений касательно ответственности юридических лиц. Далее: если законодательно субъектом преступления станет юридическое лицо, то потребуются, во-первых, менять понятие вины, которое существует в науке уголовного права и в действующем Уголовном кодексе; кроме того, необходимо будет приводить в соответствие с понятием юридического лица уголовной ответственности, соучастия, необходимой обороны, крайней необходимости, целей наказания и т.д., ибо эти важнейшие институты, существующие в науке и в законодательстве, традиционно разрабатывались, совершенствовались и были ориентированы исключительно на физическое вменяемое лицо. Да и понятия, которыми оперирует уголовное законодательство (преступление, вменяемость и невменяемость, вина, мотив, цель, приготовление к преступлению, покушение на преступление и т.п.), практически неприменимы к юридическим лицам. При этом ст.ст. 5, 6 УК КР указывают на то, что действие уголовного закона распространяется на граждан

¹ См.: Сорокин В.Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение, 1999. – №1. – С. 50.

² Кузнецова Н.Ф. О проекте Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция, 1994. – №7. – С. 27.

³ См.: Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 26.

Кыргызской Республики, иностранцев и лиц без гражданства, т.е. физических лиц, совершивших соответствующее преступление. Все это полностью отвечает задачам уголовного закона (ст. 2 УК КР), принципам (ст. 3 УК КР), нашедшим впервые свое законодательное закрепление, а также установление ответственности и неотвратимости наказания за совершенное преступление. Во-вторых, основными санкциями к юридическим лицам – субъектам преступления – должны быть предусмотрены штрафы. Государственные предприятия, обладающие монополией, будут скорее всего перекладывать расходы, понесенные в связи с уплатой штрафа, на общество путем включения их в расходы производства, что чревато ростом цен и услуг, что еще раз подтверждает нежелательность включения в Уголовный кодекс нормы об уголовной ответственности юридических лиц из-за ее малой эффективности. В-третьих, как показывает зарубежный опыт, за включением в Уголовный кодекс норм об уголовной ответственности юридических лиц как целостного правового института обычно следует издание серии законодательных актов, процесс установления иерархии этих законов, снятия противоречий между ними, уточнение отдельных положений на основе обобщений судебной практики¹. Конкретные нормы об уголовной ответственности юридических лиц в первую очередь должны содержаться в специальных законодательных актах, например, в законах о приватизации, о борьбе с коррупцией, о банкротстве, об экономических и экологических преступлениях. Соответствующая законодательная практика на сегодняшний день существует в США и Японии, КНР. В-четвертых, уголовная ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица за совершенное им преступление. Получается, что за одно и то же общественно опасное деяние одновременно несут уголовную ответственность и юридическое, и физическое лицо, что противоречит ст. 3 УК КР и нарушает принцип равенства субъектов преступления перед законом.

В случае признания юридического лица субъектом преступления будет трудно установить преступное поведение юридического лица, причинную связь действий с последствиями, интеллектуальные и волевые моменты вины и т.д. Это грозит привлечением к уголовной ответственности юридических лиц без достаточных к тому

¹ См.: *Молдабаев С.С., Рахметов С.М.* Субъект преступления по уголовному праву Республики Казахстан. – Алматы: Данекер, 2001. – С. 53.

оснований, т.е. без вины, и тем самым будет нарушаться один из важнейших принципов уголовного права – личной и виновной ответственности¹.

Проведенное анкетирование сотрудников МВД КР, судей показало неоднозначность ответов к установлению уголовной ответственности юридических лиц. На поставленные вопросы о целесообразности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности положительно ответили 20%, отрицательно – 48%, отметили преждевременность – 16%, и требующей тщательного изучения – 16%.

На основании изложенного считаем нецелесообразным на современном этапе включение в Уголовный кодекс специальных норм об уголовной ответственности юридических лиц, что явно вытекает из содержания нового УК КР.

В свою очередь, необходимость полного и всестороннего изучения обозначенной проблемы диктуется тем, что в теории существуют спорные вопросы, связанные с понятием «субъект преступления». Вместе с тем всякая проблема в конечном счете требует своего разрешения, не является исключением и проблема уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления. Однако для этого требуются глубокие комплексные исследования и усилия не только специалистов уголовного права, но и ученых в области других наук.

По справедливому мнению Г.И. Богуша, предложения об уголовной ответственности юридических лиц вызваны распространенным в юридической науке преувеличением роли уголовного права и уголовной ответственности в социальном регулировании, представлениями об уголовно-правовом принуждении как универсальном средстве в противодействии преступности². Сама жизнь показала несостоятельность таких взглядов. Несомненно, прав латвийский профессор У. Крастиньш, высказавший мнение о том, что «уголовная ответственность должна быть установлена только в исключительных случаях, когда другие виды юридической ответственности не обеспечивают защиту важных интересов государства и общества, являются недейственными, исчерпали свои возможности и не дали желаемого результата»³. Отвечая сторонникам уголовной ответственности юридических лиц, У. Крастиньш утверждает: «Пока не исчерпаны все возможности других видов юридической ответственности, не следует нарушать основные положения уголовного

¹ См.: *Елюбаев Ж.С.* Новый уголовный кодекс – требование времени // Тураби, 1997. – №2(3). – С. 24.

² См.: *Богуш Г.И.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / *Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право.* 2005. – №4. – С. 28.

³ *Крастиньш У.Я.* Коллективный субъект в уголовном праве // *Уголовное право в XXI веке.* – М., 2002. – С. 45.

права, в том числе о вине, о соучастии, основные принципы назначения наказания и др.»¹. А именно это и произойдет в случае возможности введения уголовной ответственности юридических лиц, по словам Н.С. Таганцева, «отрицающей основные начала уголовной наказуемости»².

Итак, мы считаем уголовную ответственность юридических лиц несовместимой с основными принципами и институтами кыргызстанского уголовного права, в частности, с фундаментальным принципом виновной и личной ответственности, игнорирующей нравственное вменение как основу права государства на применение уголовного наказания. Более того, данное направление уголовно-правовой теории, по нашему мнению, является ее тупиковой ветвью, нисколько не способствуя реальным интересам противодействия преступности.

¹ *Крастиньш У.Я.* Коллективный субъект в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 46.

² *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. – Т. 1. – Тула, 2001. – С. 314.

2.2. Ограниченная (усеченная) вменяемость

При рассмотрении проблем, связанных с субъектом преступления, одним из малоисследованных вопросов, решение которого представляет большое теоретическое и практическое значение, является изучение преступного поведения лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Психические патологии, взятые в той или иной классификации, представляют собой «непрерывную, мозаичную и относительную шкалу» изменения разных уровней психической деятельности. Это, однако, не предполагает, что клинически исключена всякая возможность отграничения нормы от патологии. Но при соотнесении понятий «патология» и «невменяемость», «норма» и «вменяемость» обнаруживается их несоответствие. Если невменяемость всегда предполагает психическую патологию, то вменяемость не всегда означает психическую норму. Подобное несоответствие уголовно-правовых и медико-психиатрических категорий и привело к введению законодательной нормы об уменьшенной вменяемости.

Первые умозаключения о существовании уменьшенной вменяемости появились в 40-х годах XIX в. Об этом упоминают, в частности, уголовные кодексы ряда германских государств – Баденский (1845 г.), Баварский (1848 г.), Брауншвейгский (1840 г.), Гамбургский (1869 г.) и др.¹ – которые закрепили уменьшенную вменяемость слабоумных, недоразвитых и «нравственно оскуделых субъектов»². В них среди факторов, обуславливающих уменьшенную вменяемость (медицинский критерий), указывались: слабоумие, недостаточное развитие, старческая дряхлость, опьянение, полное отсутствие воспитания, крайне неблагоприятная и развращенная обстановка в детстве и др.

Впервые в кыргызском уголовном законодательстве, наряду с понятиями вменяемости и невменяемости, нашла свое отражение новая норма ст. 20 УК КР («Уголовная ответственность лица с психическим расстройством, не исключающим вменяемость»). Новизна данной законодательной новеллы состоит в том, что, если вменяемое лицо во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и

¹ См.: Рейтц Г.В. Патологическая преступность и уменьшенная вменяемость // Современная психиатрия, 1912, июнь. – С. 31–32.

² См.: Назаренко Г.В. Невменяемость. – М., 2002. – С. 135.

общественную опасность своего деяния либо руководить им, оно подлежит уголовной ответственности. В свою очередь, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом не только при назначении наказания, но и служит основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Степень же влияния различных внешних обстоятельств и окружающей среды на уголовное наказание, как правило, определяется наличием той или иной психической болезни, глубиной расстройства самой психики лица, совершившего преступление, и возможностью им осознавать и понимать свое поведение и руководить им.

В процессе законодательной работы данная норма неоднократно изменялась, модифицировалась, что было обусловлено существующим расхождением позиций и взглядов юристов на проблему ограниченной вменяемости и целесообразности введения данного института. Вследствие этих разногласий и в результате вынужденного компромисса окончательный вариант ст. 20 УК КР оказался, по нашему мнению, не совсем удачным. В нем, с одной стороны, дана формула уменьшенной вменяемости, но от этого термина законодатель воздержался. С другой стороны, в большинстве комментариев к УК КР, касающихся ст. 20, разъясняется, что за фигурой умолчания стоит и подразумевается именно это понятие (хотя из содержания статьи формально следует лишь возможность применения мер медицинского характера по отношению к лицам с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и рекомендация суду учитывать это обстоятельство).

Несмотря на то, что способность осознавать общественно опасный характер своих действий и возможность руководить ими в силу психического расстройства у данных лиц несколько ограничены, по отношению к правонарушителям, которые совершили преступное деяние, не страдая психическими расстройствами, т. е. были полностью вменяемыми, это обстоятельство не устраняет установления их виновности и привлечения к уголовной ответственности и наказания. А это значит, что они являются субъектами того или иного совершенного ими преступления. Однако при применении данного института на практике порождает много трудностей и проблем, объясняемых его новизной и противоречивостью некоторых положений, требующих дополнений и уточнений.

В юридической, медицинской и другой литературе данный институт уголовного права, именуемый по-разному («уменьшенная»¹, «ограниченная»², «пограничная»³, «относительная»⁴ вменяемость), всегда вызывал самые оживленные дискуссии среди отечественных и зарубежных правоведов и практиков совместно с представителями других наук, в частности, судебной психиатрии и психологии, но, как правило, предлагали институт уменьшенной (ограниченной) вменяемости заменить термином «пограничная вменяемость», имеющим аналогичное уголовно-правовое значение для ответственности за совершенное преступление.

В уголовном законодательстве 1960 года институт уменьшенной вменяемости не применялся⁵, хотя в научной литературе о нем велись дискуссии. Отсутствовало понятие уменьшенной вменяемости и в советском уголовном законодательстве при наличии сторонников и противников, которые пытались доказать как в первом, так и во втором случаях его существование либо отсутствие наряду с вменяемостью и невменяемостью. Классики российской психиатрии – В.Х. Кандинский, И.Г. Оршанский и В.П. Сербский – оценивали ее негативно. Выступая против введения уменьшенной вменяемости, они указывали на отсутствие «какой-либо правильной меры»⁶, «невозможности среднего решения»⁷ и наличие «измененной вменяемости»⁸. Один из ведущих теоретиков уголовного права С.В. Позднышев полагал, что в идее уменьшенной вменяемости происходит смешение понятий вменяемости, виновности и ответственности⁹.

Против ограниченной вменяемости вступали в своих работах и известные юристы Н.С. Таганцев (1902 г.), А.Ф. Кистяковский, С.В. Позднышев и другие

¹ См.: *Жижиленко А.А.* Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в Уголовном кодексе РСФСР // *Право и жизнь*, 1924, Кн.7–8. – С. 41–47; *Трахтеров В.С.* Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // *Право и жизнь*, 1925. – Кн. 9–10. – С. 75–77; *Тихенко С.И.* Невменяемость и вменяемость. – Киев, 1927. – С. 27–35; *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 58–68; *Луниц Д.Р.* Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. – М., 1966. – С. 199–219; *Карпец И.И.* Уголовное право и этика. – М., 1985. – С. 153–155; и др.

² См.: *Богомяжков Ю.С.* К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости в теории советского уголовного права. – Уфа, 1980; *Кудрявцев И.А.* Ограниченная вменяемость // *Государство и право*, 1995. – № 5; *Назаренко Г.В.* Невменяемость в уголовном праве. – Орел, 1994. – С. 47–59; и др.

³ См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. – М., 1987. – С. 148.

⁴ См.: *Фарбер И.М.* К вопросу об «относительной» вменяемости // *Современная психоневрология*, 1928. – Т. 5. – С. 246; и др.

⁵ См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Указ. соч. – С. 125.

⁶ *Сербский В.П.* Законодательство о душевнобольных // *Журнал невропатологии и судебной психиатрии им. С.С. Корсакова*. – М., 1905. – Кн. 5.

⁷ См.: *Оршанский И.С.* Судебная психопатология для врачей и юристов. – СПб., 1900. – Т. VI.

⁸ *Кандинский В.Х.* К вопросу о невменяемости. Изд. II. – М., 1990.

⁹ См.: *Позднышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. – М., 1912. – С. 199–200.

представители классического направления, которые считали, что между вменяемостью и невменяемостью нет ничего опосредствующего.

В принципе Н.С. Таганцев не отрицал ситуации, что вменяемость допускает самые различные оттенки, изменяющиеся как качественно, так и количественно. Однако он считал, что внесение в уголовный закон понятия уменьшенной вменяемости в обязательном порядке повлияет на уменьшение ответственности, а это уже представляется не только излишним из-за общего права суда признавать преступника заслуживающим снисхождения, но и нежелательным как по своей неопределенности, так и однородности¹.

На формирование негативного отношения к институту ограниченной вменяемости в бывшем СССР, по справедливому мнению Ю. М. Антонына и С.В. Бородина, повлияли и ошибки, допущенные в 20-х годах при проведении судебно-психиатрических экспертиз, когда практически все обследованные правонарушители признавались невменяемыми или уменьшено вменяемыми и освобождались от уголовной ответственности, иногда без достаточно веских оснований². В результате ряда подобных экспертных ошибок и обостренной реакции на них со стороны властей само упоминание об ограниченной вменяемости стало «крамольным» и недопустимым.

Далее с конца 20-х вплоть до конца 60-х годов отношение к уменьшенной вменяемости не обсуждалось или упоминалось в сугубо критическом, негативном плане, как антинаучная и реакционная концепция. В критическом аспекте отрицания уменьшенной вменяемости выступали В.С. Орлов (1958 г.), В.Н. Кудрявцев (1965 г.), Р.И. Михеев (1983 г.), И.И. Карпец (1985 г.) и другие ученые-юристы. По данному поводу В.С. Орлов в монографии «Субъект преступления» писал, что понятия относительно уменьшенной вменяемости и частичной вменяемости в равной степени несостоятельны в научном отношении и абсолютно неприемлемы и вредны с практической точки зрения³. Р.И. Михеев, крайне негативно относившийся к ограниченной вменяемости назвал ее «суррогатом медицины и права»⁴. Не менее жесткую позицию занимал и И.И. Карпец, отмечавший, что точка зрения советского

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. – Т. 1. – М., 1994. – С. 154.

² См.: Антонын Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М., 1987. – С. 135.

³ См.: Орлов В.С. Субъект преступления. – М., 1958. – С. 68.

⁴ Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток, 1983. – С. 92.

уголовного права и законодательства, не придерживающаяся «уменьшенной вменяемости», является юридически обоснованной и нравственно оправданной и не позволяет без достаточных оснований и аргументов относить людей к наполовину больным или наполовину здоровым¹. Вместе с тем данную позицию представителей уголовного права разделяли и известные ученые в области психиатрии – В.Х. Кандинский (1890 г.), В.П. Сербский (1896 г.), а также некоторая часть советских ученых-психиатров: Е.К. Краснушкин, Д.Р. Лунц, Г.В. Морозов и др.

Сторонники отрицания ограниченной вменяемости в основе своей указывали на расплывчатость этого института, который не может обеспечить эффективность его применения к лицам, страдающим психическими расстройствами, кроме того, их наиболее существенные возражения обосновывались как невозможностью, так и трудностями определения критериев уменьшенной вменяемости², что характерно и для наших дней. Вместе с тем в защиту института уменьшенной вменяемости в своих научных исследованиях и трудах выступали видные юристы и психиатры на различных этапах развития советского государства: А.А. Жижиленко в 1924 г., В.С. Трахтеров в 1925 г., С.И. Тихенков в 1927 г., С.Ф. Семенов в 1966 г., Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров, И.Б. Михайловская в 1965 г., Ю.С. Богомягков в 1980 г., Ю.М. Антонян, С.В. Бородин (пограничная вменяемость) в 1987 г. и другие. По их мнению, закрепление в уголовном законе института уменьшенной (ограниченной) и т.п. вменяемости в конечном счете позволит более дифференцированно и правильно подходить к лицам с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, совершившим преступные деяния, когда ставится вопрос о применении к ним уголовного наказания. Необходимо выделить уменьшенную вменяемость и дать ей в законе особую обрисовку, писал по этому поводу В.С. Трахтеров, так как уменьшенная вменяемость уже не есть «каучуковое», растяжимое понятие, каким оно совсем недавно еще признавалось³. Хотя у сторонников данной теории были и другие аргументы, однако все они сходились во мнении о необходимости существования в уголовном праве и законодательстве самостоятельного института уменьшенной (ограниченной) вменяемости.

¹ См.: *Карпец И.И.* Уголовное право и этика. – М., 1985. – С. 154.

² См.: *Халецкий А.А.* О проблемах правоповедения и психиатрии // Советское уголовное право, 1965. – №9. – С. 135–136; *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. – М., 1987. – С. 140; *Назаренко Г.В.* Невменяемость в уголовном праве. – Орел, 1994. – С. 54; и др.

³ См.: *Трахтеров В.С.* Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // Право и жизнь, 1925. – № 9–10. – С. 74.

По убеждению С.Ф. Семенова, «вся аргументация о порочности этого понятия говорит лишь о порочности его трактовки применения... Понятие вменяемости и, в частности, уменьшенной вменяемости, характеризует состояние сознания, способность управлять своими действиями и отдавать отчет о них, характеризующее уменьшенную способность руководить своими действиями и отдавать отчет о них. Поэтому нельзя согласиться, что само понятие уменьшенной вменяемости реакционно...»¹

Описывая специфические особенности лиц с психическими аномалиями, не исключаяющими вменяемости, еще О.Е. Фейеров, отмечая в свое время их значение в генезе криминального поведения, писал: «Аффективно – волевые аномалии и своеобразие мыслительной деятельности, имеющиеся у некоторых психически неполноценных личностей (вменяемых), могут сужать сопротивляемость соблазну, ослабляют контрольные механизмы поведения, ограничивают альтернативные возможности выбора действия в тех или иных ситуациях. Такие особенности психики, как легкая возбудимость, неустойчивость, колебания настроения, эмоциональная незрелость, повышенная внушаемость, интеллектуальная неполноценность, извращенная сексуальность и т.д., нередко «облегчают» реализацию криминального акта, приводят личность в конфликт с законом»².

Ю.М. Антонян, С.В. Бородин также отмечали, что отклонения в психике, которые вызваны психическими расстройствами и болезнями, не исключаяющими вменяемости, могут способствовать развитию таких отрицательных черт личности, как агрессивность, жестокость³.

Ю.М. Антонян и С.В. Бородин по ряду концептуальных положений о пограничной (уменьшенной) вменяемости, ее критериях и признаках, соотношении вменяемости и невменяемости выдвинули и обосновали принципиальное положение о том, что пограничная вменяемость не является промежуточной категорией между вменяемостью и невменяемостью, а представляет собой часть (вариант) вменяемости. На основании данного положения ими был сделан обоснованный вывод о том, что «вопрос об уменьшенной вменяемости должен решаться не в связи с тем, удобно или

¹ Семенов С.Ф. К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1966. – Т. 66. Вып. 8. – С. 1270–1271.

² Фейеров О.Е. О так называемом биологическом аспекте причин преступности // Советское государство и право, 1966. – №10. – С. 45.

³ См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1998. – С. 8.

неудобно это юристам и психиатрам, не в зависимости от того, что трудно определить ее критерии, а с позиций интересов всего общества...в справедливом и обоснованном назначении наказания и гуманном его использовании»¹.

В современном законодательстве ряда зарубежных стран уменьшенная вменяемость предусматривается в отношении лиц с психическими аномалиями. Она действует в Дании, Италии, Финляндии, Германии, Швейцарии, Японии. Содержалась она и в Уголовных кодексах бывших социалистических стран – Польши, ГДР, Чехословакии, Югославии. Она, как правило, изначально являлась основанием для снижения субъекту преступления уголовного наказания. Уменьшенная вменяемость в той или иной форме освоена уголовными законодательствами Бразилии, Венгрии, Испании, Китая, Кубы, Ливана, Сенегала, Японии, где психические аномалии рассматриваются как обстоятельства, влияющие на вид и размер наказания, режим его отбывания и возможность интернирования².

Как видим, институт уменьшенной вменяемости, которому более 150 лет, всегда был предметом дискуссии, уже давно имел место в уголовном законодательстве зарубежных государств, хотя и трактовался по-разному.

Итак, институт ограниченной вменяемости в зарубежном уголовном законодательстве некоторых стран имел место давно и развивался не одинаково. По-разному он сформулирован и представлен также в новых уголовных кодексах различных государств. Не случайно опыт зарубежного уголовного законодательства и судебно-психиатрическая практика были учтены отечественными юристами и психиатрами, а также представителями других наук в изучении и осмыслении института ограниченной вменяемости, который имеет свой достаточно сложный путь до окончательного становления и закрепления в ст. 20 УК КР.

Тем не менее, и в настоящее время проблема ограниченной вменяемости остается одной из наиболее сложных проблем уголовного права, она порождает противоречивые суждения и высказывания в отношении наиболее важных положений, касающихся вменяемости, ее степеней, критериев, признаков, соотношения с невменяемостью, виной и другими категориями уголовного права. Попытаемся разобраться, как в этой связи трактуется норма ст. 20 УК КР в

¹ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М., 1987. – С. 219.

² См.: Власов И.С., Гуценко К.Ф., Решетников Ф.М. Уголовное право зарубежных стран. – М., 1978; Лихачев В.В. Уголовное право в освободившихся странах: сравнительное исследование. – М., 1988; Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов. – М., 1990; и др.

современной литературе и по мере возможности устранить существующие ошибки, теоретические пробелы и предложить свои рекомендации.

При более подробном рассмотрении проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости по действующему уголовному законодательству Кыргызской Республики, считаем нужным в первую очередь акцентировать внимание на то, что наличие психических нарушений не всегда и не обязательно является причиной детерминации преступного поведения вменяемых лиц, оно не определяет характера и направленности поведения, его криминальности, т.е. понятие «ограниченная вменяемость» адекватно отражает и фиксирует эту реальность для дифференцированной правовой оценки действий субъекта преступления¹. Как справедливо полагает И.А. Кудрявцев, «непосредственной причинной связи между психическими аномалиями и преступлением не существует, лица, относящиеся к одной и той же нозологической категории, могут быть как преступниками, так и уважаемыми членами общества»².

Особо следует отметить, что в юридической и медицинской литературе рассматриваемые психические расстройства, не исключающие вменяемости, отождествляются с психическими аномалиями³, так как данные понятия представлены как равнозначные и не противоречащие друг другу, когда речь идет о лице, совершающем общественно опасное деяние и являющемся субъектом преступления. При психических аномалиях, не исключающих вменяемости, сохраняется не только связь с внешним миром, но и детерминация всей психической деятельности и поступков человека, хотя и имеют место определенные искажения.

Уголовно-правая оценка психических аномалий и психические особенности лица, совершившего преступление, отмечает Р. И. Михеев, представляют довольно большую сложность в правоприменительной практике, так как лица с психическими

¹ См.: *Аргунова Ю.* Применение нормы об уголовной ответственности // *Российская юстиция*, 2004. – №7. – С. 108.

² *Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А.* Криминальная агрессия. – М., 2000. – С. 62.

³ См.: *Голумб Ц.А.* Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями и профилактика этих преступлений. Автореф. дисс. ... канд.юрид.дисс. – Л., 1982. – С. 5; *Печерникова Т.П.* Психические аномалии в судебно-психиатрической практике. В кн.: *Психические расстройства, не исключающие вменяемости.* – М., 1984. – С. 11–19; *Комментарий к УК РФ / Под ред. А.И. Бойко.* – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 87; и др.

расстройствами вследствие снижения сознательно-волевой регуляции совершают неадекватные, ошибочные действия¹.

В юридической и другой литературе можно встретить разные подходы к определению и самому понятию психических аномалий, не исключая вменяемости, однако их суть и внутреннее содержание во многом схожи и имеют много общих признаков. По существу, как справедливо отмечали В.В. Гульдман и Ю.И. Антонян, «несмотря на внушительный характер аргументации сторонников уменьшенной вменяемости, она страдает одним существенным недостатком – носит в основном юридический и психиатрический характер. Здесь явно не хватает психологических аргументов, а как раз они должны быть основными, поскольку никакие внешние и внутренние (в том числе и патологические) факторы не могут породить никакого поведения, в том числе преступного, не преломляясь через психику человека»².

По мнению Ц.А. Голумба, под психическими аномалиями, не исключая вменяемости, следует понимать некоторые психические заболевания и патологические состояния психики либо другие расстройства нервно-психической деятельности, которые не достигли степени душевной болезни, лишаящей данное лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и в силу эмоционально-волевой или интеллектуальной патологии руководить ими в период совершения преступления³.

По мнению Н.Г. Иванова, под психическими аномалиями в широком смысле слова понимаются все те психические процессы, которые характеризуются дисбалансом сил возбуждения и сил торможения⁴, когда психические расстройства, не исключая вменяемости, довлеют над интеллектуальными возможностями лица, вследствие чего противоправный способ снятия эмоциогенной напряженности в конкретной ситуации становится для него более вероятен и облегчен⁵.

По мнению же Ю.М. Антоняна и С.В. Бородина, под психическими аномалиями понимаются все расстройства психической деятельности, которые не

¹ См.: *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1995. – С. 29.

² *Антонян Ю.М., Гульдман В.В.* Криминальная патопсихология. – М., 1991. – С. 209.

³ См.: *Голумб Ц.А.* Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями и профилактика этих преступлений: Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Л., 1982. – С. 5.

⁴ См.: *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления. – М., 1998. – С. 20.

⁵ См.: *Иванов Н.Г., Брыка И.* Проблемы ограниченной вменяемости // *Законность*, 1998. – №10. – С. 10.

достигли психотического уровня и не исключают вменяемости, однако влекут личностные изменения, приводящие в некоторых случаях к отклоняющемуся поведению. Следовательно, если лицо во время совершения общественно опасного деяния вследствие психических аномалий, не исключających вменяемости, могло осознавать хотя бы частично фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также не полностью руководить ими, оно является субъектом преступления и подлежит привлечению к уголовной ответственности и наказанию.

В УК КР термины «уменьшенная», «ограниченная», «пограничная» вменяемость не используются. По существу, ст. 20 УК КР, предусматривающая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключającym вменяемости, подразумевает так называемый институт уменьшенной (ограниченной) вменяемости, т.е. речь идет о психических аномалиях, не исключających вменяемость субъекта преступления и не устранивающих установление его вины в совершенном им общественно опасном деянии. В результате складывается несколько парадоксальная ситуация, при которой институт ограниченной вменяемости формально не вводится, однако к нему приравнивается норма, содержащая его в неясном виде.

Н.П. Дубинин, И.И. Карпец и В.Н. Кудрявцев в своих исследованиях справедливо считают, что психические аномалии в определенных условиях ослабляют механизм внутреннего контроля, «облегчают» совершение случайных, непродуманных, в том числе противоправных поступков, что может привести довольно часто к совершению преступления¹. При этом психические отклонения с болезненной патологией повышают не только опасность аномального субъекта преступления, но в то же время ограничивают его способность сознавать свои действия и руководить ими правильно и с определенным значением². В некоторых случаях такие психические расстройства, как олигофрения или иное болезненное состояние (например, психопатия), хотя и не свидетельствуют о полной невменяемости субъекта преступления, тем не менее играют важную роль в

¹ См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). – М., 1982. – С. 243–244.

² См.: Луц Д. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. – М., 1966. – С. 98–99; Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток, 1983. – С. 87–88; и др.

этимологии самого общественно опасного деяния¹. Однако признано, что наличие психических нарушений не является детерминантой преступного поведения невменяемых лиц, оно не определяет характера и направленности поведения, его криминальности. Мы согласны с Р.И. Михеевым, полагающим, что психические аномалии не являются непосредственной причиной поведения, ведущего к совершению преступления, лица же, относящиеся к одной и той же нозологической категории, могут быть как преступниками, так и уважаемыми членами общества. «Зависимость всего модуса поведения вменяемого лица от его социальных установок и психологических (а не психопатических) свойств приводит к тому, что при наличии одних и тех же психических аномалий возможен различный уровень и характер их проявления. Поэтому нельзя рассматривать психические аномалии вне их конкурентных свойств и присущей им динамики как некую данность»².

Ст. 20 УК КР имеет в виду в первую очередь наиболее распространенные психические расстройства, не исключающие вменяемости: олигофрения (легкой степени), различные формы неврозов (неврастения, истерия, психастения), психозы, например, алкогольные, психопатии, органическое поражение центральной нервной системы и другие психические аномалии. Эти психические расстройства существенно уменьшают способность лица контролировать свое поведение, ведут к резкому снижению общего интеллекта и волевой сферы, а также затрудняют, хотя и не исключают полностью, мыслительный процесс и волю лица во время совершения им преступления.

В медицинской и юридической литературе, а также судебно-следственной практике отмечается преобладание лиц, болеющих различными неврозами, которые представляют группу психических расстройств, возникающих в результате психических травм, сопровождающихся нарушением общего самочувствия и различных соматовегетативных функций, эмоциональной неустойчивостью, повышенной психической истощаемостью при достаточной оценке окружающего и осознания своего болезненного состояния³.

¹ См.: Ковалев М.И., Алмазов Б.Н. Оценка психического здоровья человека уголовным законодательством. – Свердловск, 1987. – С. 36–37.

² Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 29.

³ См.: Судебная психиатрия. Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Морозова. – М., 1997. – С. 316; Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. – М., 1998. – С. 104–105; и др.

Таким образом, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но затрудняющее способность понимать значение и последствия своих действий (бездействий) либо воздержаться от преступного деяния, не связывается с обязательным смягчением наказания. Это представляется правильным, так как при назначении наказания суд должен исходить из всех обстоятельств дела и личностных характеристик преступника

Ограниченная вменяемость обвиняемого требует дифференцированной ее оценки и учета следствием и судом в каждом конкретном случае. Непринятие ее во внимание должно быть отражено в обвинительном заключении и приговоре суда и являться обоснованным.

Неврозоподобные и психопатоподобные состояния, как отмечает Н.Г. Иванов, как правило, возникают в результате воздействия на головной мозг различного рода факторов, к которым относятся: черепно-мозговые травмы или тяжелые инфекции, интоксикации, сосудистые и эндокринные заболевания, а также другие расстройства, приводящие к нарушениям психики, памяти, снижению мышления, ослаблению личности, негативные явления, связанные с психической деятельностью человека¹. Но среди обследованных достаточно часто встречаются лица с различными поражениями центральной нервной системы, а именно: органическое поражение центральной нервной системы – 18,7%, а травматическое поражение – 18% и др.² При этом данные распространенности психопатий колеблются в пределах от 2 до 15% среди населения, а на учете в психоневрологическом диспансере состоит 5% лиц с патологическим характером. В свою очередь отрицательное состояние психического здоровья населения Кыргызстана в настоящее время создает определенные условия для совершения лицами с аномальными отклонениями на фоне общего роста преступности самых различных опасных деяний.

Свидетельством совершения преступлений лицами с психическими отклонениями могут служить и другие исследования. Так, среди лиц, совершивших убийства при отягчающих обстоятельствах, субъекты преступления с такими

¹ См.: *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления. – М., 1998. – С.108.

² См.: *Антонян Ю.М., Виноградов М.В., Голумб Ц.А.* Преступность и психические аномалии // Сов. государство и право, 1979. – № 7. – С. 100.

психическими расстройствами, как психопатия и психоподобные состояния, образовывали 49 %¹.

Другое исследование, проведенное в России, показывает, что, по результатам судебно-психиатрических экспертиз, 68,7% осужденных обнаруживали нервно-психические расстройства, а среди убийц, которые были практически все охвачены экспертизой, 71,5% преступников были лица с психическими аномалиями. При этом наиболее криминогенными группами являлись лица, болеющие психопатиями и органическим поражением центральной нервной системы, значительно реже – болеющие невротами². С другой стороны, следующее исследование показывает, что 65–70 % тяжких и особо тяжких преступлений против личности совершается именно лицами, страдающими психическими аномалиями³.

Результаты статистического анализа показали, что в Кыргызской Республике за последние пять лет 48,15% лиц были осуждены за преступления против собственности, 33,9% – за хулиганство, 13,2% – за убийства, 4,3% – за сексуальные преступления, 0,3% – за преступления, связанные с наркотическими средствами. Данные о распространенности психических аномалий, не исключая вменяемости среди преступников различны, и их характеристики колеблются в зависимости от категории преступлений, за которые они были осуждены, в пределах от 20% до 50–60%. Реже психические отклонения встречаются среди осужденных за кражи и хищения, чаще – за преступления против личности, особенно убийства. Психические аномалии в психиатрии характеризуются как пограничные формы нервно-психической патологии⁴. Так, по данным Н.Г. Иванова, психические аномалии у лиц, совершивших преступления, преобладали в следующем порядке: психопатоподобные черты характера составили 31%, с признаками невротизации – 20,6%, психастении – 10,4%, олигофрены (дебильность) – 10,3% и истерики – 6,9%. При этом субъекты преступления с диагнозом психопатия или, например, психопатоподобное состояние наиболее часто совершали умышленные тяжкие телесные повреждения – 11%, хулиганство – 19%, изнасилование – 9% и другие насильственные преступные

¹ См.: Кузнецова Н.Ф., Лейкина Н.С. Криминологический аспект соотношения социального и биологического // Сов. государство и право, 1977. – № 9. – С. 110.

² См.: Голумб Ц.А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1982. – С. 6.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996. – С. 81.

⁴ См.: Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. – М., 1978. – С. 22.

деяния, предусмотренные уголовным законом¹. Среди них, по исследованиям, проведенным Н.Д. Гомоновым, чаще всего страдают: невротами – 27,5%, психопатиями – 17,8%, олигофренией (в различной степени дебильности) – 14,2%, а также некоторые имеют органическое поражение центральной нервной системы – 7,7% и т.п. психические расстройства. Чаще всего указанные лица совершают насильственные преступления и хулиганство в общественных местах².

Таким образом, из приведенных исследований видно, что среди лиц, совершивших самые различные общественно опасные деяния и привлеченных к уголовной ответственности, достаточно большой процент составляют субъекты, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Данный вывод подтверждается и исследованиями, проведенными на региональном уровне в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в различные периоды времени. Так, по результатам одного исследования, из 1447 лиц, направленных в 1967 г. на судебно-психиатрическую экспертизу в Ленинграде, вменяемыми были признано 1253 правонарушителя, вместе с тем, у 757 из них были обнаружены психические расстройства (аномалии) в виде: хронического алкоголизма, психопатии, органического поражения головного мозга, а также олигофрении³. Указанные обстоятельства и статистические данные не только вызывают тревогу, но и требуют со стороны государства и, в частности ученых-юристов и психиатров, а также практиков, дополнительных усилий по дальнейшему изучению и осмыслению с позиций науки уголовного права и судебной психиатрии более углубленного исследования лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости и вопросов уголовной ответственности в связи с совершением ими преступлений. При этом психические расстройства у аномальных субъектов преступлений приобретают не только уголовно-правовое значение, поскольку не отрицается их связь с преступным поведением лица в той или иной конкретной ситуации или обстановке, но в настоящее время с точки зрения медицины (судебной психиатрии) требуют дальнейшего уточнения.

¹ См.: *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления. – М., 1998. – С. 137–138.

² См.: *Гомонов Н.Д.* Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 15.

³ См.: *Авербух И.Е., Голубева Е.А.* К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970. – С. 92–93.

Другим моментом, вызывающим определенное сомнение, является формулировка, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости, «учитывается судом при назначении наказания». Возникает вопрос: а как именно учитывается и когда? Комментаторы УК КР разъясняют, что «особое психическое состояние лица в момент совершения преступления может служить основанием для смягчения наказания»¹, однако в самой ст. 20 УК КР такая информация не усматривается. Возможно, отсутствие четкого указания на привилегированный характер данной нормы объясняется тем, что учет или игнорирование особого психического состояния отдается на усмотрение суда и определяется оценкой роли этого состояния в детерминации криминального поведения, что не является однозначно заданным. Однако, думается, такая неясность формулировки законодательной нормы не является ее достоинством. Можно предположить, что в дальнейшем текст данной статьи будет несколько скорректирован и уточнен, сделан более четким, чтобы яснее определить ее реальный правовой смысл.

Особенно большая сложность для теории и практики представляет разработка и определение критериев психических расстройств аномальных субъектов преступления. Еще в 1966 г. Д.Р. Лунц писал, что неопределенность критериев уменьшенной вменяемости отмечается практически всеми авторами независимо от того, являются они ее противниками или сторонниками². Вместе с тем, мнение С.В. Бородина о том, что ограниченная вменяемость представляет собой вменяемость, а ее медицинский и юридический критерии вполне определимы, так как они относительно пограничных состояний достаточно исследованы как в общей, так и судебной психиатрии³, на наш взгляд, применительно к действующей норме (ст. 20 УК КР) вряд ли будет состоятельна. В данном случае следует согласиться с Н.Г. Ивановым о необходимости комплексной разработки критериев концептуального уровня, чтобы определить границы психических аномалий, не исключающих вменяемости лиц, совершивших преступление. Определение ее критериев является крайне важным вопросом, использовавшимся, кстати, в качестве аргумента против введения института ограниченной вменяемости. По убеждению О.Д. Ситковской, для определения вменяемости «необходимо и достаточно выяснить способность субъекта

¹ Комментарий к УК Кыргызской Республики / Под ред. Курманова К.Ш. – Бишкек, 2003. – С. 142.

² См.: Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. – М., 1966. – С. 200–207.

³ См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. – М., 1987. – С. 78.

к произвольно-осознанному поведению в тех пределах, в которых принимается, реализуется решение об общественно-опасных действиях (бездействии): осознание конкретной цели, вреда, который принесет ее реализация, готовность к соответствующему поведению, несмотря на социальный (правовой) запрет, целенаправленный выбор средств и их использование с учетом ситуации»¹. Мы полагаем, что указанные параметры и являются критериями, позволяющими судить о его наличии. При таком подходе не требуется и не предполагается наличия у субъекта высокого интеллектуального или волевого потенциала, т.е. по существу вопроса «необходимо и достаточно при решении вопроса о вменяемости выяснить... минимально значимый уровень, который в полной мере присущ в рамках конкретного поведенческого акта любому вменяемому субъекту, имеет он психические аномалии или нет»².

Представляется целесообразным для решения этой сложной проблемы разработать и законодательно закрепить в Уголовном кодексе критерии вменяемости, а затем с позиции медицины (судебной психиатрии), науки уголовного права, психологии и других наук на комплексной основе с учетом критериев вменяемости и невменяемости определить медицинский и юридический критерии психического расстройства, не исключающего вменяемости в отношении лиц, являющихся субъектами совершенных преступлений.

Нельзя не согласиться с позицией Назаренко Г.В., считающего, что институт уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, должен быть сформулирован таким образом, чтобы теоретические разногласия были сведены до минимума, а практика назначения наказания и принудительных мер медицинского характера таким лицам стала единообразной³. При этом данные критерии в более полной форме, как и критерии невменяемости, должны найти свое законодательное закрепление в ст. 20 УК КР четкой формулировкой психических аномалий как нового института в отечественном уголовном праве.

Мы полностью поддерживаем мнение Назаренко Г.В., считающего, что «ограниченная вменяемость – это разновидность вменяемости, которая отличается от

¹ *Ситковская О.Д.* Психологические основания уголовной ответственности. – Баку, 1992. – С. 52.

² *Там же.* – С. 52.

³ *Назаренко Г.В.* Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1993. – №3. – С. 66.

полной вменяемости тем, что вменяемое лицо не полностью отдает отчет в своих действиях и не может ими полностью руководить во время совершения преступления, так как имеет психическое расстройство, ограничивающее его интеллектуально – волевые возможности»¹.

В связи с вышеизложенным предлагается ввести в ст. 20 УК КР под названием «Ограниченная вменяемость»:

1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления вследствие психического расстройства в значительной степени не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо контролировать их, подлежит уголовной ответственности, и, наряду с наказанием, ему назначаются принудительные меры медицинского характера.

2. Лицо с психическими аномалиями, которые во время совершения им преступления незначительно ослабляли его интеллектуальные и волевые возможности, подлежит уголовной ответственности и наказанию на общих основаниях.

3. Психическое расстройство, значительно снижающее вменяемость лица, совершившего преступление, учитывается судом при назначении наказания.

Все это позволяет говорить, исходя из буквы закона, об уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, совершивших преступления, которая наступает при установлении их виновности. В ч. 1 ст. 22 предлагаемой нормы, кроме определения ограниченной вменяемости, предусматривается обязательное сочетание наказания с принудительными мерами медицинского характера. В ч.ч. 2, 3 при делении на категории лиц с незначительно ослабленной вменяемостью, наличие которой не требует учета психических аномалий при назначении наказания и со значительно сниженной вменяемостью, соответственно, которая должна учитываться судом при назначении наказания. Причем, исходя из общих начал назначения наказания, совершение преступления в состоянии ограниченной вменяемости должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее наказание. Данное заключение следует из того, что перечень смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных УК КР, открыт (ч. 2 ст. 54 УК КР), список же обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 55 УК КР), является

¹ Назаренко Г.В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1993. – №3. – С. 141.

исчерпывающим. Т.е. установленное в ст. 20 обязательное к учету обстоятельство можно признать как смягчающее наказание. Имело бы смысл, для повышения ясности уголовного закона, данное правило расположить в ст. 54 УК КР и сформулировать его именно в виде обстоятельства, смягчающего наказание, поскольку его иное предназначение не представляется.

Итак, само привлечение к уголовной ответственности, как реакция государства на совершенное преступление, в отношении лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, которые не могли в полной мере осознавать характер и общественную опасность своего поведения или руководить им, будет производиться судом дифференцированно для лиц с существенно сниженной и незначительно ослабленной вменяемостью

2.3. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

Наркотизм, наряду с преступностью и алкоголизмом, после Второй мировой войны стал серьезной социальной проблемой. В современном мире он носит глобальный характер и, как это часто бывает, окружен многочисленными мифами.

Наркотики – средства, оказывающие воздействие на психику и поведение человека, неоднократное употребление которых способно приводить к формированию физической и или психической зависимости (наркомании) – болезненному состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме таких средств.

Наркомания (от греч. *narke* – оцепенение и *mania* – безумие, страсть) – заболевание, выражающееся в физической и психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним, постепенно приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма. Невозможность принять очередную дозу наркотика вызывает у больного тяжелые соматические расстройства – абстинентный синдром (синдром «отнятия» или, на сленге, – «ломки»).

Токсикомания – аналогичное заболевание, вызванное употреблением иных, кроме признанных наркотическими, токсических («сильно действующих», психотропных) веществ, в качестве которых могут употребляться различные лекарственные препараты, предметы бытовой химии (лаки, клей, ацетон, бензин и др.).

Наркотизм – социальное явление, выражающееся в относительно распространенном, статистически устойчивом употреблении частью населения наркотических средств (или психотропных веществ), влекущем определенные медицинские (заболевания) и социальные последствия.

Как известно, наркотики сопровождают всю более или менее известную историю человечества. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных канабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в своей медицинской практике, оставаясь верным своему девизу: «Не навреди!». Еще в шумерских таблицах упоминается о снотворном действии опия,

т.е. 6 тысяч лет назад. Долговечность наркоупотребления свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные функции: анестезирующую (снятие и уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем и кофе), интегративную (наряду с табаком вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). По мнению криминолога Я.И. Гилинского, потребление наркотиков может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных», «престижных» (например, кокаина) – играет престижно-статусную роль. Другое дело, что за все приходится платить здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью¹.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различались и различаются у разных стран: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета и преследования (прогибиционизм). В ритуальных и бытовых (в том числе и медицинских) целях употребление наркотических средств допускалось в странах Востока, у индейцев Северной Америки, у народов стран Латинской Америки. История знала и полное мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских баронов). Однако мы, т.е. противники наркотиков, не выиграли ни одного сражения наркотиками и никогда, видимо, не выиграем, ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»². Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (2005 г.), утверждал, что «употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания»³. Такого же мнения придерживаются многие западноевропейские криминологи. Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («War on Drugs») к политике «меньшего вреда» («Harm reduction»). Об этом говорится, в частности, в Докладе Национальной

¹ См.: Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб, 2002. – С. 269.

² Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования, 1991. – №12. – С. 145.

³ Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб, 2002. – С. 270.

комиссии США по уголовной юстиции¹, в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия². «Третий путь» – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция. Можно соглашаться или не соглашаться с той или иной стратегией и тактикой в антинаркотической политике, но в любом случае требуется ее разумное, не мифологизированное обоснование, базирующееся на результатах исследований и дискуссий. Данная проблема была и остается одной из наиболее актуальных, спорных во всем мире, где не поставлены все точки над «i» по данному вопросу.

Известно, что состояние наркотизма в стране или регионе характеризуется рядом показателей: смертностью от причин, связанных с употреблением наркотиков; количеством и уровнем зарегистрированных потребителей наркотиков и наркоманов; количеством и уровнем преступлений, связанных с наркотиками; структурой употребляемых наркотических средств и т.п. Рассмотрим динамику некоторых показателей за последние годы в России и Кыргызстане.

Согласно официальным данным, уровень потребителей наркотиков вырос в России с 25,7 в 1985 г. до 60,6 в 1994 г., а потребителей наркотиков и сильнодействующих веществ – с 47,8 в 1991 г. до 195,7 в 1998 г.

В Кыргызстане, согласно официальным данным, численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом наркомания составила в 2000 г. 4459 чел.; в 2001 г. – 5043 чел.; в 2003 г. – 6327 чел.; в 2004 г. – 6814 чел.; в 2005 г. – 7216 чел.; в 2006 – 8353 чел.; в 2007 г. – 8734 чел.; в 2008 г. эта цифра перевалила за 9505 чел. Очевидно, что существует устойчивый рост количества лиц, употребляющих наркотики (см. приложение, табл. 3).

Согласно данным Минздрава Кыргызской Республики и нацстаткомитета Кыргызской Республики, взято под наблюдение больных, с впервые установленным диагнозом наркомании в 2000 г. – 758 чел., 2001 г. – 878, в 2002 г. – 818, в 2003 г. – 939, в 2004 г. – 694 чел., в 2005 г. – 722 чел., в 2006 г. – 781 чел., в 2007 – 824 чел., в 2008 г. – 835 чел.³ Подвижный уровень зарегистрированных лиц, больных

¹ См.: *Donziger S.* The on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

² См.: *Klingmann H., Hunt G.* (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons and Delinquents. SAGE Publications, 1998.

³ Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2008 г.

наркоманией (первичное обращение в медицинское учреждение), свидетельствует о некотором росте на первых порах количества данных лиц, далее идет некоторая стабилизация и даже небольшое снижение. Тем не менее, не секрет, что это далеко не полные данные в силу высокой латентности наркотизма, и торжествовать победу в этой борьбе еще очень рано.

Если опираться на данные уголовной и судебной статистики, то можно получить следующую информацию о личности наркомана: до 40% – это молодые люди, бросившие работу и учебу, около 40% учащиеся (школьники и студенты), 15% – рабочие и по 1–2% из остальных социальных групп. Необходимо в то же время изменить представление о наркомане только как о подростке, так как это не соответствует текущему положению вещей. В настоящее время самый распространенный возраст среди устойчивых групп наркоманов – 20–40 лет.

Следует указать на то, что в большинстве случаев первые пробы наркотиков бывают в компаниях, когда срабатывает механизм любопытства и стремления показать себя взрослым, «смелым, неординарным человеком».

Теперь обратимся к некоторым криминологически значимым аспектам наркотизма.

По сведениям о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, мы видим, что, во-первых, с начала 2000 г. постоянный рост регистрируемых преступлений, связанный с незаконным оборотом наркотиков, в 2005 г. сменился небольшим спадом и некоторой стабильностью. Во-вторых, наибольшую долю составляют преступления в виде пересылки наркотических средств и психотропных веществ. Большая часть этих преступлений совершается без цели сбыта, т.е. потребителями наркотиков. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики (см. приложение, табл. 4).

По количеству лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: в 2000 г. – 3023 чел., в 2001 г. – 2454 чел., в 2002 г. – 2164 чел., в 2003 г. – 2334 чел., в 2004 г. – 2056 чел., в 2005 г. – 1783 чел., в 2006 г. – 1679 чел., в 2007 г. – 1394 чел., в 2008 г. – 1415 чел.¹

Достаточно сказать, что, по заключению Всемирной организации здравоохранения, алкоголь (этиловый спирт, этанол), как психоактивное вещество,

¹ Источник: Судебный департамент при Министерстве юстиции Кыргызской Республики.

также признан «сильнейшим наркотиком»¹. Алкоголизму соответствует и клиника наркомании (привыкание к веществу, необходимость увеличения дозы для получения эффекта, эйфоризирующее действие, абстинентные явления при отмене алкоголя, соматическая, психическая и социальная деградация личности и т.д.), во многом определяющая поведение пьющих алкоголь, несомненно сказывающаяся на социальной обстановке, морально-нравственных устоях общества и здоровье населения. Алкоголизм, согласно криминологическим исследованиям, обладает наиболее высокой степенью криминогенности, что в первую очередь обусловлено тем, что алкоголизм способствует развитию других психических аномалий, ведет личность к дезадаптации, выключает ее из нормальных связей и отношений к тем самым в значительной степени облегчает совершение преступлений². По мнению многих исследователей, «алкоголь во многом определяет поведение употребляющих его людей, этим обуславливая социальную значимость проблемы»³.

Анализ статистических данных МВД КР показывает, что пьяными совершаются до 76% агрессивных противоправных деяний, 66% всех убийств, 52% изнасилований. По данным А.В. Варданяна, в 80% случаев определяющую роль при совершении преступлений сыграли конкретные действия и поступки жертв изнасилований. В этих ситуациях у преступников и потерпевших часто обнаруживаются сходные деформации личности и стереотипы поведения. Около 90% таких изнасилований были совершены, когда в состоянии алкогольного опьянения находились и виновный, и жертва, причем в 70% случаев алкоголь или наркотики употреблялись совместно⁴. Кроме того, Б.В. Сидоров указывает, что 86,4% потерпевших в аффектированных преступлениях в период неправомерных действий находились в состоянии алкогольного опьянения⁵.

Исследователи данной проблемы указывают на то, что преступность в очень большой степени зависит от алкоголизации населения, а тяжесть совершенных преступлений во многом зависит от алкоголизации субъекта и ее степени.

¹ Волков В.Н. Судебная психиатрия. Курс лекций. – М.: Юрист, 1998. – С. 258.

² См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1987. – С. 19.

³ См.: Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушение поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал, 1986. – №6. – С. 126.

⁴ См.: Варданян А.В. Насильственная преступность и ее предупреждение. – М., 2002. – С. 113.

⁵ См.: Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – Казань, 1978. – С. 116–120.

В настоящее время важное практическое и теоретическое значение имеет правильное решение вопроса об уголовно-правовом значении состояния опьянения, так как это часто напрямую связано с проблемами вменяемости-невменяемости.

Еще досоветское обычное право кыргызов предусматривало совершение преступления в состоянии опьянения, так как в прошлом кыргызы изготавливали спиртные напитки из бозо и кумыса. Ч. Валиханов сообщает, что кыргызы «из проса выгоняют бузу, а из бузы – водку, которую пьют они в ужасном количестве»¹. Во время путешествий по Кыргызстану Ч. Валиханов видел, как богатые кыргызы – манапы, бии и другие представители феодалов – гнали водку из кумыса. Он писал об этом следующее: «Богатый манап отличается от черного (народа) только тем, что каждый день ест барана и в неделю раз гонит кумысную водку и напивается ею, что называется до чертей»².

Из воспоминаний современников следует, что для простого народа потребление водки было роскошью.

Так как до середины XIX века в Кыргызстане крепкие напитки употреблялись только некоторыми феодалами, то за многие преступления, совершенные в состоянии опьянения, виновные к ответственности не привлекались, а если и привлекались, то опьянение считалось смягчающим вину обстоятельством. В свое время Н.И. Гродеков отмечал: «Преступление, совершенное в пьяном виде, облегчает вину, а по мнению некоторых, даже освобождает от штрафа и только обязывает к платежу убытков»³.

Таким образом, совершение преступления в состоянии опьянения по обычному праву кыргызов считалось одним из смягчающих вину обстоятельств, хотя в некоторых местах Южного Кыргызстана под влиянием ислама такие преступления наказывались строже, так как в те времена, по шариату, даже сам факт употребления спиртных напитков оценивался как преступление. Но уже в 70–80 гг. XIX в. под влиянием царского законодательства один только факт опьянения не мог образовать состава преступления.

В экспериментальных исследованиях современными науками достоверно установлено, что состояние опьянения, начиная с легкой его степени, реально влияет на психическую деятельность и поведение лица. Физиологической основой этого

¹ Цит. по: Кушнер П. Манапство в горной Киргизии // Революционный восток, 1927. – №2. – С. 152.

² Кушнер П. Указ. соч. – С. 153.

³ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области // Юридический быт. – Ташкент, 1989. – С. 14.

процесса является отравление организма, в том числе интоксикация центральной нервной системы¹, хотя в юридической литературе высказывается мнение, что употребление алкоголя, наркотиков и других психотропных средств приводит одурманиванию, а не опьянению². Мы считаем, что юристам не следует противопоставлять такие состояния, как опьянение и одурманивание, тем более что в ст. 21 УК КР речь идет о состоянии опьянения, которое в силу прямого указания закона может быть как алкогольным, так и наркотическим и токсиманическим, когда следует «под обычным опьянением понимать физиологическое алкогольное опьянение, а также наркотическое опьянение опиумом, морфином, кокаином, гашишем и др.»³. Конкретный же вид «одурманивающих веществ» в данном случае значения не имеет⁴. Будь то алкогольное или наркотическое опьянение, оно приводит к расторможенности в поведении лица, к определенной «немотивированности» его поступков; большинство опьяневших людей становятся вспыльчивыми, беззаботными, легкомысленными, эгоистичными, развязными и циничными⁵, при этом ослабляется воля, утрачивается рассудочность действий и обдуманность поступков. Известный психолог О.Д. Ситковская в результате долгих исследований и наблюдений пришла к заключению, что «у пьяного легко и без достаточно внешнего повода часто возникает аффективное поведение, утрачивается способность сдерживать себя, отсутствует правильное восприятие окружающего»⁶. Опьяневший человек самоуверен, хвастлив, придирчив и обидчив, легко затевает драки, склонен к агрессии.

С возрастанием дозы алкоголя все более расстраиваются функции, связанные с переработкой информации, ориентацией во внешней среде и ее осмыслением, нарушаются сенсорные процессы и эмоциональная оценка своих действий⁷, становится характерным словоохотливость, говорливость, чрезмерная экспрессивность речи, нерезко выраженное расторможение сексуального, пищевого и

¹ См. подробнее: *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М., 1988. – С. 228–232.

² См.: *Иванов Н.Г.* Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // *Законность*, 1998. – №3. – С. 44.

³ *Бузынова С.В.* Субъект преступления. В кн.: *Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении* / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 278.

⁴ См.: *Кухарчук В.В.* Уголовно-правовые вопросы определения одурманивающих веществ // *Следователь*, 1999. – № 5. – С. 9.

⁵ См.: *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С.* Нарушение поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психические механизмы и правовые аспекты профилактики // *Психологический журнал*, 1986. – №6. – С. 125.

⁶ *Ситковская О.Д.* Аффект: криминально-психологическое исследование. – М., 2001. – С. 131.

⁷ Там же. – С. 132.

других влечений¹. По мнению В.Г. Павлова, само влияние действий алкоголя на организм определяется не только количеством принятого спиртного, но и его крепостью², а также оно в индивидуальном порядке зависит от состояния здоровья, возраста, типологических особенностей высшей нервной деятельности, частоты и дозы употребления, временных функциональных состояний организма, ситуации, в которой происходит употребление алкоголя³. В судебно-психиатрической практике обычно принято подразделять степень обычного (простого)⁴ алкогольного опьянения, которое, как правило, возникает в результате произвольного потребления алкоголя, на:

1) легкую (лицо теряет способность контролировать количество выпитого, принимает алкоголь в неограниченном количестве, т.е. утрата количественного контроля), без учета ситуации (потеря ситуационного контроля);

2) среднюю (толерантность к алкоголю достигает максимума и на протяжении ряда лет остается постоянной, появляются психопатоподобные расстройства, амнезии состояния опьянения, их огрубление, развиваются возбудимость, недостаточно критическое отношение к злоупотреблению алкоголем при сохранности общей критики, отдельные морально-этические дефекты сохраняются; эти особенности не достигают степени алкогольной деградации и обратимы в ремиссии);

3) тяжелую (когда наблюдается снижение толерантности к алкоголю, формирование алкогольной деградации личности в виде эмоционального огрубения, утрата семейных привязанностей, этического снижения, нарушения критики, общего упадка инициативы и работоспособности с невозможностью систематически трудиться, снижением памяти, интеллекта)⁵.

Легкой степенью (стадией) острой алкогольной интоксикации признается если концентрация алкоголя в крови менее 1–2%, средней – 2–3%, тяжелой – свыше 3%⁶.

Длительное злоупотребление лицом спиртными напитками, немедицинское употребление наркотических средств также говорят не в его пользу. В результате

¹ См.: *Дмитриев А.С., Клименко Т.В.* Судебная психиатрия. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 102.

² См.: *Павлов В.Г.* Субъект преступления. – М., 2001. – С. 192.

³ См.: *Ситковская О.Д.* Аффект: криминально-психологическое исследование. – С. 131.

⁴ См.: *Волков В.Н.* Судебная психиатрия. Курс лекций. – М.: Юристъ, 1998. – С. 260–269.

⁵ См.: *Дмитриев А.С., Клименко Т.В.* Указ. соч. – С. 112–113.

⁶ Там же. – С. 102.

алкоголизма и наркомании происходят общая деградация личности¹, утрата моральных установок, социальные ценности перестают оказывать регулирующее влияние на поведение², увеличивается психическая и двигательная активность, затрудняется концентрация внимания у человека, происходит переоценка своих возможностей, снижается самоконтроль, «нарушается баланс сил возбуждения и торможения, создающих в итоге психические аномалии, обуславливающих агрессивные реакции»³, что приводит лицо на преступный путь. Можно согласиться с мнением известного криминолога Ю.М. Антоняна, считающим, что, в целом, дезадаптация в большинстве жизненно важных сфер этих лиц сопровождается адаптацией их на криминальном уровне⁴.

Эмпирически достоверным является относительно большая криминальная (вообще дивиантная: алкогольная, наркотическая, суицидальная) активность проявляется у мужчин в большей степени, чем у женщин.

Рассмотрим некоторые количественные особенности применения принудительных мер медицинского характера в отношении мужчин и женщин, больных с диагнозом алкоголизм. В 2000 г. были применены принудительные меры медицинского характера в отношении 175 человек, из них 161 (92%) мужчин, 14 (8%) женщин; в 2001 г. – в отношении 182 человек, из них 165 (90,6%) мужчин, 17 (9,4%) женщин; в 2002 г. – в отношении 186 человек, из них 174 (93,5%) мужчин, 12 (6,5%) женщин; в 2003 г. – 162 человека, из них 155 (95,7%) мужчин, 7 (4,3%) женщин; в 2004 г. – в отношении 87 человек, из них 86 (98,9%) мужчин и 1 (1,1%) женщин; в 2005 г. – в отношении 93 человек, из них 91 (97,8%) мужчин и 2 (2,2%) женщины; в 2006 г. – в отношении 114 человек, из них 110 (96,51%) мужчин и 4 (3,5%) женщин; в 2007 г. – в отношении 123 человек, из них 119 (96,7%) мужчин и 4 (3,2%) женщины⁵.

Наблюдения показывают, что такие лица, даже имея определенное место жительства (часто формально не проживая там) и работу (причем ее они постоянно меняют и поэтому не работают), ведут, по существу, дезадаптированный образ жизни. Их связи с семьей и трудовым коллективом весьма поверхностны и неустойчивы, в

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 278.

² См.: Аргунова Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция, 2004. – №7. – С. 40.

³ Иванов Н.Г. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность, 1998. – №3. – С. 44.

⁴ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – М., 2004. – С. 183.

⁵ Источник: Министерство здравоохранения Кыргызской Республики.

ряде случаев связей попросту нет, они систематически пьянствуют, кражи являются для них основным источником существования и, главное, получения средств и употребления спиртного. При этом они нередко крадут и друг у друга, а также у родственников, соседей, знакомых, что еще раз убедительно свидетельствует об их дезадаптации в микросреде. Все похищенное почти сразу же пропивается¹.

При тяжелой степени опьянения воспоминания лица о произошедших событиях, как правило, носят отрывочный характер², поэтому они на суде ссылаются на то, что «никакого преступления я не совершал, ничего не помню, ничего не знаю, потому что был сильно пьян».

Однако законодатель, базируясь на данных научных исследований, не нашел оснований освободить лицо, совершающее преступление в состоянии алкогольного опьянения, от уголовной ответственности ввиду отсутствия медицинского критерия невменяемости, что подтверждается, в частности, Н.С. Лейкиной, считающей, что при совершении преступления пьяным лицом, как правило, имеются все объективные и субъективные основания для привлечения к уголовной ответственности, которая ни при каких условиях не может быть исключена при обычном опьянении³, которое с позиции и судебной психиатрии не требует рассмотрения вопроса о вменяемости субъекта преступления⁴, а поведение лица имеет осознанно волевой характер. Исключение составляет патологическое опьянение, которое «не является тяжелой формой простого алкогольного опьянения, это качественно иное состояние психики – тяжелое психическое расстройство, спровоцированное алкоголем»⁵.

Суд мог бы на основании ст. 21 УК КР учитывать это обстоятельство при назначении наказания. Однако специфика данной психической аномалии состоит в том, что она развивается вследствие асоциального поведения лица, выражающегося в пьянстве, поэтому суды до недавнего времени не были склонны смягчать наказание алкоголикам и наркоманам, хотя к ним при соответствующих условиях могут быть применены принудительные меры медицинского характера.

¹ См.: *Иванов Н.Г.* Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики // Государство и право, 1997. – №3. – С. 181.

² См.: *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С. 52–53; *Бейсенов Б.С.* Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1981. – С. 91; и др.

³ См.: *Лейкина Н.С.* Указ. соч. – С. 55.

⁴ См.: *Тимофеева Н.Н., Тимофеева Л.Н.* Содержание и объем работы эксперта-психиатра. – М., 1971. – №5. – С. 82; *Доброгаев М.* Алкоголь. Психоз. Судебная экспертиза // Записки криминалистов. – М., 1993. – С. 171–172.

⁵ Судебная психиатрия / Под ред. А.С. Дмитриевой, Т.В. Клименко. – М., 1998. – С. 346.

Н.Ф. Кузнецовой выделены две существенные особенности, отличающие болезненное состояние психики, обуславливающее невменяемость, от состояния обычного (физиологического) алкогольного опьянения: во-первых, в состоянии опьянения человек приводит себя сознательно, намеренно; во-вторых, обычное алкогольное опьянение не связано с галлюцинациями, обманом слуха, зрения и ложными восприятиями¹. С точки зрения медицины, физиологическое опьянение, хотя и вызывает нарушение психической деятельности, ослабляя функционирование тормозных процессов, происходящих в организме, и приводя к потере контроля над своим поведением, тем не менее действия и поступки подвергнутого опьянению, как у любого нормального человека, носят мотивированный характер. Если психически больной переживает болезненное, бредовое состояние, то лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения (когда он еще в состоянии двигаться и совершать поступки), как субъект, реально сохраняет речевой контакт с окружающими, осознает свою личность, ориентируется в пространстве и во времени, осознанно позволяет агрессию в отношении слабых и беззащитных, пасует перед более сильными. Как отмечается в юридической литературе, и с этим следует согласиться, даже при тяжелой степени опьянения отсутствует медицинский (психологический) критерий невменяемости, т.е. какое-либо психическое расстройство, что не приводит к полному отсутствию контроля над сознанием и возможностью руководить своими действиями². По мнению видного психиатра, профессора Я.М. Калашника, «всякого рода попытки усматривать при обычном (хотя бы и глубоком) алкогольном опьянении наличие медицинского и юридического критериев... несостоятельны. Нарушения высшей нервной деятельности, возникающие под влиянием алкоголя при простом алкогольном опьянении, не заключают в себе наличие тех явлений, которые давали бы право говорить о наличии признаков психоза, хотя бы и временного характера»³. Борзенкова Г.Н. в своих исследованиях также подтверждает, что даже в тяжелой степени опьянения нарушение психических процессов не приводит к полному устранению контроля сознания и возможности руководить своими действиями. Бессмысленность, алогичность поступков, отсутствие видимых мотивов,

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 279.

² См.: Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 71–78; Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С. 87–97.

³ Калашник Я.М. Судебная психиатрия. – М., 1981. – С. 278–279.

незначительность или полное отсутствие повода к преступлению, неоправданная жестокость или крайний цинизм – все это еще не говорит о наличии психологического критерия¹. Данное мнение нашло свое подтверждение в свое время у профессора В.Е. Рожнова, который писал, что «как бы не была тяжела при простом опьянении алкогольная интоксикация, она не приводит к возникновению сумеречного расстройства сознания к галлюцинаторным и бредовым переживаниям или иным психическим состояниям»². Учеными данные лица отнесены по типологии личности корыстных преступников по мотивам (имеются в виду общие мотивы) к так называемому алкогольно-наркотизированному типу, которые находятся на социальном дне и их ресоциализация представляет собой исключительную сложность. Как правило, она должна сопровождаться лечением³.

Можно согласиться с мотивировкой некоторых ученых того, что «систематическое злоупотребление алкоголем может привести человека к заболеванию хроническим алкоголизмом, а глубокие изменения личности хронического алкоголика позволяют рассматривать это заболевание в ряду других состояний не исключающих вменяемость...»⁴, что дает возможность применения ст. 21 УК КР в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения.

Следует также согласиться с мнением Г.В. Назаренко, что при таком подходе смешиваются два принципиально разных в судебно-психиатрическом отношении явления: алкоголизм (алкогольная зависимость) и опьянение (алкогольная интоксикация)⁵. Алкоголизм ведет к возникновению алкогольных психозов, таких как белая горячка (алкогольный делирий), (алкогольный параноид), алкогольный бред ревности, алкогольные энцефалопатии⁶. Алкогольный же психоз представляет собой психическое расстройство, исключающее вменяемости, вследствие которого во время совершения общественной опасного деяния лицо, подверженное расстройству, неспособно к осознанно волевому поведению, и соответственно все лица,

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 289.

² Судебная психиатрия / Отв. ред. Г.В. Морозов, Я.М. Калашник. – М., 1967. – С. 306.

³ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – М., 2004. – С. 180.

⁴ Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушение поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал, 1986. – №6. – С. 126–127.

⁵ См.: Назаренко Г.В. Невменяемость. – М., 2002. – С. 158.

⁶ См.: Алкоголизм: Руководство для врачей / Под ред. Г.В. Морозова, В.Е. Рожнова, Э.А. Бабаева. – М., 1983.

совершившие общественно опасные деяния в состоянии алкогольного психоза, признаются невменяемыми¹.

Совершение общественно опасного деяния в состоянии алкогольного психоза признаются невменяемыми, если доказано, что оно совершено в период острого расстройства психики. Но может быть и так, что первое правонарушение совершено в состоянии обычного алкогольного опьянения, а последующие деяния в состоянии белой горячки. Это видно на следующем примере.

Гражданин К., 44 лет, электрик завода «Сетунь», длительное время злоупотреблял спиртными напитками, в состоянии опьянения неоднократно избивал жену и выгонял ее из дома. 20 декабря 2004 г. после бессонной ночи, обильных зрительных и слуховых галлюцинаций К. под утро выбежал из своей квартиры, забежал в соседний дом, поджег в подъезде сваленный мусор, а сам выбросился со второго этажа. И с явлениями сотрясения мозга, закрытым переломом костей правой голени некоторое время находился в больнице, где первые пять дней галлюцинировал. Галлюцинации имели типичный характер белой горячки. После выздоровления был признан вменяемым в отношении телесных повреждений жене и невменяемым в отношении действий, совершенных во время поджога.

Патологическое опьянение относится к группе острых, кратковременно протекающих психических расстройств и рассматривается как сумеречное состояние психики, временное помрачение сознания, продолжающееся от нескольких минут до нескольких часов. Опьяневший вдруг неожиданно становится тревожным, растерянным, отрешенным от реального мира, движения его становятся четкими, быстрыми, высказывания принимают отрывочный характер, нарушается контакт с реальностью. Заканчивается патологическое опьянение так же быстро, как и начинается, нередко оно переходит в глубокий сон, после которого отмечается полная амнезия (пробел в воспоминаниях) или смутное воспоминание о пережитом.

По единогласному мнению психиатров, патологическое опьянение встречается крайне редко у лиц мужского пола и составляет 0,4–0,7% всех обследованных в возрасте от 21 до 40 лет. В 81,5% случаях оно порождает агрессивные действия²,

¹ См.: Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1999. – С. 76.

² См.: Алкоголизм: Руководство для врачей / Под ред. Г.В. Морозова, В.Е. Рожнова, Э.А. Бабаева. – М., 1983; Доброгаев М. Алкоголь. Психоз. Судебная экспертиза // Записки криминалистов. – М., 1993; Судебная психиатрия / Под ред. А.С. Дмитриевой, Т.В. Клименко. – М., 1998; Назаренко Г.В. Невменяемость. – М., 2002.; и др.

направленные против жизни и здоровья окружающих, но при этом действия сексуального характера не совершаются.

Вот типичный пример больного, перенесшего белую горячку.

Гражданин С., 43 лет, злоупотреблявший длительное время алкогольными напитками, через несколько дней после задержания милицией за хулиганство стал обнаруживать признаки алкогольного психоза: перестал спать, непрерывно находился в двигательном и речевом возбуждении, не ориентировался в окружающей обстановке, считал, что находится то дома в окружении семьи, то на работе, то среди друзей, при легком к нему прикосновении вздрагивал. Среди медицинского персонала узнавал знакомых, дежурную медсестру называл Светой, обращался к ней с просьбой дать деньги, «а то не хватает опохмелиться», испытывал зрительные галлюцинации, с брезгливостью стряхивал со своей одежды несуществующих насекомых. По ночам зрительные галлюцинации усиливались: гонял кошек, кричал: «Вот собачка! Кутя, Кутя!» Как будто считал деньги, давал сдачу. Иногда испытывал страх, с выражением ужаса залезал под кровать. Спустя пять дней уснул глубоким сном и проснулся через 8 часов с чувством большой усталости, но уже без перечисленных болезненных явлений.

Известно, что непосредственной причиной возникновения белой горячки у хронического алкоголика может быть не только отмена алкоголя после усиленного пьянства, но и острое инфекционное заболевание (например, грипп), повышение температуры при воспалении легких, тяжелая травма (в частности, перелом костей конечностей), резкое изменение режима питания, а также психические переживания, связанные с возбуждением уголовного дела и арестом.

Данные уголовной статистики свидетельствуют, что большинство преступлений совершается в состоянии опьянения, особенно же, повторимся, хулиганство и так называемые бытовые преступления. Лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, являются виновниками и каждого четвертого дорожно-транспортного происшествия. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения представляет большую общественную опасность как для государства, так и его граждан. Не случайно между пьянством и преступностью существует тесная связь, что позволяет сделать некоторые предложения, направленные на совершенствование

уголовного законодательства и эффективности его применения в рамках рассматриваемой проблемы, об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

За 6 лет с 2000 по 2008 гг. в целом по республике было зафиксировано лишь 17 человек, больных токсикоманией, которым были применены принудительные меры медицинского характера. Это далеко не полные данные о количестве лиц, страдающих токсикоманией, так как уровень латентности среди токсикоманов еще выше, чем у лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом¹.

Включение в перечень отягчающих обстоятельства «совершение преступления в состоянии опьянения» обусловлено уже тем, что оно не обладает таким признаком, обязательным для всех предусмотренных в законе смягчающих и отягчающих обстоятельств, как строго определенная направленность влияния. Этот признак означает, что закрепленное в перечне отягчающее обстоятельство может во всех преступлениях только повышать опасность преступления и личности виновного, а, следовательно, и наказания. «Сквозь призму требования строго определенной направленности влияния, – резонно предостерегал И.А. Кудрявцев, – встает вопрос о целесообразности включения в перечень отягчающего обстоятельства «совершение преступления в состоянии опьянения», поскольку не всегда оно свидетельствует о повышении степени опасности содеянного и личности»². В ряде случаев, напротив, его наличие свидетельствует о пониженной степени опасности деяния и личности виновного³. Считаем, что с данным мнением можно согласиться.

Предпосылкой исключения из УК КР раннее рассматриваемого обстоятельства, как представляется, являлось представленное суду право, в зависимости от характера преступления, не признать состояние опьянения виновного отягчающим обстоятельством.

Согласно статданным МВД Кыргызской Республики, число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, составило: в 2001 г. – 1354; в 2002 г. – 1154; в 2003 г. – 1404; в 2004 г. – 1279; в 2005 г. – 931; в 2006 г. – 654; в 2007 г. – 671, в 2008 г. – 694. На общем фоне снижения числа зарегистрированных преступлений совершение преступлений лицами в состоянии опьянения удерживает

¹ См.: Преступность и правонарушения. – М., 1999. – С. 125.

² Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – М., 2000. – С. 74.

³ См.: Твердая И.Н. Оценка состояния опьянения при назначении наказания // Вестник Московского университета. Право, 1970. – №4. – С. 42–44.

стабильную динамику роста, при этом доля указанных лиц среди убийц составляет 68–78%, среди лиц причинивших тяжкий вред здоровью – 75–81%, и 60–78% совершивших изнасилование. Доля лиц, совершивших преступление под воздействием наркотиков, не превышает за отдельные годы 0,7–0,8% (в среднем, по статистике, держится в пределах 0,2–0,4%)¹.

В уголовном законодательстве отмечается, что к лицу, совершившему преступление, страдающему алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, туберкулезом, венерическими заболеваниями, а также ВИЧ-инфекцией, суд при наличии медицинского заключения может назначить наряду с наказанием меры медицинского характера (ст. 96 УК КР). Указанные лица, осужденные к мерам наказания, не связанные с лишением свободы, подлежат лечению в медицинских учреждениях органов управления здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую или наркологическую помощь по месту жительства. В данный момент такая помощь оказывается психоневрологическими и наркологическими диспансерами.

В Кыргызской Республике с 2000 по 2007 гг. были применены принудительные меры медицинского характера в отношении 3488 наркоманов, из них 3259 (93,4%) мужчин и 214 (6,1%) женщин, 994 алкоголиков, из них 934 (93,6%) мужчин и 73 (6,4%) женщин, и 6 токсикоманов (мужчин), совершивших общественно опасные деяния.

Принудительные меры медицинского характера были применены к больным с диагнозом наркомания в 2000 г. в отношении 962 человек, из них 908 (94,4%) мужчин, 54 (5,6%) женщин; в 2001 г. в отношении 780 человек, из них 713 (91,4%) мужчин, 67 (8,6%) женщин; 2002 г. в отношении 548 человек, из них 517 (94,3%) мужчин, 31 (5,7%) женщин; 2003 г. в отношении 375 человек, из них 353 (94,2%) мужчин, 22 (5,8%) женщин; в 2004 г. в отношении 307 человек, из них 283 (92,2%) мужчин, 24 (7,8%) женщин; в 2005 г. в отношении 242 человек, из них 226 (93,4%) мужчин, 16 (6,6%) женщин; в 2006 г. в отношении 274 человек, из них 259 (94,5%) мужчин и 15 (5,4%) женщин; в 2007 г. в отношении 291 человек, из них 280 (96,2%) мужчин и 11 (3,8%) женщин.

¹ Источники: Министерство внутренних дел Кыргызской Республики.

Принудительные меры были применены к больным с диагнозом алкоголизм: в 2000 г. были в отношении 175 человек, из них 161 (92%) мужчин, 14 (8%) женщин; 2001 г. в отношении 182 человек, из них 165 (90,6%) мужчин, 17 (9,4%) женщин; 2002 г. в отношении 186 человек, из них 174 (93,5%) мужчин, 12 (6,5%) женщин; в 2003 г. в отношении 162 человек, из них 155 (95,7%) мужчин, 7 (4,3%) женщин; и в 2004 г. в отношении 87 человек, из них 86 (98,9%) мужчин и 1 (1,1%) женщин; в 2005 г. в отношении 104 человек, из них 99 мужчин (95,1%) и 5 (4,8%) женщин; в 2006 г. в отношении 109 человек, из них 102 мужчин (93,5%) и 7 (0,6 %) женщин; в 2007 г. в отношении 102 человек, из них 98 мужчин (96,0%) и 4 (3,9%) женщин.

Принудительные меры медицинского характера были применены к больным с диагнозом токсикомания: в 2000 г. в отношении 2 мужчин; в 2001 г. в отношении 1 мужчины; в 2002 годы не были назначены; в 2003 г. в отношении 1 мужчины; в 2004 г. в отношении 2 мужчин; в 2005 г. в отношении 3 мужчин; в 2006 г. в отношении 2 лиц мужского пола; в 2007 г. в отношении 1 лица мужского пола¹.

Вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что с 2000 по 2007 гг. периоды снижения чередовались с периодами роста количества лиц, в отношении которых были применены принудительные меры медицинского характера, при этом принудительные меры применялись в основном к лицам мужского пола. Это объясняется в значительной мере психофизиологическими особенностями мужчин и женщин. Мужчинам более свойственно агрессивное поведение, у них более широк круг общения, они чаще злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими средствами и токсическими веществами. Тот факт, что женщины совершают значительно меньше преступлений, чем мужчины, объясняется и исторически сложившимся образом их жизни и поведения.

По нашим данным, принудительные меры медицинского характера в основном применяются к больным наркоманией и алкоголизмом. За пять лет с 2002 по 2006 гг. было лишь 11 человек, больных токсикоманией, которым были применены принудительные меры, хотя лиц, страдающих токсикоманией, значительно больше, но в Кыргызстане до сих пор проблемой токсикомании всерьез не занимаются.

Около 70% заключенных употребляют наркотики, и 80% из них составляют ПИН. При проведении анонимного обследования оказалось, что 40–50%

¹ Источники: Министерство здравоохранения Кыргызской Республики.

заклученных употребляют инъекционные наркотики, а, принимая во внимание высокий показатель заболеваемости сифилисом среди этого контингента, ясно, что среди них также распространено рискованное сексуальное поведение¹.

Итак, в целях исключения возможности произвольного, искаженного и ошибочного толкования ст. 21 УК КР следует сформулировать уголовно-правовой институт, регламентирующий ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в следующей редакции:

«1. Лицо, совершившее преступление в состоянии любой степени опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

2. Совершение преступления в состоянии опьянения является основанием для установления нуждаемости лица в принудительном лечении от алкоголизма и наркомании наряду с отбыванием наказания».

Считаем, что данная формулировка закона по ч. 1 ст. 21 УК КР исключит возможность смягчения наказания таким лицам независимо от степени опьянения и позволит не рассматривать среднюю степень опьянения в качестве смягчающего обстоятельства, а тяжелую – как обстоятельство, исключаящую вменяемость. А норма ч. 2 ст. 21 УК КР укрепит общепрофилактическое воздействие законодательного установления об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, еще дополнительно и в виде принудительного лечения.

¹ См.: Годиньо Д., Навотны Т., Тадессе И., Винокур А. ВИЧ/СПИД и туберкулез в Центральной Азии. Рабочий доклад всемирного банка. – №29. – Вашингтон, 2005.

2.4. Соотношение социального и биологического факторов в личности преступника

Каждый человек, совершивший преступное деяние, является носителем многих социально значимых качеств, из которых для состава преступления, т.е. для признания лица субъектом преступления, имеют значение только возраст, вменяемость, а в отдельных случаях – признаки специального субъекта. Только эти признаки входят в состав как основание уголовной ответственности. Более широкий круг социально значимых качеств лица, совершившего преступление, образует криминологическое понятие «личность преступника».

Личность правонарушителя всегда привлекала к себе внимание многих ученых. Человек представляет собой единство социальной, духовно-нравственной, биологической, культурно-исторической сторон. В то же время личность представляется более конкретной характеристикой человека, в ней большей частью фиксируются специфические общественные, а не биологические качества и признаки¹.

Личность – наиболее сложный объект исследований не только для криминологии, но и для любой области знаний², а с психологической точки зрения, в идеальном социально-психологическом плане личность есть всесторонне и гармонично развитая, уравновешенная с обществом и сама с собой система, способная наилучшим образом решать общественные, профессиональные и личные задачи³.

При этом понятие личности правонарушителя приобретает значение уже понятие личности человека. Проблемы личности правонарушителя постоянно находились в сфере интересов многих ученых-криминологов: Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, Ю.В. Бышевского, Б.С. Волкова, П.С. Дагеля, Г.В. Дашкова, А.И. Долговой, У.С. Джекебаева, К.Е. Игошева, И.И. Карпеца, Е.И. Каиржанова, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.И. Марцева, Г.М. Миньковского, И.С. Ноя, Е.Г.

¹ См.: Курс советской криминологии / Под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 1. – С. 258; Криминология / Под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. – М., 1992. – С. 68.

² См.: Бузынова С.П. Понятие личности преступника. В сб.: Актуальные проблемы советской криминологии и исправительно-трудового права. – М.: ВЮЗИ, 1999. – С. 14.

³ См.: Кузьмин Е.С. Социально-психологические особенности личности. В. сб.: Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 12.

Самовичева, А.Б. Сахарова, А.А. Тер-Акопова, В.Д. Филимонова, А.М. Яковлева¹ и др.; а также в работах отечественных ученых: А.Ш. Шаршеналиева, Л.Ч. Сыдыковой, К.Ш. Курманова, К.И. Джаянбаева, К.А. Бодобаева, М.К. Саяковой и др.,² в которых углубленно исследовались актуальные аспекты одного из важнейших направлений в криминологии.

Необходимо отметить, что структура личности правонарушителя складывается из следующих взаимосвязанных блоков: 1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки личности правонарушителя; 2) социальные проявления личности в разных сферах общественной жизни; 3) нравственные свойства личности; 4) психологические особенности личности правонарушителя³.

Предметом изучения личности правонарушителя должна становиться система личностных характеристик, которая складывается из: 1) потребностно-мотивационной сферы; 2) ценностно-нормативной сферы сознания личности; 3) социальной позиции личности правонарушителя; 4) деятельности личности в соответствии социальными правовыми, нравственными отношениями и месте в этой деятельности преступного поведения⁴.

¹ См., например: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. – М., 1972; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М.: Наука, 1987; Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в оценке преступления. Учебное пособие. – М., 1973; Антонян Ю.М. Причины преступного поведения. – М., 1992; Бышевский Ю.В., Марцев А.И. Криминологическая характеристика личности вора. Учеб. пособие. – Омск, 1973; Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1975; Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Учеб. пособие. – Владивосток, 1972; Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974; Каиржанов Е.И. Уголовное право Республики Казахстан. Изд. 3-е. – Алматы, 2003; Карпец И.И. Проблема преступности. – М.: Юрид. лит., 1969; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М.: Наука, 1976; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М.: Наука, 1991; Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975; Самовичева Е.Г. Личность насильственного преступника и проблемы преступного насилия. Сб. научных трудов ВНИИ МВД СССР. – М., 1987; Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: 1961; Филимонова В.Д. Общественная опасность личности преступника. – Томск: Изд-во Томского университета, 1970; и др.

² См.: Шаршеналиев А.С. Проблемы борьбы с экономической преступностью в условиях перехода к рынку. – Бишкек, 1998; Сыдыкова Л.Ч. Ответственность за взяточничество. – Бишкек – 1997; Сыдыкова Л.Ч. Система и виды наказания по Уголовному праву Кыргызской Республики. – Бишкек. 1999; Курманов К.Ш. Наркомания: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – Фрунзе, 1989; Курманов К.Ш. Наркотизм: преступность, профилактика. – Бишкек 2005; Джаянбаев К.И. Криминология. – Бишкек 2003; Джаянбаев К.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями. – Бишкек 2005; и др.

³ См.: Личность преступника и предупреждение преступлений / Под ред. Н.В. Кудрявцева, Н.Н. Кондрашкова и др. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 31.

⁴ См.: Курс советской криминологии / Под ред. В. Н., Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 31.

По-прежнему среди криминологов не утихают споры по поводу соотношения в личности правонарушителя биологического и социального, что определяет в конечном счете поведение человека?

Думается, что в любом случае изучение личности правонарушителя будет продолжено.

По мнению О.Д. Ситковской, значимы здесь те личностные особенности, которые «вливали на выбор и реализацию противоправного варианта поведения, затрудняли или облегчали его, а равно сказывались на отношении к содеянному»¹, тем самым в соответствии с общими началами назначения и индивидуализации наказания входили в комплекс оценки деяния, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Мы поддерживаем мнение А.М. Джоробековой в том, что общественная опасность личности преступника определяется формой вины, личными свойствами преступника и характеристикой его предшествующего поведения².

Психологические особенности личности могут быть по-разному связаны с совершенным им преступлением. Одни из них могут играть ведущую роль в выборе преступного способа удовлетворения потребностей или разрешения конфликта (эгоистическая, корыстная направленность личности, неуважение к человеческой личности и человеческому достоинству, сексуальная распущенность, агрессивность и пр.). Другие психологические особенности чаще только способствуют совершению преступления при наличии внешней неблагоприятной ситуации (низкий уровень интеллектуального развития, болезненное самолюбие, неуравновешенность, завышенная самооценка, агрессивность, эмоциональная возбудимость, трусость и пр.). Наконец, многие психологические особенности обвиняемого остаются нейтральными по отношению к факту преступления (например, увлечения, интересы лица, совершившего преступление в состоянии аффекта или по неосторожности и пр.).

Необходимо также сказать, что личность преступника следует изучать и учитывать, индивидуализируя наказание, не огульно, а в определенных рамках. Учету, на наш взгляд, подлежат только те социально-значимые свойства и

¹ Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. – М., 2001. – С. 21.

² См.: Джоробекова А.М., Самаков К.С. Применение основных и дополнительных наказаний: история, современность и проблемы. – Бишкек, 2005. – С. 132.

особенности виновного, которые имеют уголовно-правовое значение. Другими словами, «учитывать такие данные о личности, как уравновешенность, вспыльчивость, необщительность, а также отношение к людям, основанное на грубости и невнимательности и т.п.»¹.

В идеале подлинно личностный подход с позиций справедливости требует изучения достаточно большого объема свойств обвиняемого по большинству уголовных дел. Он включает в себя исследование его внутреннего мира: потребностей, побуждений, лежащих в основе поступков (мотивов поведения), общей структуры и отдельных черт характера, эмоционально-волевой сферы, способностей, индивидуальных особенностей, интеллектуальной деятельности (восприятия, мышления, памяти и других познавательных процессов). У.С. Джекебаев в своей работе «О социально-психологических аспектах преступного поведения» справедливо писал, что «в уголовном праве и криминологии о преступнике нужно знать больше, чем то, что определяет его как лицо, совершившее преступление; необходимо более вдумчивое изучение преступника, как личности, ибо она представляет собой взаимосвязь как положительных, так и отрицательных свойств»². Эти обстоятельства, на наш взгляд, хотя и характеризуют личность преступника, но важны, скорее всего, не в стадии индивидуализации наказания, а в стадии исполнения наказания. Но следует согласиться и с Ю.Б. Мельниковой, которая в свое время указывала, что «если отрицательные черты характера человека проявились в совершенном им преступлении (например, жестокость, цинизм и др.), они, безусловно, должны быть учтены судом при индивидуализации наказания»³. Из сказанного можно сделать вывод, что, хотя многие исследователи относят жестокость не к свойствам личности преступника, а к способу совершения преступления, мы считаем, что необходимо говорить о жестокости и как об объективной характеристике конкретного преступления и как о крайне отрицательной черте этой личности. «Жестокость больше характеризует свойства личности, чем что-либо другое»⁴, – справедливо считает И.И. Карпец.

¹ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С. 127–128.

² Джекебаев У.С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. Алма-Ата, 1971. – С. 81.

³ Мельникова Ю.Б. Индивидуализация наказания с учетом личности преступника: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 11.

⁴ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С. 196.

Мы придерживаемся мнения, что в рамках уголовного процесса могут и должны изучаться не все психологические особенности обвиняемого, но только имеющие значение для уголовного дела. В большинстве случаев бывает необходимо и достаточно исследовать те свойства личности обвиняемого, которые:

- 1) указывают на закономерность или случайность принятия и реализации решения о преступлении;
- 2) влияют на способность управлять поведением в конкретной ситуации;
- 3) значимы для прогноза опасности рецидива и определения программы коррекционного воздействия.

Одним из наиболее сложных и важных теоретических вопросов уголовного права и криминологии является отличие понятий «субъект преступления» и «личность преступника», их соотношение, которые на первый взгляд похожи, но по своей сути и содержанию различны.

В вопросе актуальности раскрытия проблемы личности, ее соотношения с субъектом преступления наиболее определяющим является то, что личность – не только объект общественных отношений, но еще и активный субъект.

Вместе с тем, отождествление этих понятий неизбежно приводит к методологической ошибке, которая подстерегает каждого исследователя при их изучении. Поэтому существенным и необходимым моментом как с позиции теории, так и методологии является, как нам представляется, разграничение или отличие этих понятий друг от друга.

Личность преступника и субъект преступления не тождественные и не совпадающие понятия. Как известно, субъект преступления является обязательным элементом состава преступления. Следует заметить, что, если говорить о субъекте преступления как о проблеме науки уголовного права, признаки, характеризующие субъекта преступления, и являются элементами состава преступления, которые выступают в качестве необходимых условий наступления уголовной ответственности. Считаем, что этот аспект в нашей работе освещен достаточно обстоятельно, хотя необходимо сказать, что этих признаков недостаточно для решения других правовых вопросов: о виде и мере наказания, об освобождении от наказания и т.д. Данное мнение подтверждается Н.Ф. Кузнецовой, считающей, что «решение указанных вопросов возможно лишь на основе тщательного изучения и учета признаков,

характеризующих личность преступника»¹. Проблема учета личности преступника при назначении наказания, как нам кажется, находится в состоянии интенсивной научной разработки².

«Таким образом, понятия «субъект преступления» и «личность преступника» выполняют в уголовном праве две функции: первое – функцию одного из условий уголовной ответственности, входящих в ее основание; второе – функцию ее индивидуализации»³.

В литературе по криминологии приводятся различные определения понятия «личность преступника». Так, П.С. Дагель понимал под личностью преступника «совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение»⁴.

Н.М. Кропачев понимал личность преступника в более широком диапазоне, подразумевая под ней совокупность «социально-демографических, социально-политических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение»⁵.

Санкт-петербургская высшая юридическая школа дает следующее определение личности преступника: «...это система социально-психологических свойств и качеств, в которых отражены связи и взаимодействие человека с социальной средой посредством практической деятельности»⁶.

С.М. Иншаков определяет личность преступника, как совокупность отрицательных криминогенных качеств личности, которые обусловили (или могли обусловить) совершение человеком преступления⁷. Такое определение, говоря словами этого же автора, «по сути представляет не что иное, как список различных криминогенных качеств людей»⁸.

¹ Криминология. Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1996. – С. 40.

² См., напр.: Мельникова Ю.Б. Значение указанных в законе обстоятельств, характеризующих личность виновного, для индивидуализации наказания. Личность преступника / Под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского и А.Б. Сахарова. – М., 1975. – С. 207–233; Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск, 1989; Велшев С.А. Принципы назначения наказания. – М., 2004. – С. 185–223; и др.

³ Молдабаев С.С. Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – С. 120–121.

⁴ Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток, 1970. – С. 15.

⁵ Криминология. Учебник / Под ред. В.В. Орехова. – СПб., 1992. – С. 78.

⁶ Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. – С. 165.

⁷ См.: Иншаков С.М. Криминология. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 40.

⁸ Там же. – С. 39.

Наиболее продуктивным нам представляется определение личности преступника, данное Н.Ф. Кузнецовой, которая понимает ее как «систему социальных и психических свойств, образующих ее общественную опасность, которая детерминирует совершение преступления»¹.

Личность не только продукт и объект общественных отношений, но и активно действующий субъект, наделенный свободой воли и возможностью выбора², который способен «изменять поведение в соответствии с изменением ситуации, разумно регулировать и саморегулировать действия»³. Развивая данную мысль, В.Н. Кудрявцев считает, что «любая ситуация влечет за собой тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику субъекта. Ни одна ситуация не может вызвать поведение, отклоняющееся от нормы, без взаимодействия с определенными свойствами личности»⁴.

В науке криминологии наметились и в настоящее время сосуществуют два основных подхода к проблеме личности преступника. Сторонники первой точки зрения – В.Н. Бурлакова, А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова, Н.С. Лейкина, Г.М. Миньковский, В.Н. Кудрявцев и др. – активно отстаивают «личность преступника» как «качественную отличную от личности других граждан»⁵ и определяют ее как «совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение»⁶.

Поскольку личность, как уже говорилось выше, не только продукт и объект общественных отношений, но и активно действующий субъект, наделенный свободой воли и возможностью выбора⁷ и способный «изменять поведение в соответствии с изменением ситуации, разумно регулировать и саморегулировать действия»⁸, то, по словам В.Н. Кудрявцева, «любая ситуация влечет за собой тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику субъекта и ни одна ситуация не может вызвать поведение, отклоняющееся от нормы, без взаимодействия с определенными

¹ Криминология. Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1996. – С. 44.

² См.: Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – М., 2000. – С. 66.

³ Спиркин Н.Г. Сознание и самосознание. – М., 1971. – С. 83.

⁴ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение. Норма и патология. – М., 1982. – С. 87.

⁵ Криминология. – М.: Юрид. лит.-ра, 1988. – С. 88.

⁶ См.: Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1997. – С. 26–30.

⁷ Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Указ. соч. – С. 66.

⁸ Спиркин Н.Г. Сознание и самосознание. – М., 1971. – С. 83.

свойствами личности»¹. К.Е. Игошев в своих исследованиях пошел дальше, предлагая вести типологический подход в отношении каждого преступника, рассматривая его в виде особого социального типа личности².

Но ряд авторов – Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гишинский, И.И. Карпец, А.М. Яковлев и др. – отрицают существование такого особого явления, как «личность преступника», и считают вполне достаточным использование традиционного и точного по своему содержанию понятия «субъект преступления».

Так, по мнению Я.И. Гишинского, образ преступного человека, подлежащего жесточайшим наказаниям, констатируется общественным сознанием и властью в назидание другим, чтобы неповадно было³. М.Я. Яковлев считает, что «чем больше совершенства приписывается господствующим социальным условиям, тем порочней выглядит личность преступника, свободного выбрать добро и зло... Чем более безупречным представляется общество, тем более порицаемым и порочным выглядит преступник. В этом случае все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества можно объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей»⁴.

Я.М. Яковлев, отрицая позицию существования качественного отличия личности преступника от не преступника, считает подход к изучению внутренних психологических процессов субъективным и малопродуктивным; объектом криминологического исследования, по его мнению, должно быть лишь преступное поведение. «Поведение – это и есть личность»⁵ – считает Я.М. Яковлев, делая основной акцент в своей работе на проблему социальной адаптации, специфику социальных ролей.

Л.В. Кондратюк также считает, что в каждом человеке можно найти систему деструктивных «страстей»⁶ – оснований преступного поведения. В подтверждение данной мысли он предлагает вспомнить Сократа и И.В. Гете, которые также признавались в своей способности к преступлениям. Таким образом, по его мнению, имеющие психо-духовную природу основания преступности, как элементы ее

¹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение. Норма и патология. – М., 1982. – С. 87.

² См. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.

³ См.: Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб: Питер, 2002. – С. 73.

⁴ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. – М., 1985. – С. 35–36.

⁵ Там же. – С. 109.

⁶ См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). – М.: Норма, 2001. – С. 85.

детерминации (они необходимы, но не достаточны), заложены в каждом человеке. «Личность преступника», как концептуальная конструкция в свете сегодняшних данных науки, устарела, считает Л.В. Кондратюк¹.

Придерживаясь этой же позиции, Я.И. Гишинский считает, что, следуя букве уголовного закона, все люди (или почти все) в течение всей жизни совершают уголовные преступления. Но не следует ли их этого, что все личности – «преступники»? Но в чем их качественное отличие от «непреступников»? Свои доводы он аргументирует тем, что никто никогда не назвал ни одного личностного свойства, признака, качества, присущего только «преступнику» (или же «непреступнику»). Злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т.д. и т.п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе никогда не привлекавшегося к уголовной ответственности².

Диаметрально противоположные взгляды были высказаны А.Б. Сахаровым, считавшим, что «есть все основания выделять подобную личность как качественно отличную от остальных граждан, антиобщественную личность. Без этого учение о личности теряет всякий смысл»³. Джаянбаев К.И. убедительно поддерживает мысль, что с введением термина «личность преступника» определенным образом подчеркивается, во-первых, что речь идет о том, кто виновно нарушил уголовно-правовой запрет, во-вторых, что имеются в виду не все характеристики данного человека, а только социально приобретенные⁴. Поэтому многие криминологи говорят не только о «личности преступника», а о «личности, совершившей преступление».

В рамках изучения личности преступника проводилось огромное количество частных криминологических исследований, анализировались социально-демографические характеристики правонарушителей, особенности их профессиональной адаптации, семейного окружения, образа жизни. Исследованию подвергались свойственные преступникам ценностные ориентации, особенности правосознания, системы интересов и потребностей, самооценка, уровень притязаний, механизмы психологической защиты и самооправдания и многое другое.

¹ См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). – М.: Норма, 2001. – С. 110–111.

² См.: Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб: Питер, 2002. – С. 73.

³ Сахаров А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право, 1970. – №10. – С. 11.

⁴ См.: Джаянбаев К.И. Криминология. Курс лекций. – Бишкек: Просвещение, 2003. – С. 103.

Однако с развитием и углублением научных разработок специалисты вынуждены были констатировать, что ни одна из взятых сама по себе особенностей личности не способна дифференцировать преступника от не преступника. Было установлено, что нет такого единого и единственного свойства личности, которое вызывало бы отклоняющееся поведение и отличало бы лиц, склонных к такому поведению, от лиц, соблюдающих социальные нормы.

Наиболее точную позицию в этом спорном вопросе, как нам кажется, занял А.Р. Ратинов, придерживающийся мнения, что «принципиально различает преступников от не преступников не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом удельный вес каждого... то есть комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы»¹.

Мы склонны к мнению, что, как бы положительно или отрицательно не характеризовался человек, он в любом случае остается личностью, поскольку «не признать в преступнике личность – это значит свести человека, как общественное существо, к биологическому индивиду»². «Сущность особой личности составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество»³, – писал профессор А.Б. Сахаров. И.И. Карпец аргументировано предлагал отождествлять понятия субъект преступления и личность преступника⁴.

Аналогична и позиция А.И. Долговой, которая пишет следующее: «Качественное отличие между личностью преступника и не преступника определяют не отдельные признаки, а лишь их совокупность»⁵.

В отличие от исследовательских изысканий криминологов и психологов, цели и задачи, преследуемые правоприменительной деятельностью, носят более ограниченный и конкретно направленный характер. Требование закона об учете личности виновного, разумеется, не предполагает тотального изучения всех ее аспектов, свойств и характеристик.

Как нам кажется, изучение личности преступника необходимо прежде всего для того, чтобы выяснить, может ли он быть субъектом преступления, играет ли оно

¹ Ратинов А.Р. Личность преступника: психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси, 1979. – С. 162.

² Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л.: ЛГУ, 1968. – С. 86.

³ Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право, 1968. №9. – С. 65.

⁴ См.: Карпец И.И. Проблемы преступности. – М., 1969. – С. 102.

⁵ Долгова А.И. Криминологические проблемы взаимодействия социальной среды и личности: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1980. – С. 19.

существенную роль как для установления состава преступления, так и для точной квалификации преступления, помогает ли установить существенные признаки состава преступления. Главным направлением изучения личности преступника являются:

- установление в действиях обвиняемого состава преступления;
- установление степени и характера ответственности;
- индивидуализация наказания;
- выяснение степени исправления и перевоспитания осужденных;
- деятельность общественности в борьбе правонарушениями;
- выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления;
- обобщение материалов судебной и следственной практики¹.

С.А. Велиев в дополнение ко всем известным моментам в изучении личности виновного обоснованно предлагает выяснение его правового статуса², основным обстоятельством которого понимается официально удостоверенный факт осуждения в прошлом лица за совершенное им преступление³. По мнению А.Н. Таргабаева, Н.М. Кропачева, А.И. Бойцова, определяющим моментом является вступивший в законную силу обвинительный приговор, который возникает с момента вступления обвинительного приговора в законную силу и прекращается в связи с ее погашением либо снятием⁴.

Глубокое и всестороннее исследование личности преступника чрезвычайно важно для успешного решения ряда научных и практических вопросов, связанных как с каждым уголовным делом, так и с общими задачами борьбы с преступностью. От полноты и широты изучения личности преступника зависит дальнейшая судьба человека – размер и вид наказания, условия его отбывания т.д.

Употребляя правовую категорию «субъект преступления», мы тем самым как бы резюмируем лицо, совершившее преступление, в качестве официально признанного преступника.

Итак, мы считаем абсолютно верным, что исследование субъекта преступления не может и не должно ограничиваться лишь его возрастом и вменяемостью.

¹ См.: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. – М., 1975. – С. 154.

² См.: Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 219.

³ См.: Евтеев М.П. Погашение и снятие судимости. – М., 1964. – С. 6.

⁴ См.: Таргабаев А.Н., Кропачев Н.М., Бойцов А.И. Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник ЛГУ, 1990. – Сер. 6. – Вып. 2. – №13. – С. 89.

При разграничении понятий «субъект преступления» и «личность преступника» в первую очередь необходимо уяснить, что «субъект преступления» как уголовно-правовая категория по своей сути и содержанию уже, чем понятие «личность преступника». Субъект преступления, как нами было отмечено ранее, представляет собой понятие правовое и определяет юридическую характеристику лица, совершившего преступление. Вместе с тем, субъект преступления как уголовно-правовое понятие ограничено только определенными признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость), которые необходимы для наступления уголовной ответственности применением судом соответствующего наказания и т.д. А личность преступника, соответственно, может выступать как одно из оснований индивидуализации уголовной ответственности и уголовного наказания (ч. 3. ст. 53 УК КР), отдельные свойства личности преступника находят свое отражение в перечне смягчающих и отягчающих обстоятельств ст.ст. 54, 55 УК КР, при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 56 УК КР), при применении условного осуждения (ст. 63 УК КР).

Институт освобождения от уголовной ответственности и наказания также учитывает особенности личности преступника. Другими словами, личностные характеристики преступника с учетом его индивидуальных качеств играют весьма важную практическую роль в таких наиболее существенных областях уголовного права, как дифференциация уголовной ответственности и наказания. При этом, по мнению О.Д. Ситковской, необходимо учитывать те свойства и состояния личности виновного, которые проявились в механизме преступного поведения или значимы для индивидуализации наказания, т.е. уголовно релевантные¹. В этом, по нашему мнению, состоит основное предназначение отграничения личности преступника и субъекта преступления.

Таким образом, «субъект преступления» как уголовно-правовое понятие по своему содержанию более конкретно по отношению к понятию «личность преступника», так как ограничено законодательными признаками, которые имеют уголовно-правовое значение для лица, совершившего преступное деяние. Другими словами, человек, по верному замечанию Н.А. Стручкова, становится субъектом

¹ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998. – С. 225, 227.

преступления тогда, когда, обладая личностью преступника, он совершил общественно опасное деяние¹.

Наиболее четкую и интересную позицию по данной проблеме, на наш взгляд, занял П.С. Дагель, который особо подчеркивал, что понятие «субъект преступления» и «личность преступника» имеют различные функции, при этом, по его мнению, первая характеризует одно из условий уголовной ответственности, а вторая отражает индивидуализацию уголовного наказания, т.е. если понятие «субъект преступления» отвечает на вопрос, кто может нести уголовную ответственность за совершенное преступление, то понятие «личность преступника» дает ответ, какую ответственность должно нести лицо, совершившее преступное деяние².

Данную позицию поддерживает и А.Б. Сахаров, делая особый акцент на то, что понятие «личность преступника» применимо лишь к такому лицу, которое признается субъектом преступления³.

Следует помнить, что если субъект преступления является одним из центральных понятий уголовного права, то личность преступника является объектом исследования криминологии. Следовательно, по справедливому мнению В.Г. Павлова, понятия «субъект преступления» и «личность преступника» как с точки зрения теории, методологии и практической значимости необходимо разграничивать, а также продолжать более активные научные исследования в этом направлении⁴.

Личность преступника, как более широкое и емкое понятие, таким образом, включает себя, помимо признаков субъекта преступления (вменяемости и возраста), еще и самые различные характеристики и особенности, которые лежат за пределами состава, но обязательно учитываются судом при вынесении приговора за совершенное общественно опасное деяние. При этом исследуется личность преступника в ее взаимодействии с социальной средой и наряду с социально-демографическими данными: возраста, пола, социального положения, образования, рода занятий, профессии, семейного положения, жилищных и материальных условий и ряда других признаков.

¹ См.: *Стручков Н.А.* Личность преступника / Методологические проблемы учения о личности преступника (тезисы выступлений). – Горький, 1976. – С. 8.

² *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток, 1970. – С. 10, 15–16.

³ См.: *Сахаров А.Б.* Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника (тезисы выступлений). – Горький, 1976. – С. 2.

⁴ См.: *Павлов В.Г.* Субъект преступления. – М., 2001. – С. 242.

Как мы указывали ранее, личность преступника отличается от личности неправоверника наличием таких основных нравственно-психологических качеств, составляющих содержание общественной опасности, которые во взаимодействии с обстоятельствами внешней среды детерминируют преступление.

Некоторые ученые включают в личность преступника самые различные качества, состояния, социальные роли личности.

Чаще всего в криминологии выделяют следующие группы признаков, которые характеризуют личность преступника: социально-демографические, уголовно-правовые признаки, социальные проявления в различных сферах жизнедеятельности, нравственные свойства, психологические признаки, физические (биологические) характеристики¹.

Совершенно очевидно, что не социальное происхождение, материальное и семейное положение, уровень образования, психофизические особенности постоянно отличают личность преступника, в том числе корыстного, от законопослушных граждан. Большинство граждан с теми же, что и у правонарушителей, социальными параметрами не совершают преступлений. Поэтому в структуре личности преступника необходимо выяснить элементы, криминогенность и характер связи которых приводят к преступлению. Так, изучение личности корыстного преступника по материалам уголовных дел показало, что некоторые из психологических качеств виновных, детерминировавших совершение преступления, в одних половозрастных группах встречаются чаще, в других – реже, в-третьих – их практически не наблюдаются. Например, один из распространенных мотивов хищений, связанных с употреблением спиртных напитков, почти в два раза чаще наблюдается у мужчин, чем у женщин, и, напротив, мотивы хищений, связанные с удовлетворением необходимых жизненных потребностей (покупка необходимой одежды, предметов питания и т.д.), у женщин встречается в три раза чаще, чем у мужчин. Причину этих особенностей нельзя объяснять непосредственно биологическими различиями полов, здесь, по словам В.А. Ядова, важно отметить, что «быть мужчиной или женщиной – значит выполнять неодинаковые функции в различных социальных системах»².

¹ См., напр.: Криминология / Под ред. А.И. Долговой. – М., 1997. – С. 280; *Алексеев А.И.* Криминология. – М., 1998. – С. 85–88; *Инишаков С.М.* Криминология. Учебник. – М., 2000. – С. 43–46; *Каиржанов Е.И.* Криминология. Учебник. – Алматы, 2002.

² *Ядов В.А.* Социологические исследования. – М., 1972. – С. 37.

Исследование структурных элементов личности, характера их связей необходимо для эффективного воспитания в человеке качеств, исключающих преступное поведение. Структура личности корыстного преступника складывается из компонентов, характеризующих ее внутренний мир, нравственно-психологические особенности. В этой связи становится очевидным, что пол, возраст, темперамент и т.п. не детерминируют сами по себе преступлений. К тому же перечисленные и иные социально-демографические характеристики, дифференцированные по своим признакам (а именно: только в связи с этими признаками они имеют научное или практическое значение), не являются общими и не совпадают у разных категорий корыстных преступников. Так, лица, совершившие кражи (воры), по своим социально-демографическим признакам достаточно определенно отличаются от лиц, совершивших хищение путем присвоения или растраты (расхитители). Если среди воров преобладают лица мужского пола (84,4%), то среди расхитителей, наоборот, большинство (60%) составляют женщины. По уровню образования и семейному положению дифференциация воров и расхитителей также весьма значительна. Например, расхитители составили 73%, тогда как воры – 58,1%; среди воров лиц с высшим образованием – 0,6%, расхитителей – 8%. Среди воров женатых (замужних) – 27,5%, а среди расхитителей – 72%.

Из приведенных данных видно, что названные признаки для общей структуры личности корыстного преступника нельзя однозначно считать криминогенными или антикриминогенными. Иное дело – при анализе конкретного преступления. В нем они в значительной степени могут объяснить особенности, направленность и содержание акта преступного поведения.

Эмпирические исследования, проведенные нами, показали некоторую специфику мотивов совершения преступлений применительно к возрастным особенностям корыстных преступников. Так, анализ судебно-следственной практики показал, что доминирующим мотивом среди расхитителей является мотив, связанный с удовлетворением насущных жизненных потребностей (покупка необходимой одежды, предметов питания и т.д.), с наибольшим своим значением – 70% – в возрастной группе 18–25 лет. В других возрастных группах (26–29, 30–39, 40–49, 50–59 лет) удельный вес этого мотива хотя и является преобладающим, но все-таки значительно меньше по сравнению с другими возрастными группами материальной

обеспеченностью, и в то же время наблюдаются большие потребительские запросы – стремление к престижному потреблению в одежде, досуге и т.д., что и подтверждается наибольшим среди других возрастных групп удельным весом таких мотивов хищений, как приобретение дорогих вещей (13%), проведение досуга на уровне категорий граждан, занимающих высокое социальное положение (13%).

В возрастной группе 26–29 лет резко снижен удельный вес (до 46,5%) мотивов, связанных со стремлением удовлетворить необходимые жизненные потребности, по сравнению с возрастной группой 18–25 лет, где доля этих мотивов наибольшая – 70%. В то же время в возрастной группе 26–29 лет более, чем в три раза, по отношению к возрастной группе 18–25 лет возрастают мотивы, связанные с употреблением спиртных напитков – 23,2% против 6,4%.

Доля этих мотивов, являясь примерно одинаковой в возрастных группах 30–39 и 40–49 лет, соответственно 21% и 23%, резко снижается в старшей возрастной группе – 50–59 лет – до 10%.

Примечательно, что хищения по мотивам, связанным с употреблением спиртных напитков, в значительной степени распространены среди малообеспеченных лиц, которые в процессе преступной деятельности совершали хищения и для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Очевидно, что эта категория расхитителей с материальной и социальной неустроенностью в большей степени, чем обеспеченные слои, подготовлена к употреблению спиртных напитков, наркотиков.

Приведенные примеры убеждают нас в том, что половозрастные особенности, социальное происхождение, национальная и профессиональная принадлежность, уровень образования и др. могут только объяснить внутренний мир личности (в частности, корыстного преступника), особенности ее структуры, установить этапы формирования тех или иных психологических особенностей, но в структуру личности преступника не входят.

Представляется правильным считать признаки, характеризующие общую нравственно-психологическую направленность личности, их качественное содержание, главным (по отношению к демографическим, психофизиологическим признакам) материалом структуры личности преступника вообще, корыстного в

частности, к которому относятся потребности, интересы, ценностные ориентации, взгляды, убеждения, мотивы, установки.

Для более полного представления о лице, совершившем преступление, необходимо располагать (кроме социально-демографического и нравственно-психологического материала) информацией уголовно-правового характера. Речь в данном случае идет об уголовно-правовой характеристике личности преступника, которая складывается из совокупности сведений о направленности преступного поведения, мотивах и целях преступления, прошлых судимостях, рецидиве, совершении одновременно нескольких преступлений и т.п.¹

Личность преступника при совершении любого общественно-опасного деяния, как правило, рассматривается через призму трех основных характеристик: социально-демографическая, нравственно-психологическая и уголовно-правовая, которые находятся в тесной взаимосвязи и являются основанием для разработки в дальнейшем типологических особенностей личности преступника и классификации правонарушителей, тем самым являясь отправной точкой анализа причин преступного поведения и основным объектом профилактического воздействия в целях предупреждения преступлений.

В заключении следует отметить, что исследование личности виновного достаточно сложный процесс, который заключается не в том, что приходится собирать и исследовать широкий круг данных о личности, а в том, что любая личность – сложное, многостороннее явление и в ходе уголовного судопроизводства трудно выявить все ее характеризующие признаки. Изучение личности виновного во всех деталях потребовало бы длительного наблюдения за ним в различных жизненных ситуациях, что не так просто, а порой даже невозможно. Однако тщательное исследование имеющихся данных о личности виновного и их учет при назначении наказания – неотъемлемая составляющая основ, обеспечивающих справедливость, обоснованность и законность судебного приговора. Всестороннее изучение личности виновного призвано свести к минимуму судебную ошибку при применении наказания и в то же время обеспечить в рамках уголовно-правовых санкций целесообразность и рациональность назначаемых наказаний.

¹ См.: Павлов В.Г. Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда // Вестник Ленинградского государственного университета: История КПСС, научный коммунизм, философия, право, 1985. – Вып. 4. – № 27. – С. 109–112; Проблемы борьбы с социальным паразитизмом и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению. – Л., 1989. – С. 18–52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная юридическая наука рассматривает преступление как социальное и правовое явление, более конкретно – как деяние, т.е. выраженный в форме активного действия или пассивного бездействия акт поведения (поступок, деятельность) человека. Его же мысли, психические процессы, убеждения и их выражение вовне, например, в дневниках, высказываниях, сколь негативными бы они ни были, преступлениями не являются. Конечно, устное или письменное слово тоже поступок, и потому ряд «словесных» деяний признаются преступными (угроза жизни, угроза с целью завладения имуществом). Однако такого рода поведение нацелено на причинение вреда, запрещенного уголовным законом, – вреда здоровью, имущественным правам личности, чести. Поэтому объективирование своих мыслей, например, высказывание приятелю намерения убить его и реальная угроза жизни – совершенно различные виды поведения¹.

Люди, совершая различные поступки, в том числе и преступления, могут объединять свои усилия и принимать коллективные решения. Однако уголовная ответственность всегда строго персональна. Не могут рассматриваться в качестве субъекта преступления масса людей, толпа либо та или иная группа лиц. В этом смысле распространенная в уголовном законодательстве ряда государств формулировка квалифицированного вида отдельных преступлений, как «то же деяние, совершенное группой лиц» или «организованной группой», – не вполне точна. Она сохраняется лишь как дань традиции. Сказанное рассматривается как отягчающее обстоятельство и относится также и к специальным видам преступных сообществ (банде, незаконному вооруженному формированию). Уголовную же ответственность несет не банда, а ее участники, создатели или руководители, каждый за свое преступление. Поэтому нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что «уголовное право в своих нормах и уголовно-правовая наука в своих понятиях признают коллективный субъект преступления через институт соучастия, через понятия «банда», «группа лиц» и т.д.²

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 120–121.

² См.: Хачатуров Р.П., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти, 1995. – С. 98.

Затронутая проблема уголовной ответственности юридических лиц является наиболее сложной и спорной и имеет как своих противников, так и сторонников. И здесь нельзя не отметить, что институт уголовной ответственности юридических лиц в ряде зарубежных государств уже давно получил свое законодательное закрепление. Так, уголовная ответственность юридических лиц как субъектов преступления наиболее полно проработана в США, Англии, Франции, Италии, Нидерландах и других странах¹.

Считаем нецелесообразным включение на современном этапе в Уголовный кодекс КР специальных норм об уголовной ответственности юридических лиц, что явно вытекает из содержания Общей части нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики 1998 г. Взвесив все аргументы «за» и «против», по этому пути пошли и законодатели других стран СНГ – России, Казахстана, Узбекистана и др.

Уголовная ответственность юридических лиц несовместима с основными принципами и институтами кыргызстанского уголовного права, в частности с фундаментальным принципом виновной и личной ответственности, игнорирующей нравственное вменение как основу права государства на применение уголовного наказания. Более того, по нашему мнению, данное направление уголовно-правовой теории является ее тупиковой ветвью, нисколько не способствуя реальным интересам противодействия преступности.

Наряду с прочими признаками субъект преступления должен обладать еще одним: состоянием вменяемости, т.е. отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Невменяемые лица не могут признаваться субъектом преступления, а потому они не подлежат уголовной ответственности. По общему правилу, к ним применяются лишь меры медицинского характера, так как не являются наказанием за совершение преступления. Сама же формула невменяемости традиционно рассматривается в уголовном праве как совокупность медицинского и юридического критериев, характеризующих психическое состояние лица во время совершения им преступления, с которым закон связывает исключение уголовной ответственности.

Решение проблемы невменяемости является главным вопросом судебной психиатрии – науки, тесно связанной с уголовным правом, основная цель которой сводится к тому, чтобы помочь следствию и суду решить вопрос: имеют ли они дело с

¹ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 11–19.

преступником или психически больным человеком? Главным же условием правильного решения вопроса является понимание психической деятельности человека и соответствие трактовки невменяемости, установленной наукой и практикой, закону.

Правильное понимание теоретических предпосылок вменяемости-невменяемости служит установлению истины, защите прав психически больных, предупреждению повторных общественно опасных деяний и в целом медико-социальной реабилитации психически больных в обществе.

С учетом пробела в законодательстве и исходя из законодательной формулировки невменяемости и ее признаков, считаем возможным предложить следующее определение вменяемости:

«Вменяемость есть такой уровень психического здоровья лица в момент совершения уголовно противоправного деяния, который позволял ему осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных действий (бездействия) и руководить ими».

Отдельно следует выделить ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости, при котором данные критерии, в более полной форме, как и критерии невменяемости, должны найти свое законодательное закрепление в ст. 20 УК КР с четкой формулировкой психических аномалий как нового института в отечественном уголовном праве.

Ограниченная вменяемость, как разновидностью вменяемости, отличается от полной вменяемости тем, что вменяемое лицо не полностью отдает отчет в своих действиях и не может ими полностью руководить во время совершения преступления, так как имеет психическое расстройство, ограничивающее его интеллектуально-волевые возможности.

В связи с изложенным предлагается ввести в ст. 20 УК КР дополнение под названием «Ограниченная вменяемость»:

«1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления вследствие психического расстройства в значительной степени, не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо контролировать их, подлежит уголовной ответственности и наряду с наказанием ему назначаются принудительные меры медицинского характера.

2. Лицо с психическими аномалиями, которые во время совершения преступления незначительно ослабляли его интеллектуальные и волевые возможности, подлежит уголовной ответственности и наказанию на общих основаниях.

3. Психическое расстройство, значительно снижающее вменяемость лица, совершившего преступление, учитывается судом при назначении наказания».

Существенное значение имеет правильное разграничение преступлений по признакам специального субъекта. Под этими субъектами понимаются лица, «характеризующиеся дополнительно особыми лишь ему присущими качествами»¹, главным образом относящимися к профессии, занимаемой должности или выполняемым данным лицом обязанностям.

Признаки специального субъекта – это дополнительные признаки состава преступления. Их специфика, как и факультативных признаков, характеризующих другие элементы состава преступления (объективную и субъективную стороны преступления), выражается в том, что они:

– могут выступать конструктивными признаками состава преступления, без которых данный состав отсутствует; например, субъектом преступления, посягающего на порядок предоставления финансовых льгот (ст. 215 УК КР) может быть лишь сотрудник налоговых либо таможенных органов Кыргызской Республики; если же эти действия совершены иными служащими, данный состав преступления отсутствует;

– могут выступать квалифицирующим признаком, образующим состав преступления при отягчающих обстоятельствах; например, обман потребителей совершается лицом, ранее судимым за обман потребителей;

– могут иметь значение для индивидуализации наказания, выступая в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего его.

Учитывая весьма неблагоприятную социально-экономическую обстановку в республике, финансовый кризис на фоне непрекращающегося общего экономического кризиса вполне вероятно прогнозирование дальнейшего обострения наркоситуации и роста наркотизма среди безработной молодежи. Так, по мнению В.В. Лунеева, особенно интенсивный рост преступности в третьем тысячелетии будет

¹ Орлов В.С. Субъект преступления. М., 1956. С.138.

наблюдаться в маргинальных, главным образом молодежных слоях населения, более высокими темпами, чем раньше, будет происходить включение в совершение противоправных действий несовершеннолетних и детей в возрасте до 14 лет¹.

Сбор экспертных оценок, проведенный Саяковой М.К. выявил, что для несовершеннолетних характерны следующие причины, побудительные мотивы и непосредственные поводы приобщения к немедицинскому употреблению, наркотиков: любопытство (обусловленное возрастным фактором), стремление таким образом утвердиться в неформальной группе, «социализироваться»; подражание; вовлечение в злоупотребление наркотиками со стороны других сверстников и более взрослых людей, насильственное вовлечение в криминальную среду и др.²

Никто в мире не знает точное число наркоманов, поскольку многие не афишируют свою пагубную страсть. Наркомания – это коллективный суицид, ибо большинство наркозависимых не доживает до 30 лет³.

Главным приоритетом в государственной политике борьбы с наркотизмом необходимо признать политику в области сокращения спроса на наркотики, поскольку они представляют глобальную угрозу здоровью населения, экономике, правопорядку и, наконец, безопасности нашего государства.

Не менее актуальным является и проблема алкоголизма, который, согласно криминологическим исследованиям, обладает наиболее высокой степенью криминогенности, которая в первую очередь обусловлена тем, что алкоголизм способствует развитию других психических аномалий, ведет личность к дезадаптации, выключает ее из нормальных связей и отношений и тем самым в значительной степени облегчает совершение преступлений. По мнению многих исследователей, «алкоголь во многом определяет поведение употребляющих его людей, этим обуславливая социальную значимость проблемы»⁴.

В соответствии с поставленными задачами и в целях исключения возможности произвольного, искаженного и ошибочного толкования ст. 21 УК КР следует

¹ См.: Известия методического центра профессионального образования и координации исследований, 1997. – №3. – С. 43.

² См.: Саякова М.К. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия наркотизму несовершеннолетних. – Бишкек, 2003. – С. 29.

³ См.: Лисовский В.Т., Колесников Э.А. Наркотизм как социальная проблема. – СПб., 2001. – С. 87.

⁴ См.: Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушение поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал, 1986. – №6. – С. 126.

сформулировать уголовно-правовой институт, регламентирующий ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в следующей редакции:

«1. Лицо, совершившее преступление в состоянии любой степени опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

2. Совершение преступления в состоянии опьянения является основанием для установления нуждаемости лица в принудительном лечении от алкоголизма и наркомании наряду с отбыванием наказания».

Считаем, что данная формулировка закона по ч. 1 ст. 21 УК КР исключит возможность смягчения наказания таким лицам независимо от степени их опьянения и позволит не рассматривать среднюю степень опьянения в качестве смягчающего обстоятельства, а тяжелую – как обстоятельство, исключающую вменяемость. А норма ч. 2 ст. 21 УК КР укрепит общепрофилактическое воздействие законодательного установления об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, еще дополнительно и в виде принудительного лечения.

Следующим важным аспектом в рассматриваемом вопросе является достижение лицом, совершившем преступление, определенного возраста, как одного из общих условий привлечения лица к уголовной ответственности.

Необходимость установления определенного (минимального) возраста уголовной ответственности обусловлена прежде всего тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими. Современное уголовное право не допускает привлечение малолетнего к ответственности за действия, опасность которых он не осознает.

Уголовные законы государств при установлении возраста уголовной ответственности, прежде всего, учитывают данные наук – физиологии, общей и возрастной психологии и педагогики – о возрасте, начиная с которого у нормально развивающегося подростка формируются указанные выше способности. Многие запреты, которым государство придает значение правовых, доступны для понимания и малолетнего ребенка: нельзя присваивать чужое, нельзя обижать других и т. д. Однако для привлечения лица к уголовной ответственности требуется, чтобы у него

были известный уровень правового сознания, способность оценивать не только фактическую сторону своих поступков, но и их социально-правовую значимость¹.

Достижение установленного возраста уголовной ответственности предполагает также наличие у лица способности правильно воспринять уголовное наказание, ибо только в этом случае оно может достигнуть своей цели.

Таким образом, минимальный возраст уголовной ответственности не может быть ниже возраста, когда у человека образуются определенные правовые представления, когда он в состоянии уяснить и усвоить уголовно-правовые запреты. Однако этого недостаточно для установления возраста уголовной ответственности. Процесс ускорения физического и интеллектуального развития подрастающего поколения (акселерация) неизбежно ведет к тому, что и способность правильно оценивать свое поведение будет проявляться во все более раннем возрасте. Но это не требует обязательного снижения возраста уголовной ответственности.

Результаты нашего экспресс-исследования подтвердили гипотезу о том, что дети, проживающие в новостройках, в большей степени склонны к проявлениям дивергентного поведения. А именно учащиеся в школах новостроек более агрессивны и враждебны, чем ученики из городских школ. К тому же, городские ученики, в отличие от учеников средней школы №79, отличились конформизмом. В то же время у школьников из средней школы №79 («Арча-Бешик») более высокий коэффициент угрызения совести, чувства вины, что свидетельствует о том, что они осознают то, что они, как бы «плохие». А это означает, что они могут легче поддаваться коррекции.

На основании анализа нынешнего состояния общества и проведенного исследования мы рекомендуем следующее относительно детей из новостроек и вообще всей молодежи, воспитывающееся в нынешнее «переходное» время.

Организовать досуг школьников, а для этого: построить спортивные площадки; организовать различные кружки, спортивные секции; вообще обеспечить занятость подростков, в особенности это касается новостроек, где подобные места проведения досуга еще совсем не организованы;

Регулярно проводить профилактические мероприятия в школах и других учебных заведениях, а именно информационного вида: информировать

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1. – М., 2002. – С. 269.

несовершеннолетних об их правах и обязанностях, о требованиях, предъявляемых государством и обществом к выполнению установленных для данной возрастной группы социальных норм. Регулярно проводить мероприятия по информированию учащихся о вреде и последствиях употребления алкоголя и наркотиков.

Ужесточить контроль за средствами массовой информации на наличие видеозаписей и изображений сцен насилия, жестокости и натурального секса, ориентации молодежи на продукты черного рынка, в которых проповедуются культ цинизма, насилия и половая распущенность, формирующие у молодежи криминальные установки и ущербное самосознание.

Установить запрет на рекламу табачных изделий и спиртных напитков в телевидении и на уличных рекламных щитах, что давно уже сделали многие страны, в том числе Россия.

Пользуясь доступностью телевидения, усилить ее воспитательную роль, пропагандируя здоровый образ жизни, спорт и т.д. и вести информационную профилактическую работу о вреде наркотиков и алкоголя через молодежные телевизионные программы на разных языках и доступном для понимания виде.

С помощью СМИ вести образовательную деятельность, направленную на просвещение родителей в области детской и подростковой психологии и корректного воспитания детей.

Постоянно доводить до сведения родителей и педагогов тот факт, что школьники, особенно подросткового возраста, проживающие в новостройках, требуют особого педагогического подхода.

Таким, образом, чтобы решить эту проблему насколько это представляется возможным, требуется объединить усилия государства, родителей и педагогов, средств массовой информации и вообще всего общества. Эта проблема должна касаться всех, так как нынешние дети – это будущее нашего общества, нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I. НОРМАТИВНЫЕ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

1. Конституция (Основной Закон) Кыргызской Республики / Интернет ресурс: www.24.kg
2. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991. – №52.
3. Декларация прав ребенка. Резолюция 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г.
4. Дигесты Юстиниана. – М., 1984.
5. Закон «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики» от 16 декабря 1992 г.
6. Закон КР «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 13 января 2000 г. / Интернет ресурс: www.toktom.kg.
7. Закон КР «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 13 января 2000 г.
8. Закон КР «Об охране здоровья» от 9 января 2005 г.
9. Закон Кыргызской Республики « Об обороне» от 13 апреля 1994 г. №1462.
10. Закон Кыргызской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 22 мая 1998 года № 66.
11. Закон Кыргызской Республики «О статусе военнослужащих» № 930-ХП от 1 июля 1992 г.
12. Закон Кыргызской Республики «Об основах государственной молодежной политики» от 26.02.2000 г.
13. Закон Кыргызской Республики «Об основах государственной молодежной политики» от 26.02.2000 г.. – №46.
14. Закон Кыргызской Республики «Об охране и защите прав несовершеннолетних» от 22.11.1999 г.
15. Законодательство Древней Руси. – Т. 1. – М., 1984.
16. Законы Ману. – М., 1960.
17. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. – М., 1940.

18. Каролина. – Алма-Ата: Наука, 1967.
19. Конвенция МОТ 1999 года «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда».
20. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов, 1990.
21. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации. – М., 2008.
22. Концепция противодействия наркомании и незаконному обороту наркотиков в Кыргызской Республике. Утверждена Указом Президента КР от 22 декабря 2004 г. №445.
23. *Лунев В.В.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996.
24. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение, 1996. – №1.
25. Национальная стратегия сокращения бедности на 2003-2005 гг., утвержденная Постановлением Правительства КР от 8 мая 2003 г. – №269.
26. Новый уголовный кодекс Франции. – М., 1993.
27. Основы уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Сборник законов СССР 1938–1967 гг. – Т. 2. – М., 1968.
28. Постановление СНК СССР ЦК ВКП(б) «О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик» от 29 июля 1935 г. // СЗ СССР, 1935. – №41.
29. Постановление «О Национальной программе Кыргызской Республики по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств на 1993-1995 гг.» от 12 июля 1993 г.
30. Постановление СНК СССР ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. // СЗ СССР, 1935. – №32.
31. Правила ООН 1990 г., касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы.
32. Примерный уголовный кодекс (США). – М., 1969.
33. Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее.
34. Рекомендация 2 Комитета ООН по правам ребенка /www l.umn. edu.

35. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1998. – Т. 6.
36. Сб. Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 – июнь 1944 г. – М., 1944.
37. Сборник гендерно-разделенной статистики. Нацстатком КР. – Бишкек, 2002.
38. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. – М., 1953.
39. Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР. – М., 1995.
40. Сборник стандартов ООН в области предупреждения преступности и правосудии. Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1992.
41. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов. – М., 1998.
42. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов. – М., 1990.
43. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. – Т.2. Особенная часть / Под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 1999.
44. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики. Изд-во Академия, 2008.
45. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. – Бишкек, 2008.
46. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Алматы, 1998.
47. Уголовный кодекс Киргизской ССР 1966 г.
48. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (по состоянию на 15 февраля 2008 г.). – Бишкек, 2008.
49. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – Ташкент, 1995.
50. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. / С комментарием Б.В. Волженкина. – СПб., 1996.
51. Уголовный кодекс РСФСР 1960г. – М., 1962.
52. Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В.В. Запевалова. – СПб., 2001.

53. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» от 10 декабря 1940 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. – М., 1953.

54. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия могущие вызвать крушение поездов» от 31 мая 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. – №52.

55. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. – № 12.

56. Бюллетень Верховного Суда КР. 2000-2004 гг.

57. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. – № 4.

II. КНИГИ И МОНОГРАФИИ

1. *Аванесов Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования. – М., 1972.

2. *Алкоголизм – путь к преступлению.* – М., 1966.

3. *Антонов-Романовский Г.В.* Пьянство под запрет закона. – М., 1985.

4. *Антонян Ю.М.* Причины преступного поведения. – М., 1992.

5. *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1998.

6. *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. – М., 1987.

7. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. – М., 2004.

8. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. – М., 1970.

9. *Багрий-Шахматов Л.В.* Уголовная ответственность и наказание. – Минск, 1976.

10. *Бейсенов Б.С.* Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1981.

11. *Богомяжков Ю.С.* К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости в теории советского уголовного права. – Уфа, 1980.

12. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М., 1963.
13. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М., 1988.
14. *Бурлаков В.Н.* Личность преступника и назначение наказания. – Л., 1986.
15. *Варданян А.В.* Насильственная преступность и ее предупреждение. – М., 2002.
16. *Велиев С.А.* Принципы назначения наказания. – М., 2004.
17. *Власов И.С., Гуценко К.Ф., Решетников Ф.М.* Уголовное право зарубежных стран. – М., 1978.
18. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998.
19. *Волков Б.С.* Проблемы вины и уголовная ответственность. – Казань, 1965.
20. *Габиани А.А.* На краю пропасти: наркомания и наркоманы. – М., 1990.
21. *Гернет М.Н.* Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). – М., 1992.
22. *Герцензон А.А.* Уголовный закон и личность преступника. – М.: Знание, 1968.
23. Государственная дисциплина и ответственность / Под ред. Антоновой Л.И., Кожохина Б.И. – Ленинград, 1990.
24. *Гродеков Н.И.* Киргизы, Кара-киргизы Сыр-Дарьинской обл. (Юридический быт). – Т. 1. – Ташкент, 1989.
25. *Гюнтер А.* Должностные преступления. – Харьков, 1928.
26. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во ДВПУ, 1970.
27. *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. – Фрунзе, 1963.
28. *Джаянбаев К.И.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями. – Бишкек, 2005.
29. *Джекебаев У.С.* О социально-психологических аспектах преступного поведения. – Алма-Ата, 1971.
30. *Джумагулов А.* Семья и брак у киргизов Чуйской долины. – Фрунзе, 1960.

31. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск, 1989.
32. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. – М., 1981.
33. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М.: Политиздат, 1989.
34. Дунаевский В.В., Стяжкин В.Д. Наркомании и токсикомании. – Л., 1991.
35. Евтеев М.П. Погашение и снятие судимости. – М., 1964.
36. Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. Изд. 2-е. – М., 1924.
37. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М., 1991.
38. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. – М., 1998.
39. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.
40. Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. Изд-е 2-е. – М., 1990.
41. Кант И. Сочинения в шести томах. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965.
42. Карпец И.И. Проблема преступности. – М.: Юрид. лит., 1969.
43. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., 1976.
44. Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М., 1985.
45. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М., 1974.
46. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988.
47. Кенни К. Основы уголовного права. – М.: Госюриздат, 1949.
48. Классификация психических и поведенческих расстройств. – СПб., 1994.
49. Ковалев М.И., Алмазов Б.Н. Оценка психического здоровья человека уголовным законодательством. – Свердловск, 1987.
50. Кожевников М., Латовиер Н. Должностные преступления и борьба с ними. – М., 1936.
51. Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000.

52. *Козлов А.П.* Понятие преступления. – СПб., 2004.
53. *Кондратюк Л.В.* Антропология преступления (микркриминология). – М., 2001.
54. *Коротнев А.Д.* Малолетние и несовершеннолетние преступники. – СПб., 1903.
55. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение наказаний: проблемы моделирования. – СПб., 1998.
56. *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт теоретического моделирования. Учебное пособие. – М., 1998.
57. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение. Норма и патология. – М., 1982.
58. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. – М.: Наука, 1976.
59. *Кудрявцев И.А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1999.
60. *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1988.
61. *Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А.* Криминальная агрессия. – М., 2000.
62. *Кузнецов А.В.* Уголовное право и личность. – М., 1977.
63. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984.
64. *Культелеев Г.М.* Уголовное обычное право казахов. – Алма-Ата, 1955.
65. *Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – М., 1965.
66. *Курманов К.Ш.* Наркомания: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – Фрунзе, 1989.
67. *Курманов К.Ш.* Наркотизм: преступность, профилактика. Бишкек 2005.
68. *Лазарев А.М.* Субъект преступления. – М., 1981.
69. *Лебединская К.С., Райская М.М., Грибанова Г.В.* Подростки с нарушениями в аффективной сфере. – М., 1988.
70. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968.
71. *Лихачев В.В.* Уголовное право в освободившихся странах: сравнительное исследование. – М., 1988.
72. Личность преступника. – М., 1975.

73. *Лукашевич В.З.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. – Л., 1985.
74. *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. – М.,: Наука. 1991.
75. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
76. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
77. *Луниц Д.Р.* Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. – М., 1966.
78. *Маковский А.Н.* Социально-экономические факторы детской преступности в Москве. – М., 1912.
79. *Малиновский А.А.* Уголовное право зарубежных государств. – М., 1998.
80. *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности. – М., 1968.
81. *Мархотин В.И.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996.
82. *Марцев А.И.* Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. – Омск, 1973.
83. *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000.
84. *Миненок М.Г., Миненок Д.М.* Корысть. Криминологические и уголовноправовые проблемы. – М., 2001.
85. *Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П.* Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. – М., 1990.
86. *Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С.* Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. – Владивосток, 1999.
87. *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток, 1983.
88. *Молдабаев С.С.* Субъект преступления по Уголовному праву Республики Казахстан. – Алматы, 2001.
89. *Молдабаев С.С.* Проблемы субъекта преступления в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы, 1998.

90. *Мясников О.А.* Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательной и судебной практике. – М.: Юрлитинформ, 2002.
91. *Назаренко Г.В.* Невменяемость в уголовном праве. – Орел, 1994.
92. *Назаренко Г.В.* Невменяемость. – М., 2002.
93. *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М., 2002.
94. *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975.
95. *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР. Изд. второе. – Бишкек, 1999.
96. *Омигов В.И.* Криминологические и правовые проблемы борьбы с наркоманией и наркотизмом. – М., 1992.
97. *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958.
98. *Оршанский И.С.* Судебная психопатология для врачей и юристов. – СПб. 1900. – Т.V.
99. *Орымбаев Р.* Специальный субъект преступления. – Алма-Ата, 1977.
100. *Павлов В.Г.* Субъект преступления и уголовная ответственность. – СПб. 2000.
101. *Павлов В.Г.* Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). – М., 1999.
102. *Панкратов В.В.* Молодежь, преступность, правосудие. – М., 1985.
103. *Печерникова Т.П.* Психические аномалии в судебно-психиатрической практике. В кн.: Психические расстройства, не исключающие вменяемости. – М., 1984.
104. *Пионтковский А.А.* Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и И. Фихте. – М., 1940.
105. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. – М., 1961.
106. *Позднышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. – М., 1912.
107. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб, 2001.

108. *Похмелкин В.В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск, 1990.
109. Проблемы борьбы с социальным паразитизмом и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению. – Л., 1989.
110. *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. – Л., 1984.
111. *Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н.* Механизм уголовно-правового регулирования. – Красноярск, 1989.
112. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
113. *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М., 1999.
114. *Самощенко И.С., Фарукишин М.К.* Ответственность по советскому законодательству. – М., 1971.
115. *Санталов А.И.* Теоретические вопросы уголовной ответственности. – Л., 1982.
116. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961.
117. *Саякова М.К.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия наркотизму несовершеннолетних. – Бишкек, 2003.
118. *Сидоров Б.В.* Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – Казань, 1978.
119. *Ситковская О.Д.* Аффект: криминально-психологическое исследование. – М., 2001
120. *Ситковская О.Д.* Психологические основания уголовной ответственности. – Баку, 1992.
121. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. – М., 1998.
122. *Спасенников Б.А.* Правовая антропология. – Архангельск, 2001.
123. *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права. – М., 1986.
124. *Спиркин Н.Г.* Сознание и самосознание. – М., 1971.
125. *Стручков Н.А.* Проблема личности преступника. – Л., 1983.
126. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов, 1978.

127. *Табалдиева В.Ш.* Международно-правовая помощь по уголовным делам. – М., 2002.
128. *Тарбагаев А.Н.* Понятие и цели уголовной ответственности. – Красноярск, 1986.
129. *Тахтарев К.М.* Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. – Ч.1. Переизданное. – Л., 1964.
130. *Тихенко С.И.* Невменяемость и вменяемость. – Киев, 1927.
131. *Ткачевский Ю.М.* Правовые аспекты борьбы с наркоманией и алкоголизмом. – М., 1990.
132. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под. Ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. – М., 1987.
133. *Ульенкова У.В.* Шестилетние дети с задержкой психического развития. – М., 1990.
134. *Ушаков Г.К.* Пограничные нервно-психические расстройства. – М., 1978.
135. *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. – М., 1998.
136. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М., 2000.
137. *Фукс С.Л.* Обычное право казахов в XVIII. – Алма-Ата, 1981.
138. *Хачатуров Р.П., Ягутян Р.Г.* Юридическая ответственность. – Тольятти, 1995.
139. *Чечель Г.И.* Индивидуализация наказания несовершеннолетних. – М., 1968.
140. *Шаршеналиев А.С.* Проблемы борьбы с экономической преступностью в условиях перехода к рынку. – Бишкек, 1998.
141. *Шишов О.Ф.* Становление и развитие науки уголовного права в СССР. – М., 1981.
142. *Ядов В.А.* Социологические исследования. – М., 1972.
143. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. – М., 1985.
144. *Янгол Н.Г.* Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. – СПб., 2000.

III. СТАТЬИ

145. *Авербух И.Е., Голубева Е.А.* К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970.
146. *Антонян Ю.М., Виноградов М.В., Голумб Ц.А.* Преступность и психические аномалии // Сов. государство и право, 1979. – № 7.
147. *Аргунова Ю.* Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция, 2004. – №7.
148. *Богомяжков Ю.С.* Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1989. – №4.
149. *Богуш Г.И.* К вопросу от уголовной ответственности юридических лиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право. 2005. – №4.
150. *Бражник Ф.С.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998.
151. *Бузынова С.П.* Понятие личности преступника. В сб.: Актуальные проблемы советской криминологии и исправительно-трудового права. – М.: ВЮЗИ 1999.
152. *Веденский И.Н.* Проблемы исключительных состояний в судебно-психиатрической клинике. В кн. Проблемы судебной психиатрии. – М., 1947.
153. *Власова Т.А., Певзнер М.С.* Учителю о детях с отклонениями в развитии. – М., 1967.
154. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение, 1963. – №3.
155. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998.
156. *Гаверов Г., Моисеенко Г.* Применение исправительных работ к несовершеннолетним // Советская юстиция, 1971. – №22.
157. *Гаврилов Б.Я.* Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. – №1.
158. *Гилинский Я.И.* От «цивилизованности» – к «социальности»: Преступность в Санкт-Петербурге и безопасность населения // Версия, 1995. – № 1.

159. *Гуревич С.А.* Ответственность юных преступников по русскому уголовному законодательству // В кн.: Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. – М., 1912.

160. *Дагель П.С., Номоконов В.А.* Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток, 1985.

161. *Доброгаев М.* Алкоголь. Психоз. Судебная экспертиза // Записки криминалистов. – М., 1993.

162. *Елюбаев Ж.С.* Новый уголовный кодекс – требование времени // Тураби, 1997. – №2(3).

163. *Ефименко Л.* Профилактика преступлений и других правонарушений несовершеннолетних // Фемида, 2005. – №11.

164. *Жевалаков Э.К.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право, 2002. – №1.

165. *Жекебаев У.* Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия национальной академии наук Республики Казахстан, 1993. – №6.

166. *Жижиленко А.А.* Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь, 1924. – Кн. 7–8.

167. *Загородников Н.И.* О пределах уголовной ответственности // Советское государство и право, 1967. – №7.

168. *Загряжский Г.С.* Кара-киргизы (этнографический очерк) // Туркестанские ведомости, 1874. – №45.

169. *Иванов Н.Г.* Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность, 1998. – №3.

170. *Иванов Н.Г., Брыка И.* Проблемы ограниченной вменяемости // Законность, 1998. – №10.

171. *Исакова Н.* Эффективность условного осуждения несовершеннолетних правонарушителей // Социалистическая законность, 1975. – №10.

172. *Кареева М.П.* Марксистско-ленинское понимание личности и ее свободы // Личность, общество, государство. – М., 1966.

173. *Келина С.Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Сб. Уголовное право: новые идеи. – М., 1994.

174. *Келина С.Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. – М., 1994.
175. *Козлова Н.В.* Юридическое лицо субъект точки зрения закона и правовой науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2002. – №5.
176. *Кондрашова О.* Страна подседа на иглу // Аргументы и факты Кыргызстана, 2002. – № 49.
177. *Крастиньш У.Я.* Коллективный субъект в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002.
178. *Кудрявцев И.А.* Ограниченная вменяемость // Государство и право, 1995. – № 5.
179. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С.* Нарушение поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал, 1986. – №6.
180. *Кузнецова Н.Ф.* О проекте Общей части Российского Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция, 1994. – №7.
181. *Кузнецова Н.Ф., Лейкина Н.С.* Криминологический аспект соотношения социального и биологического // Сов. государство и право, 1977. – №9.
182. *Кузьмин Е.С.* Социально-психологические особенности личности. В. сб.: Социальная психология личности. – Л., 1974
183. *Кухарчук В.В.* Уголовно-правовые вопросы определения одурманивающих веществ // Следователь, 1999. – №5.
184. *Кушнер П.* Манапство в горной Киргизии // Революционный восток, 1927. – №2.
185. *Лейкина Н.С.* К вопросу об основании ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. – Л., 1958. – № 11.
186. *Лурия А.Р.* Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация // Вопросы психологии, 1969. – №5.
187. *Мельникова Ю.Б.* Значение указанных в законе обстоятельств, характеризующих личность виновного, для индивидуализации наказания // Личность преступника / Под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского и А.Б. Сахарова. – М., 1975.

188. *Михеев Р.И.* Субъект уголовной ответственности и личность преступника // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Межвузовский сборник. – Красноярск, 1986.

189. *Назаренко Г.В.* Эволюция понятия невменяемости // Государство и право, 1993. – №3.

190. *Наумов А.В.* Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция, 1992. – №№17–18.

191. *Наумов А.В.* Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // СГП, 1991. – №2.

192. *Никифоров А.С.* Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. Сборник статей / Под ред. С. Келиной, А.В. Наумова. – М., 1994.

193. *Никифоров А.С.* Об уголовной ответственности юридических лиц // Сб. Уголовное право: новые идеи. – М., 1994.

194. *Никифоров А.С.* Организация как субъект преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. Тезисы конференции. – М., 1994.

195. *Орлов А.* Задачи судов РСФСР по дальнейшему улучшению качества судебной деятельности // Советская юстиция, 1976. – №11.

196. *Павлов В.Г.* Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии // Тезисы докладов международной 13 Конференции по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М.-Петрозаводск, 1997.

197. *Павлов В.Г.* Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда // Вестник Ленинградского государственного университета: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. 1985. Вып. 4. – №27.

198. *Павлов В.Г.* Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение, 1996. – №3.

199. *Павлов В.Г.* Субъект преступления в уголовном законодательстве РСФСР (1917–1996) // Правоведение, 1998. – №1.

200. *Первомайский В.Б.* Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Государство и право, 1991. – №5.
201. *Печерникова Т.П.* Психические аномалии в судебно-психиатрической практике. В кн.: Психические расстройства, не исключающие вменяемости. – М., 1984.
202. *Пионтковский А.А.* О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право, 1967. – №12.
203. *Рашинов А.Р.* Личность преступника: психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси, 1979.
204. *Рейтц Г.В.* Патологическая преступность и уменьшенная вменяемость // Современная психиатрия, 1912.
205. *Самовичева Е.Г.* Личность насильственного преступника и проблемы преступного насилия // Сб. научных трудов ВНИИ МВД СССР. – М., 1987.
206. *Санталов А.И.* Уголовная ответственность и «свобода воли» // Вестн. Ленингр. ун-та, 1968. – №5.
207. *Сатыбеков Э.* По закону предков // Вечерний Бишкек, 2003. – №43 (8219).
208. *Сахаров А.Б.* Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника (тезисы выступлений). – Горький, 1976.
209. *Сахаров А.Б.* Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право, 1970. – №10.
210. *Сахаров А.Б.* Учение о личности преступника // Советское государство и право, 1968. – №9.
211. *Семенов С.Ф.* К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1966. – Т. 66. Вып. 8.
212. *Сербский В.П.* Законодательство о душевнобольных // Журнал невропатологии и судебной психиатрии им. С.С. Корсакова. – М., 1905. Кн.5.
213. *Сирождинов Д.В.* Уменьшенная (ограниченная) вменяемость: история вопроса и его современное понимание // Российский юридический журнал, 1997. – №2.
214. *Ситковский Ю.* Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве // Уголовное право, 2002. – №4.

215. *Смирнов В.Г.* Основания уголовной ответственности и наказания за преступление, совершенное в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. – Л., 1964. – №11.
216. *Сорокин В.Д.* О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение, 1999. – №1.
217. *Стручков Н.А.* Личность преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника (тезисы выступлений). – Горький, 1976.
218. *Таргабаев А.Н., Кропачев Н.М., Бойцов А.И.* Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник ЛГУ, 1990. Сер. 6. Вып. 2. – №13.
219. *Тарпасова Ю.В.* Может ли юридическое лицо стать субъектом преступления // Юридический консультант, 2003. – №7.
220. *Твердая И.Н.* Оценка состояния опьянения при назначении наказания // Вестник Московского университета. Право. 1970. – №4.
221. *Трахтеров В.С.* Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // Право и жизнь, 1925. – Кн. 9–10.
222. *Трахтеров В.С.* Юридические критерии вменяемости // Ученые записки Ленинградского юрид. института. Вып. 4. – Л., 1947.
223. *Требач А.* Примирение с наркотиком // Социологические исследования, 1991. – №12.
224. *Устименко В.В.* Субъект преступления и личность преступника // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1989.
225. *Федотов Д.Д.* Современное состояние и перспективы разработки проблемы лечения и профилактики неалкогольных токсикоманий // Алкоголизм и токсикомания. – М., 1968.
226. *Фейеров О.Е.* О так называемом биологическом аспекте причин преступности // Советское государство и право, 1966. – №10.
227. *Филимонов В.Д.* Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, категории). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970.
228. *Фрейеров О.Е.* Возрастной критерий уголовной ответственности // Соц. законность. – М., 1968. – №12.
229. *Халецкий А.А.* О проблемах правоведения и психиатрии // Советское уголовное право, 1965. – № 9.

230. *Шагородский М.Д.* Детерминизм и ответственность // Правоведение, 1968. – №11.

231. *Шубин В.В.* Учитывать личность виновного при назначении наказания – обязанность суда // Социалистическая законность, 1976. – №4.

IV. АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

232. *Антонова Е.Ю.* Юридическое лицо как субъект преступления: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 1998.

233. *Боровых Л.В.* Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореферат дисс. ...канд. юрид. наук. – СПб.-Екатеринбург, 1993.

234. *Голумб Ц.А.* Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями и профилактика этих преступлений: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1982.

235. *Гомонов Н.Д.* Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.

236. *Джоробеков Ж.М.* Смертная казнь: история и современность: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2003.

237. *Долгова А.И.* Криминологические проблемы взаимодействия социальной среды и личности: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1980.

238. *Доронин Г.Н.* Личность несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления и вопросы предупреждения преступности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980.

239. *Жуковский В.И.* Субъект преступления в уголовном праве России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь 2002.

240. *Иванцов П.П.* Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.

241. *Кадыров А.А.* Обстоятельства, отягчающие наказание: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ташкент. 1997.

242. *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1991.

243. *Кривощекова Н.В.* Криминологическая характеристика личности преступников, впервые совершивших насильственные преступления в зрелом возрасте: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1985.

244. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1969.

245. *Мельникова Ю.Б.* Индивидуализация наказания с учетом личности преступника: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1969.

246. *Михеев Р.И.* Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1995.

247. *Ситковский И.В.* Уголовная ответственность юридических лиц: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

248. *Шабский В.А.* Наркотизм несовершеннолетних (правовой и криминологический аспект): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.

V. УЧЕБНАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

249. Алкоголизм: Руководство для врачей / Под ред. Г.В. Морозова, В.Е. Рожнова, Э.А. Бабаева. – М., 1983.

250. *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в оценке преступления. Учебное пособие. – М., 1973.

251. *Бодобаев К.А.* Уголовное право Кыргызской Республики. – Бишкек, 2005.

252. Большая медицинская энциклопедия. – Т. 9. – М., 1978.

253. *Борзенков Г.Н.* Специальный субъект преступления. В кн.: Курс уголовного права. Общая часть. Учебник для юрид вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 1999.

254. *Бышевский Ю.В., Марцев А.И.* Криминологическая характеристика личности вора. Учебное пособие. – Омск, 1973.

255. *Волков В.Н.* Судебная психиатрия. Курс лекций. – М., 1998.

256. *Гегель Г.* Философия права. – М., 1990.

257. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. – М., 1975.

258. *Гилинский Я.И.* Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб, 2002.
259. Дефектология: словарь-справочник. Автор-составитель С.С. Степанов / Под ред. Б.П. Пузанова. – М., 1996.
260. *Джаянбаев К.И.* Криминология. – Бишкек, 2003.
261. *Джоробекова А.М.* Уголовно-правовые средства защиты личности несовершеннолетних. – Бишкек, 2002.
262. *Джоробекова А.М., Самаков К.С.* Применение основных и дополнительных наказаний: история, современность и проблемы. – Бишкек, 2005.
263. *Дмитриев А.С., Клименко Т.В.* Судебная психиатрия. – М., 1999.
264. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). – М., 1982.
265. Задержка психического развития детей и пути ее преодоления. Обзорная информация. Вып. 13 / Под ред. Т.А. Власовой. – М., 1976.
266. *Зубков А.И.* Уголовно-исполнительное право. Учебник для вузов. – М., 2000.
267. *Иванов Г.* Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. Учебное пособие для вузов. – М., 1998.
268. *Игнатов А.Н., Костарева Т.А.* Уголовная ответственность и состав преступления. Лекция 4. – М., 1996.
269. *Имамов Э.З.* Уголовное право КНР. – М., 1990.
270. *Иншаков С.М.* Зарубежная криминология. – М., 1997.
271. *Иншаков С.М.* Криминология. – М.: Юриспруденция, 2000.
272. *Каиржанов Е.* Уголовное право. Общая часть. – Алматы, 2002.
273. *Калашник Я.М.* Судебная психиатрия. – М., 1961.
274. *Кант И.* Сочинения в шести томах. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965.
275. *Карпец И.И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973.
276. *Карпец И.И.* Уголовное право и этика. – М., 1985.
277. *Кигишьян В.А.* и др. Уголовное право Кыргызской Республики. Часть Общая. – Бишкек, 2000.

278. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики / Под ред. Курманова К.Ш. – Бишкек, 2003.
279. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Б.В. Волженкина. – СПб., 1996.
280. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. – М., 1996.
281. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996.
282. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Скуратова И.Ю., Лебедева В.М. – М., 1999.
283. Комментарий к УК КР. Асаналиев Т.А., Каримбеков А.Ж., Осмоналиев К.М. – Бишкек, 2002.
284. Криминология. Курс лекций. – СПб., 1995.
285. Криминология. Учебник / Под ред. В.В. Орехова. – СПб., 1992.
286. Криминология. Учебник. – М.: Юрид. лит-ра, 1988.
287. Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П.Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999.
288. Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1997.
289. Криминология. Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1996.
290. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). – М., 1998.
291. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). – М., 1998.
292. Кузнецова Н.Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1998.
293. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969.
294. Курманов К.Ш. Квалификация преступлений: теория и практика. – Бишкек, 2000.
295. Курманов К.Ш. Уголовное право Кыргызской Республики. Общая часть. – Бишкек, 1997.

296. *Курманов К.Ш.* Уголовное право Кыргызской Республики. Часть Общая. Изд. пятое. – Бишкек, 2005.
297. *Курманов К.Ш., Сыдыкова Л.Ч., Джаянбаев К.И., Джакупова Г.К.* О преступлении. – Бишкек, 1997.
298. *Курманов К.Ш., Сыдыкова Л.Ч., Шаршеналиев А.Ш.* Уголовное право Кыргызской Республики. Часть Особенная. – Бишкек, 2000.
299. Курс советского уголовного права. Часть Общая. – Т. 2. – Л., 1970.
300. Курс советской криминологии / Под ред. В. Н., Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. – М.: Юрид. лит., 1975.
301. Курс уголовного права. – Т. 1. – Часть Общая. Учение о преступлении / Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжковой И.М. – М., 2002.
302. *Лейкина Н.С.* Советское уголовное право. Часть Общая. Учебное пособие. – Л., 1960.
303. *Лунеев В.В.* Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. – М., 1986.
304. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учебное пособие. – М., 2000.
305. *Назаренко В.Г.* Уголовное законодательство России. Учебное пособие. – М., 1998.
306. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Часть Общая. – М., 1997.
307. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М: БЕК, 1996.
308. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1995.
309. Права человека и прокурорский надзор в Кыргызской Республике. Учебно-практическое пособие для сотрудников прокуратуры / Под ред. Шагивалиева А.К. – Бишкек, 2007.
310. Преступление и наказание. Комментарии к проекту Уголовного кодекса России // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. – М., 1993.
311. Преступность и правонарушения. – М., 1999.
312. *Пятницкая И.Н.* Клиническая наркомания. – Л., 1975.
313. *Решетников Ф.М.* Правовые системы стран мира: Справочник. – М., 1993.
314. *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. – СПб, 2000.

315. Руководство по психиатрии. В 2-х т. / Под ред. А.В. Снежневского. – Т. 1. – М., 1983.
316. *Сербский В.П.* Судебная психопатология. Вып. 2. Переизд. – М., 1999.
317. *Сербский В.П.* Судебная психопатология. Избранные труды. – М., 2000.
318. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. – СПб., 1908.
319. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. – М., 1999.
320. Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1988.
321. Современное зарубежное уголовное право. – Т. 2. – М., 1958.
322. Судебная психиатрия. – М., 1986.
323. Судебная психиатрия / Под ред. А.С. Дмитриевой, Т.В. Клименко. – М., 1998.
324. Судебная психиатрия. Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Морозова. – М., 1997.
325. Судебная психиатрия. Учебник / Под ред. Шостаковича Б.В. – М., 1997.
326. *Сыдыкова Л.Ч.* Ответственность за взяточничество. – Бишкек, 1997.
327. *Сыдыкова Л.Ч.* Система и виды наказания по Уголовному праву Кыргызской Республики. – Бишкек, 1999.
328. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. – Т. 1. – М., 1994.
329. *Тимофеева Н.Н., Тимофеева Л.Н.* Содержание и объем работы эксперта-психиатра. – М., 1971. – №5.
330. *Трайнин А.Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Изд. 2-е. – Л., 1925.
331. *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Часть Особенная. Изд. 2-е. – М., 1927.
332. *Трайнин А.Н.* Учение о составе преступления. – М., 1946.
333. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х т. – Т. 2. Часть Особенная / Под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 1999.
334. *Фарбер И.М.* К вопросу об «относительной» вменяемости. Современная психоневрология, 1928. – Т. 5.
335. *Филимонова В.Д.* Общественная опасность личности преступника. – Томск: Изд-во Томского университета, 1970.

336. *Шаргородский М.Д.* Основания уголовной ответственности. В кн.: Курс уголовного права. Часть Общая. – Т. 1. – Л., 1968.

VI. ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

337. *Годиньо Д., Навотны Т., Тадессе И., Винокур А.* ВИЧ/СПИД и туберкулез в Центральной Азии. Рабочий доклад всемирного банка. – Вашингтон, 2005. – №29.

338. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 3.

339. *Мюнстерберг Г.* Основы психотехники. В 2 т. – СПб., 1996. – Т. 2. Часть III–IV.

340. *Такэхико Сонэ.* Теория и практика хозяйственного уголовного права в условиях рыночной экономики Японии. Вестник Московского университета. Сер. Право. 1998. – № 4.

341. *Чезаре Беккариа.* О преступлениях и наказаниях. – М., 1995.

342. *Чезаре Ламброзо.* Преступный человек. – М., ЭСМО МИДГАРД. СПб., 2005.

343. *Donziger S.* The on Crime: The Report of the National Criminal Justice Cjmmission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

344. *Klingmann H., Hunt G.* (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspectaive: Drugs, Demons and Delinquents. SAGE Pablcatons. 1998.

Таблица 1

Состояние преступности в КР (1990–2008 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	Зарегистрировано лиц	Коэффициент. преступности на 100.000 насел.
1990	29654	13175	684,1
1991	32061	15430	730,4
1992	43944	18998	989,2
1993	42495	20871	948,0
1994	41155	20869	920,0
1995	41008	21115	908,0
1996	39623	23416	843,0
1997	37262	21856	792,8
1998	34287	21814	714,3
1999	39951	22366	832,3
2000	38620	23359	788,1
2001	39986	21285	816,0
2002	37193	18778	751,4
2003	35606	18876	715,0
2004	32616	17347	652,3
2005	33277	17036	653,5
2006	31392	15357	610,9
2007	29151	15325	561,7
2008	29519	15184	565,1
2008 г. к 2007 г.	+368	-141	+3,4
2008 г. к 1998 г.	-4.768	-6.630	-149,2

Общий уровень преступности в Кыргызстане (2000–2008 гг.)

Годы	Общее количество преступлений (все виды)			
	Абс. показатель	Динамика	Коэффициент на 100 тыс. населения	Население Кыргызской Республики (в тыс. человек)
2000	38620	–3,3%	788,9	4895,2
2001	39986	+3,5%	810,2	4935,4
2002	37193	–6,8%	747,7	4974,2
2003	35606	–4,2%	710,4	5012,1
2004	32616	–8,3%	643,9	5037,2
2005	33277	+2%	647,5	5092,8
2006	31392	–5,6%	610,9	5138,6
2007	29151	–7,1%	561,6	5189,8
2008	29590	–4,4%	566,5	5224,3
2008 г. в %% к 2000 г.	–30,6%		–222,7	+329,1

**Число наркоманов, состоящих на учете в наркологических учреждениях,
по территории**

	2005.		2006		2007		2008	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
Кыргызская Республика	478	6738	516	7837	578	8156	621	8884
Баткенская область	1	109	–	107	–	108		103
Джалал-Абадская область	11	387	14	449	15	491	16	505
Иссык-Кульская область	3	208	3	224	3	225	2	254
Нарынская область	–	14	–	17	–	16	–	12
Ошская область	6	377	7	424	8	442	10	473
Таласская область	–	100	1	105	2	112	–	116
Чуйская область	114	1691	126	2284	159	2230	171	2509
г. Бишкек	269	2795	291	3086	318	3325	341	3593
г. Ош	74	1057	74	1141	73	1207	81	1319

Состав лиц, совершивших преступления (человек)

	2004	2005	2006	2007	2008
Выявлено лиц, совершивших преступления	17347	17036	16357	15325	15184
Из них:					
мужчины	15270	15016	14503	13491	13331
женщины	2077	2020	1854	1834	1853
Из них по возрасту совершения преступления:					
несовершеннолетние	1143 (6,5%)	1266 (7,4%)	1151 (7,0%)	1296 (8,4%)	1280 (8,5%)
18–24 года	4436 (25,6%)	4501 (26,4%)	4207 (25,8%)	4022 (26,3%)	3881 (25,6%)
25–29 лет	2827 (16,2%)	2664 (15,7%)	2488 (16,2%)	2257 (14,8%)	2352 (15,5%)

Число лиц, совершивших преступления (человек)

	2000	2005	2006	2007	2008
Всего	23359	17036	16357	15325	15184
В том числе по несовершен-е	1713	1266	1151	1296	1280
Женщины, Из них несовершен-е	2396 137	2020 118	1854 70	1834 120	1853 105
Мужчины в т. ч. нествершен- е	30963 1576	1506 1148	14503 1081	13491 1176	13331 1175

Распределение подростков (14–17 лет), совершивших преступления по занятию (человек)

	2000	2005	2006	2007	2008
Всего	23359	17036	16357	15325	15184
Всего подростков, совершивших преступления	1713	1266	1151	1296	1280
В том числе девочки	137	118	70	120	105
В том числе мальчики	1576	1148	1081	1176	1175
Из них по занятию ученики	513	480	420	506	474
Студенты ПТУ (профессионально-технических уч. заведений)	32	23	7	16	27
Студенты средних и высших профессион. учебных заведений	10	15	23	41	31
Не работающие и не учащиеся	950 (55,5%)	659 (52,0%)	620 (59,9%)	670 (51,7%)	643 (50,3%)

Структура осужденных несовершеннолетнего возраста

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Осуждено всего человек	1017	986	901	873	892	806
процент	100	100	100	100	100	100
Из них в возрасте 14–15 лет	21,4	22,1	21,2	20,0	21,3	19,1
16–17 лет	78,6	77,9	78,8	80,0	78,7	80,9
Девушек (девочек)	8,4	9,5	8,2	7,4	5,8	5,2
Не учившиеся и не работавшие	56,9	54,8	52,2	58,9	48,9	47,9
Совершили преступление в группе	60,1	55,2	57,9	58,1	58,6	58,8
Раннее судимые (с неснятой и непогашенной судимостью)	8,1	9,4	9,1	11,3	7,8	7,0